

Андрей Арсланович Мансуров

Королевство пустых зеркал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21159203

Аннотация

Эта трилогия, возможно, одна из самых моих страшных и пессимистичных социальных антиутопий. И в первой её части почти нет традиционного для меня «экшэна». Зато много почти назойливого реализма – да, я действительно считаю, что именно так всё и может случиться, если... Если, как, собственно и во всех антиутопиях – прямо сейчас не начать противодействовать сложившейся глобалистской Системе управления человечеством. И пусть мир альтернативной реальности показан глазами модельера – то есть, с весьма специфической точки зрения – от этого вряд ли становится меньше ужас свершённого теми, кто взял на себя смелость решать за миллиарды людей, какими им быть. И как жить.

Мансуров Андрей

Королевство пустых зеркал

Роман

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Предисловие автора.

Эта трилогия, возможно, одна из самых моих страшных и пессимистичных социальных антиутопий. И в первой её части почти нет традиционного для меня «экизэна». Зато много почти назойливого реализма – да, я действительно считаю, что именно так всё и может случиться, если...

Если, как, собственно и во всех антиутопиях – прямо сейчас не начать противодействовать сложившейся глобалистской Системе управления человечеством.

И пусть мир альтернативной реальности показан глазами модельера – то есть, с весьма специфической точки зрения – от этого вряд ли становится меньше ужас свершённого теми, кто взял на себя смелость решать за миллиарды людей, какими им быть.

И как жить.

Часть 1. Крючок.

Объявление ничем не отличалось от стандартного.

«Работа за рубежом. В филиал крупной международной корпорации, специализирующейся на выпуске элитной одежды, требуется молодой креативный дизайнер. Стаж работы по специальности – не менее пяти лет. Производственные навыки и владение ангальским языком обязательны. Подробности после собеседования. Зарплата – от 3 500 у.е. С собой иметь резюме и...» И прочие казённо-бюрократические атрибуты.

Далее шёл «контактный телефон» и «адрес головного офиса». Блин...

Отшвырнув газету в кучу остальных, Алексей встал с постели. Щека дёрнулась.

Нет, так не пойдёт. Кипа мятой и рванной бумаги в углу у изголовья кровати доходит уже почти до колена. Босая ступня наступила на что-то острое, он даже подпрыгнул, зашипев. Зар-раза, что это так колется?! А-а, закаменевший чипс. В кухню так вообще стыдно зайти: гора невымытых тарелок и кастрюль с безобразно шелушащимися корочками и разноцветными пятнами, на ладонь торчит из мойки. А уж запах...

Что же он – свинья, что ли? Или – отчаялся?.. Запустил до безобразия свой «быт», и не следит за состоянием квартиры? Вон: на книжной полке пылюки, оказывается,росло

– можно рисовать. Пальцем. Или записывать всё те же телефоны. Телефоны...

Нет, он уже их не записывает и не выписывает.

Бросив сердитый взгляд на будильник – тот не испугался, и упорно продолжал показывать девять сорок две – Алексей прошёл на кухню.

Холодильник ему попался тоже не из пугливых. Поэтому крепкие слова и комментарии по поводу отсутствия еды перенёс стойко. Впрочем – скорее, просто равнодушно. Слышал и не такое...

Алексей, выудив из недр ослепительно ярко сверкающего пустотой пространства, пакет с недоеденной позавчера булкой. Хмуро взглянул на чайник. Тот как раз закипел.

Ну, хоть на этом спасибо.

Он долил в кружку позавчерашней же заварки. Разбавил её кипятком. Сахар кончился ещё на той неделе. Так что кушать остатки уже слегка папахивающей плесенью сдобы пришлось без «подслащения жизни», как любила говаривать бывшая...

За завтраком он задумчиво смотрел в одну точку: на кран мойки. Из носика каждые пять секунд капала жирная, словно издевательски сверкающая в лучах включённой у раковины лампочки, прямо-таки лучащаяся оптимизмом и толстенькими наливными боками, капля.

Зараза! Нет, не капля, а кран – сам он без инструментов прокладки поменять точно не сможет, а денег – не то, что на

сантехника, а и на новую булку... Катастрофически.

Доев и ополоснув чашку, (Чтоб была хоть одна чистая!) он подошёл к окну.

Чуть отодвинул посеревшую от пыли занавеску. За окном всё так же серо и неприглядно: пасмурно, смог. Видно лишь унылые коробки корпусов промпредприятий, да и то – не дальше пары километров: всё тонет в сизо-голубой дымке. Столица. Мать её...

Ночью из окна его дешёвой квартиры даже «огней большого города» не видать – окраина. Сравнить вид отсюда после заката можно было лишь с картиной из далёкого детства, когда они с матерью ехали ночным поездом в гости к тётке.

На одном из полустанков он нарушил строжайший запрет родительницы, привстал с нижней полки, и упёрся носом в стекло: чернота за окном купе подавляла... Но и притягивала, как магнит.

Зловещей неизвестностью эта, словно клубящаяся, как туман, темнота, притаилась за краями залапанного чужими жирными пальцами, стекла. И только в центре как бы картины в рамке из массивных брусьев, кое-что сглаживало, смягчало ощущение опасности: подвешенная к кривоватому деревянному столбу лампочка с жестяным плоским колпаком сверху, отбрасывала, качаясь на ветру, режущее-пронзительный свет на кусок покосившегося забора, ворота какого-то лабаза и отблёскивающую чёрной водой огромную лужу.

Валики выдавленной колёсами грязи, обрамляющие лу-

жу, и начинавшиеся словно нигде, и уходящие в никуда, всё равно навевали мысли о чём-то тревожном и тоскливом.

А больше ничего видно не было...

Кусок чьей-то жизни. Довольно унылой и беспросветной. Без разъяснений.

Он, отлично осознавая, что смотреть не на что, и незачем, всё равно упорно вглядывался во всё это, пока состав, поскрипывая, и поддёргиваясь, не вывез его в уже абсолютную черноту башкарских степей. Рассеиваемую лишь мерцанием звёзд, плохо различимых через грязное стекло – кажется, было новолуние. Он тогда ещё подумал, что лучше уж абсолютная чернота и неопределённость, чем – вот так, сиротливо-убого...

И вот, почти так же, как на том забытом Богом полустанке, сейчас и у него всё: прошёл кусок жизни. Все усилия и мечты тонут (или – уже утонули) в глубокой чёрной луже безысходности.

Город оказался ничуть не приветливей бесплодных степей. А люди – просто...

Равнодушные. Или, что чаще – злобные завистливые твари. Любящие только себя!

И стремящиеся любой ценой стащить на себя *всё* одеяло.

Впрочем, трудно их за это винить. Жизнь здесь учит помогать лишь ближайшим родичам. И то – не всем. И не всегда.

А он... Считал себя способным на большее, чем препода-

вать историю в областном ремесленном училище. Ну вот и «попал» он с этими своими амбициями, и детско-наивным стремлением «строить жизнь самостоятельно»... Как кур в ощи́п.

Банально? Да.

Повторение миллионов чьих-то несостоявшихся судеб? Да. Недаром же после «Мосма слезам не верит», явно по заказу Высоких Чинов отсняли и «Карнавал»: чтобы убедившись, что ловить в столице нечего, миллионы наивно-восторженных и амбициозных девиц и парней не ломались, как мухи на... Н-да.

А что: он не стеснялся самому себе признаться, что вот этот, явно подходящий к логическому завершению, «кусочек» жизни – отправлен псу под хвост!

Это только в слезливых дамских романах... Или в фантастике – главный герой в полной ж...пе, и как раз решает, с какой стороны к люстре лучше прицепить верёвку с петлёй. И тут вдруг!.. «Судьбоносный» звонок в дверь... Или хотя бы – по телефону.

Враки. Рассчитанные на то, чтобы другие миллионы полумертвых идиотов читали, и сопереживали: вот, сейчас у героини... или героя – всё «круто изменится!» Наследство. Интересная новая работа. Другой Мир. Словом – сказка о Золушке на новый лад!

А не удастся самому разобраться так, как «герои» книги со своей Судьбой – так получишь удовольствие от того, что

хоть у кого-то, пусть и придуманного, всё сложилось так, *как надо*. Как хотелось бы и им...

«Покупайте эту замечательную книгу», обозлённые, разочарованные, трезво-прагматичные, но в глубине души «ранимые и сентиментальные» идиоты, отдыхайте душой, и наслаждайтесь иллюзиями Мира Грёз и Фантазий, и обогащайте!..

Если не свой внутренний мир, так хотя бы автора этой лабуды...

Ага – смешно.

Юмор висельника.

Да и кто к *нему* придёт или позвонит?!

Но вот вешаться – не дождётесь!..

А может, ну его на фиг, и просто – вернуться? Мать ждёт – не дожётся: двору нужны руки, как она всегда любит повторять... Крыша течёт, планки из забора выпадают, двор зарос бурьяном. А огород копать приходится нанимать соседа-алкаша, за традиционный магарыч – пузырь «самоката», который мать достаёт у тёти Агафьи...

Негативное мышление. Так *думать* нельзя: он читал у Генри Олднера в его «Теории НЛП», что нужно всегда... Вот именно: *знать*, и быть железобетонно уверенным, что человек *может* добиться *всего*, чего пожелает.

И – что?

Получается, он «пожелал» работать на жайтайский подпольный цех одежды?!

С одной стороны, он вроде бы рад, что его обнаглевших в последнее время хозяев «прихлопнули». Те, видать, вообразили, что теперь-то они надёжно «прибрали к рукам» Жернизовский Рынок. Повезло ему, что при облаве оказался дома. А имени его ни в одной «бумаге», захваченной в «конторе» (двухъярусном огромном подвале под одним из ларьков) не значилось...

С другой стороны, теперь и денег взять неоткуда.

Вернувшись в комнату, Алексей заправил кровать. Простыня и наволочка превратились в грязно-серые и сырые от ночного пота мятые тряпки – что же делать, если последние три недели хозяину не спится! А постирать всё недосуг.

Впрочем, кого он обманывает? Времени у него теперь – море... Хочешь – гуляй по квартире. Хочешь – ходи по улицам, разглядывая деловито-каменные серые лица спешащих навстречу, и озабоченных своими проблемами, женщин, мужчин, и даже детей. (Впрочем, большинство проблем детей сейчас сводится к более или менее престижной пластиковой коробочке, которую они тащат в руке, сосредоточенно вперившись в неё. И натюкивая что-то пальцем – «общаются!»)

А хочешь – сиди, как идиот, на кровати, обводи кружками отобранные объявления, и звони по номерам... Где тебе весьма вежливо ответят, что «Вакансия уже занята...», «Извините, набор временно приостановлен...», и, козырное: «Оставьте, пожалуйста, ваш телефон. Мы сами перезвоним

вам».

Ну правильно: новое законодательство запрещает печатать в объявлении «дискриминирующие» градации, типа «мужчин и женщин старше сорока просят не беспокоить».

И теперь из-за этого приходится как придурку, таскаться по всем этим, расположенным, согласно закону подлости, на других, самых дальних, концах города, конторам, и выслушивать всё то же: «Мы вам перезвоним...»

Перезвонят, как же... И то, что после него на стул для собеседования садятся сотни задов таких же непристроенно-озабоченных, а когда-то – энтузиастов, вовсе не улучшает настроения: конкуренты. И все, как и он, стараются выглядеть уверенно, и деловито...

Поскольку читали и Карнаги и того же Олднера.

Собирая в чёрный пластиковый пакет грудку мятых газет, и собираясь вытряхнуть туда же и огромную кучу склизко-зелёных очисток и кожурок из вазочки у мойки, он приостановился на мгновение.

А может?.. Чем чёрт не шутит – позвонить-то никто не запрещает... Пока телефон не отключили за неуплату!

Оставив на кровати верхнюю, последнюю, газету, он вышел в коридор, затем на лестничную площадку.

Никого. Отлично. Он положил пакет на пол, и походил по нему, придерживая горловину. Ну вот: теперь должно влезть.

Пакет всё равно затолкался в трубу мусоропровода с тру-

дом. Но вниз уехал. Алексей не без интереса прислушался, чуть склонив правое ухо к трубе.

А, нет – не до подвала. Ну, ничего – кто-нибудь наверняка бросит что-нибудь тяжёлое, с кухонными отходами на-пример, и прочистит трубу... А не прочистит – так и ладно. Живя на шестом этаже можно особенно не волноваться за «засор» на втором. Вот к чему его приучила жизнь в этом городе: к ехидному наплевательству на проблемы других.

Вернувшись в квартиру, он тщательно вымыл руки. Хотя дотрагивался только до крышки люка. Всё равно – лучше чувствовать себя чистым, и знать, что не притащил домой никакой заразы. Вот и этой «мании» к чистоте рук и тела ему, в числе всего прочего, тоже не могла простить драгоценная «кошечка».

В половине одиннадцатого он снял трубку, и стал крутить старомодный диск номеронабирателя. (Как нагло соврала хозяйка квартиры, «не напасёшься на вашего брата телефонов-то». А, скорее, ей вот так квартира и досталась – со всеми «аксессуарами»...)

– Здравствуйте. Я звоню по вашему объявлению. – он постарался говорить не бодро, а просто – равнодушно. Эти бодрость и деловитость уже сидели у него в печёнках.

– Здравствуйте. – стандартно приятный нейтрально-вежливый женский голос на том конце линии не спешил продолжить... Хм. Странно. Ну ладно. Ему не стыдно представиться. И спросить.

– Вас беспокоит Липгард Алексей Семёнович. Я хотел узнать – вакансия на должность дизайнера одежды для зарубежного филиала... ещё не занята?

– Ещё нет. Если желаете, можете подъехать на собеседование. Наш адрес указан в объявлении.

– Да-да, благодарю, я... Когда у вас обед?

– У нас нет обеда, Алексей Семёнович. Вы можете подъехать в любое удобное для вас время, до восемнадцати ноль-ноль. В холле назовётесь, скажете секьюрити, что на собеседование в «Юниверсал дизайн инк.», и вас пропустят.

– Благодарю. До свиданья. – только и нашёлся сказать Алексей.

– До свиданья. – ответил мягкий голос. В трубке запыкал сигнал отбоя.

Странно. Хотя нет – ничего странного. Почти всё почти как всегда.

Но...

Что же тогда показалось ему каким-то... Ненормальным? Пугающим?..

Да, именно это слово – пугающим.

Что-то не так с этой «Крупной международной корпорацией»? Но – что?!

Голос в трубке? Вроде, нет. Ничуть не менее безлико-вежливый, чем у всех прочих «специалисток» по связям с...

Текст объявления?

Нет – не подкопаешься, всё стандартно.

Может, напрягает то, что столь лакомая должность ещё не занята?.. Хм...

Да, пожалуй это и подозрительно: только в *его* выпуске было сорок восемь «дизайнеров современной стильной одежды», а до него, и после... Не менее полутысячи. И это – только одного Центра обучения. А таких – только по столице – с десятков!

Что же, остальные не хотят бросать места, где закрепились?! Ох, не верится...

Снова пришлось вернуться в ванну. Облупленный кафель мутно-голубого окраса взор взыскательного колориста точно никогда бы не усладил... Раковина фаянсовая, старая. Впрочем, как и всё здесь, в безликой квартире, приобретённой явно только для того, чтобы пускать «дойных коров» – квартирантов, не слишком заботясь о создании подлинного «уютя». Временное жильё – не больше! Ладно, хоть вода текла исправно.

Брился он тщательно, как всегда. Вот только лезвие тупое. Надо купить... Мозг снова прошёл традиционным маршрутом: «надо купить – нет денег – обязательно куплю, когда устроюсь – не устроишься, пока не будешь выглядеть достойно – не устроишься, соответственно, пока аккуратно не выбреешься!». Чёрт.

Галстук Алексей решил одеть тонкий серый. В нём он хотя бы мог ворочать головой, и не чувствовать себя «упакованным». Зная, что лифт в очередной раз «не работает»,

вниз, особо не торопясь, спустился пешком. Хмыкнув, мстительно прикинул: вот, где-то между вторым и первым и должен торчать сейчас его пакет...

На улице, для разнообразия, почти распогодилось. Только дуло от души. Ерунда.

До указанного адреса добрался на автобусе. Маршрут 1078 проходил как раз по нужной улице. Заняла поездка всего тридцать пять минут.

А что ему – пожар, что ли? Куда спешить?

Здание не поражало ни красотой, ни высотой. Безликая многоэтажка таталинской застройки. Однако войдя внутрь, он переменял мнение: холл оказался отделан почти на уровне... Пятизвёздочного отеля. Причём – не местного, а такого, что горделиво высится где-нибудь на побережье Ривьеры!.. Понятно, что тут кого попало не впускают.

Из будки вышел поджарый, и всё равно – косая сажень в плечах! – огромный охранник. Второй остался на месте, спокойно наблюдая.

– Здравствуйте. Вы – к кому? – тон очень вежливый. Никакого пренебрежения, или злобы, что Алексей иногда подмечал у «наделённых полномочиями» холуёв.

– Я – Алексей Семёнович. В «Юниверсал дизайн инк.». На собеседование. Мне назначено.

– Прошу вас, Алексей Семёнович. – вежливый (!) жест рукой в глубину коридора, – Лифт – слева. Четвёртый этаж.

– Благодарю – только и смог выдавить слегка опешивший Алексей.

А его Корпорация-то, похоже, и впрямь – корпорация, а не прикрывающаяся броским названием фирма-однодневка. Для отмыwania денег. Хотя...

Работал он и на такие.

Ага – теперь стыдно. Но – в его Резюме они проходят под многозначительными помпезными названиями: можно чувствовать уверенность. Вроде бы.

Лифт оказался на первом этаже. Он нажал клавишу. С приятным тихим звонком дверцы плавно разъехались. Ого! Дьявольщина – в таком под стать ездить и Президенту! Алексей вошёл, чувствуя, как возрастает его желание потрудиться на этих «работодателей», и нажал кнопку с горящей четвёркой.

Когда двери вновь раскрылись, он даже не смог сразу решиться наступить на шикарную ковровую дорожку коридора. Это ж надо! Из кусков персидского ковра, что ли, они её составили?! Ворс чуть ли не до щиколотки! Уже двигаясь по ней, он автоматически поглядывал вниз: нет! Швов не видно – значит, сделано *на заказ!!!*

Уже одно это сказало бы ему почти всё необходимое о корпорации «Дизайн Инк», даже если б не висело по стенам шикарных полотен авангарда и классиков, мирно соседствующих со стоящими в большом холле консервативными кожаными креслами.

В холле, у начала куда более делового, и с нейтрально-светло-бежевыми пустыми стенами, коридора, стоял и стол. За ним, оторвавшись при звуке его шагов от стационарного компьютера, сидела девушка, сейчас с вежливой, – а не натянуто-заученной, и презрительной, как он ощущал у некоторых! – улыбкой, ждала, когда он приблизится. Лицо и фигура поразили его – уж не с конкурсов ли красоты её «отобрали»?!

Чувствуя, как противный червячок – да нет, скорее – червячище! – сосёт в кишках, он поздоровался:

– Здравствуйте! Это я звонил по вашему объявлению, и мне сказали, что я могу подойти в любой...

– Здравствуйте. Да, я узнала ваш голос. Алексей Семёнович?

– Верно.

– Прошу: проходите. Вторая дверь направо. – блондинка указала на коридор за спиной.

– Благодарю. – Алексей чуть поклонился, не посмев, впрочем, улыбнуться. Ему даже в голову не пришло обычных пошлых мыслей насчёт взаимоотношений секретарши и Босса, а уж тем более – закрутить с ней самому! Что-то в этой женщине, несмотря на все её «убийственные» внешние данные, казалось...

Отгалкивающим. Холодным. Безлико-аморфным. Словно она – равнодушный и вышколенный, безотказный неизменно вежливый винтик в неумолимо эффективной Машине.

Системе. Нет, он конечно встречался и с такими, но эта...
Нечто особенное.

Хм-м...

Он прошёл, куда ему указала холёная рука с нежно-розовыми, лакированными под естественный цвет, ногтями. Да, в том числе и эта крошечная деталь о многом говорит.

На двери висела полированная латунная табличка с выгравированными и залитыми чёрным лаком буквами: «Приёмная». И – всё. Лаконично, конечно, но... Ладно, увидим.

Постучав, он вошёл.

Небольшую комнату украшали только две двери, справа и слева.

Стол напротив входа. С неизменным ноутбуком и работающей за ним женщиной. Шкаф с многочисленными файловыми папками за её спиной. Женщина, оторвавшая странно красные глаза от экрана, не сердито, но и не приветливо взглянула ему в лицо. По виду ей явно перевалило за сорок. Значит, точно – ценный работник. Раз шеф позволяет обходиться почти без косметики...

И традиционно-обязательных для «типовых» женщин-служащих, колготок.

– Здравствуйте. – Алексей не мудрил, и просто повторил всё снова, – Я по вашему объявлению. На собеседование.

– Здравствуйте. Алексей Семёнович?

– Совершенно верно.

(А то по нему не видно – что он – Алексей Семёнович?!)

– Минуту. – женщина щёлкнула рычажком в пульте сбоку стола, и глянула в экранчик, установленный на столе так, чтобы с места, где стоял посетитель, не было видно лица хозяина кабинета, – Виктор Михайлович. Пришёл Алексей Семёнович.

Возможно, Виктор Михайлович что-то ответил – Алексей только сейчас, когда голова женщины повернулась чуть в профиль, заметил крошечный наушник в раковине её уха – но не услышал ни звука. Его уважение к организации, если только это было возможно, поднялось ещё выше!

– Прошу вас, Алексей Семёнович, проходите. – женщина указала на дверь справа от него.

Ощущая странное волнение, и в то же время абсолютно ничем, вроде, не вызванную приподнятость духа, он постукал и повернул ручку. Вошёл. Аккуратно прикрыл дверь, и только после этого позволил себе повернуться и осмотреться.

Вот это интерьерчик! Одни только драпировки окон стояли наверное, не меньше... А уж настоящие дубовые панели на стенах! Н-да.

Ничего не скажешь – производит... Впечатление. Однако он поторопился пройти в дальний угол непривычно большой комнаты. Невежливо пялиться. А ещё – глупо делать вид, как у барана, увидавшего новые...

Сидевший за массивным – в пол-комнаты! – светло-коричневым (Чёрт! Тоже – настоящий орех! Уж Алексей-то в

этом деле понимает!) столом мужчина приподнялся, и вежливо – То есть, не с видом снулой рыбы, а вполне заинтересованно поблёскивая хитрущими глазками! – пожал ему руку.

– Здравствуйте, Виктор Михайлович! – Алексей оценил шикарный костюм: от Дуора, точно! И сидит прекрасно. Точно – инд. заказ! То есть – стоит даже дороже стола!..

– Здравствуйте, Алексей Семёнович. Прошу, присаживайтесь. – вежливый жест в сторону ближайшего стула.

Не без трепета отодвинув его (на примерно таком же – как он видел в программах новостей! – сидел, раздавая указания, Президент страны), Алексей сел.

– Алексей Семёнович, мне придётся задать вам несколько вопросов. Если ответы на них устроят вашего нанимателя, далее вами будет заниматься Медицинский Отдел. И лично, – Виктор Михайлович воздел очи к потолку, не забыв, впрочем, сразу же вернуть их цепкий взор обратно, – директор по кадрам. То есть, он так же будет задавать вам... Некоторые вопросы. Вы согласны на такой порядок наших... контактов?

Мысль в голове Алексея словно раненная куропатка, потыкалась во все уголки черепа. Нутром он чуял – что-то здесь не так! Хотя внешне, вроде, почти стандартная процедура.

Наверное, для больших и солидных Корпораций имеет смысл и четырехступенчатый отбор, и мед. обследование

(Ну, надо же отсеять хилых и... э-э... людей с неустойчивой психикой!), и, возможно, и без его жалкого Резюме, покоящегося в папке, они всё про него уже узнали... Для этого и существует интернет, и всякие шпионско-информационные Программы... Но – надо что-то уже ответить. Работа ему... Всё равно нужна!

– Да, я согласен. – он постарался придать себе и голосу как можно более деловой и нейтральный вид и тон, хотя понимал: сидящий напротив человек не может не заметить его колебаний и сомнений. А если то, что он слышал про крупные Корпорации (Ну, насчёт датчиков потоотделения в подлокотниках кресла, дистанционного съёма энцефалограммы, и отслеживания дыхания и пульса, и проч.) – правда, то все его теперешние «показатели» могут сыграть против него же...

– Отлично. – в тоне не проскользнуло ничего, кроме вежливой деловитости, – Тогда, с вашего позволения, приступим. И, если вы не против – на ангальском.

Алексей только кивнул – уж за язык-то он...

Виктор Михайлович достал из нагрудного кармана, и водрузил на нос старомодные очки в черепаховой оправе, и вынул из верхнего ящика и положил на стол лист бумаги.

Зачем он ему понадобился, Алексей так и не понял – в бумагу его интервьюер не заглянул ни разу. А то, что от Алексея не укрылось, что линзы в очках практически без диоптрий, заставляло думать, что очки нужны лишь для какого-то психологического эффекта. (который, правда, от Алек-

сея ускользнул) Или они – являются ещё каким-то прибором. Рентген?

– Алексей Семёнович. Вы женаты?

– Разведён. Уже три года. – ангальским он не пользовался всего пару месяцев. Так что за произношение и правильность фраз не боялся.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Извините, если следующий вопрос покажется вам слишком личным. Вы поддерживаете отношения с бывшей женой?

– Нет. Мы даже с днём Рождения друг друга не поздравляем. (И это была чистая правда. Щека Алексея при упоминании бывшей снова чуть было не дёрнулась. Усилием воли он сдержался.).

Если Виктор Михайлович и заметил его состояние, виду он не подал, вежливо «зачитав» следующий вопрос:

– Ваши родители живы?

– Мать жива. Отец умер в 20.. году.

– Братья, сёстры?

– Нет. Я единственный ребёнок. Мать родила меня, когда ей было тридцать шесть, а отцу – сорок четыре. Врачи запретили ей рожать ещё.

– Благодарю за столь исчерпывающее прояснение вашего семейного положения. Теперь вопросы, собственно, касающиеся непосредственно работы. Что и когда вы кончали? И

где работали?

Отвечая буквально наизусть заученными казёнными фразами из резюме, которое ему было нужно примерно так же, как чиновнику его листок, Алексей уже старался сам незаметно наблюдать за собеседником.

Точно – тот слушал вовсе не его, а, похоже, такой же крошечный наушник, чуть отблеснувший у мужчины в ухе, когда голова чуть повернулась. Переводчик? Вот уж вряд ли... Такой чиновник наверняка владеет и «дойтчем» и ещё парой языков! Начальство? Данные детектора лжи?..

Проклятье! Похоже, попал он.

Но чем же здесь занимаются на самом деле?!

Шпионаж? Промышленный шпионаж?! Он слышал, что крупные компании в мире «высокой Моды», занимающиеся кражей новейших идей и разработок, имеют доход больше, чем иные страны – бюджет...

Что же делать? Извиниться и сказать, что передумал?

Глупо. Работа ему всё равно нужна. А у этих было указано, что за рубежом. То есть – даже если ему и предстоит «похищать» промышленно-дизайнерские секреты – не у своих уж точно! Патриотические чувства, вроде, не должны пострадать... Однако вот его скетч окончен.

Виктор Михайлович снял очки, спрятал в карман. Убрал в стол листок. Приветливо улыбнулся, встал.

– Благодарю вас, Алексей Семёнович. Я узнал всё, что необходимо нашей фирме для знакомства с вами. Теперь

же, если *вы* ещё не передумали сотрудничать с нами, прошу пройти в кабинет сорок восемь – это в конце коридора! – и подвергнуться небольшому, но крайне важному для нашей, – чиновник выделил это слово. – Корпорации, медицинскому обследованию. Всех благ!

Алексей снова пожал весьма плотную и тёплую руку, и попрощался.

Да-а, похоже, что вляпался он... Недаром же была вроде как вскользь брошена фраза о том, что «если ещё не передумали...». Точно – непростая Корпорация. Вычислили его сомнения... И наверняка – через наушник передавали что-то вроде данных о его подлинных эмоциях, или... Сомнениях.

Ну, а если вот так разобраться – *что* ему терять?!

Что его удерживает – пусть даже и от промышленного шпионажа?! Ведь там – идёт игра интеллектов, и «агенты» предпочитают элементарный подкуп. Ну, может, ещё шантаж... А вовсе не убийства и прочий криминал с погонями-стрельбой-похищениями-вскрытиями-сейфов, как это любят показывать в фильмах!

Он фактически одинок. С матерью теперь живёт её младшая сестра – тоже вдова. Два-три года они без него самого – но с присылаемыми им деньгами! – уж точно проскрипят! А он в свой тридцать один, если не устроится сейчас на солидную должность в солидной же Компании, рискует остаться навсегда «за бортом!»

На двери кабинета сорок восемь, любезно указанному «деловой» секретаршей, висела только табличка с этими самыми цифрами.

Постучав, он вошёл. Ого-2! (А, похоже, будет и «Ого-3», и «Ого-возвращается»!)

Типично медицинский, до половины отделанный блестящим белым кафелем, кабинет. Сквозь открытую дверь видно ещё одну комнату – тоже старильно-казённую, и залитую ослепительно-голубоватым сиянием ксеноновых ламп. За столом у стенки сидит девушка в накрахмаленном зелёном халатике. (когда она встала, оказалось, что халатик-то не столько скрывает, сколько открывает стройные ножки...)

– Здравствуйте. Алексей Семёнович? – он вежливо поздоровался в ответ, автоматически отметив, что хотя для Подиума ножки всё же коротковаты, но... Да, впечатляют. Особенно его мужское естество! – Прощу, проходите.

Его провели в соседнюю комнату.

Точно. Ого-три! И «Ого-возвращается!..» Да уж сразу – и «Дети Ого!»

В первом углу торчала здоровенная махина томографа. Во втором – ещё какого-то странного устройства. УЗИ? Рентген? Так сразу и не поймёшь...

За столом, еле вписывавшемся между аппаратами, его поджидал мужчина в оптических очках (Тут уж точно без дураков: как пить дать – минус шесть!) с аккуратной бородкой, лет пятидесяти. Он, как бы в предвкушении, что сейчас

удастся снова пустить любимые игрушки в действие, встал, потирая маленькие, пухлые и розовые, словно у ребёнка, ладошки. Алексею приветливо улыбался:

– Здравствуйте, больной! Сейчас мы постараемся доказать вам... Да и окружающим тоже... Что вы, собственно, здоровы!..

Алексей пожал протянутую руку, (А она-то, несмотря на обманчивую пухлость, оказалась ничего себе – ещё жёстче, чем у Виктора Михайловича! Качаются они тут всё, что ли?!) поздоровался и представился. Во время рукопожатия же узнал, что доктора зовут Викентий Константинович. Заметно было, что тому не терпится:

– Прошу, Алексей Семёнович. Нет-нет, не нужно ничего снимать! – предупредив попытку Алексея, уже сидящего на столе томографа, снять обувь, доктор нежно придал его телу горизонтальное положение, сестра подложила под обувь квадрат зелёной материи, – Больно не будет. Честное слово!

Лучезарная улыбка, по идее, должна была сказать пациенту, что это шутка. Пришлось улыбнуться в ответ. Но – молча.

Полный самыми нехорошими предчувствиями, он постарался расслабиться, пока стол с ним бесшумно въезжал под круглый толстенький бублик, и выезжал обратно.

Затем пришлось отдаться «в руки» второго, совершенно непонятого агрегата, а затем и раздеться до пояса. И подвергнуться уже вполне традиционным измерениям дав-

ления, осмотру роговицы, простукиваниям и прослушивани-
ям с неизменными «Дышите-не-дышите! Покажите-ка
язык...».

У Алексея крепла уверенность в том, что эта, последняя,
часть программы «изучения» его организма, нужна только
для усыпления его беспокойства – особенно это подозрение
подогрели крошечные блестящие капсулы: в ушах и доктора,
и медсестры...

– Прошу вас, Алексей Семёнович, присаживайтесь. – стол
Викентия Константиновича стоял у стены второй комна-
ты, между приборов, и шкафов со сверкающими девствен-
но-хромированной сталью инструментов, занимавших боль-
ше половины её пространства.

Пока Алексей делал вид, что расслабленно изучает интер-
ьер, доктор внимательно изучал что-то на мониторе ноут-
бука перед собой. Оторвав свой всё так же лучезарный взор
от экрана, он внезапно спросил:

– Скажите, Алексей Семёнович, у вас в семье никто диа-
бетом не болел?

– Нет. Вот этого уж точно не было. – он прикусил болтли-
вый язык, но было поздно. Викентий Константинович ухва-
тился:

– А вообще – у кого-нибудь из родителей были какие-ни-
будь наследственные болезни?

– Ну-у... У отца – артрит коленок... Правда, не знаю –
наследственное это или нет. У матери – повышенное давле-

ние. Вот, вроде, и всё.

– Понятненько... А вот, скажем, склонности к... э-э... назовём это – неадекватному поведению? Мышлению? Алкоголю? Ни у кого?

– Нет. Пьяниц и психов у нас точно отродясь не попадалось. И – поэтов тоже... Все на редкость адекватные, прагматично-приземлённые, и... вменяемые. – Алексей позволил себе чуть улыбнуться.

– Я рад, что вы с пониманием и юмором относитесь к моим, не всегда нейтральным, но – *необходимым* вопросам. Прошу понять меня правильно. – взгляд из-под мощных линз стал вовсе не таким миролюбивым и вежливым, – Я – лишь один из барьеров, отделяющих персонал нашей Компании от тех случайных... И неадекватных сотрудников, которые могли бы... Внести беспокойство и... ненужные хлопоты в наш сплочённый, и весьма продуктивно работающий коллектив. Надеюсь, вы, Алексей Семёнович, не сочтёте, что я... нарушаю ваши Права, или покушаюсь на частную жизнь и секреты.

Алексей поспешил заверить «уважаемого Викентия Константиновича», что он всё понимает, и сам не хотел бы с такими... Разумеется, каждая большая Компания, или Корпорация, имеет право ограждать своих сотрудников... И никаких нарушений своих «прав» и покушений на «свободу личности» он не видит, и т. п...

После чего улыбка доктора заняла своё дежурное место,

и опрос продолжился.

Однако Алексей оказался вынужден признать, что действительно, в его «личное пространство» доктор не лез, и почти всё, что он спрашивал, легко можно было найти в его резюме, автобиографии, и медицинской карте. Но – только почти.

Например, вопрос о потребности в алкоголе и никотине для снятия стресса Алексея пусть и не насторожил, но только потому, что его подсознание уже и так находилось в настороженном до дрожи состоянии.

– Нет, Викентий Константинович, *потребностью* такое потребление не вызвано. Только стремлением быть... Коммуникабельнее. – а технично он ввернул, что пьёт – только для поддержания компании. Но что делать: здесь таков менталитет: кто не пьёт с нами – тот, значит, против нас!.. – Что до курения – я не курю с детства. Как-то не понравилось...

А насчёт «алкоголя», – решил он всё же уточнить, – могу в компании с друзьями выпить – для поддержания, так сказать, «корпоративной атмосферы», а так... Нет, я практически не пью. Просто... Не нуждаюсь в *таком* способе снятия стрессов.

Это было правдой. Алексей не пил, потому что врезавшийся память в детстве вид буйствующего прадеда с бутылкой самогона в руке, разбивающего эту самую бутылку о голову соседа – такого же старичка-алкоголика – навечно отложился в подкорке... Или – ещё в каких-то глубинах пси-

хики. И, похоже, послужил отличной прививкой от заразы...

– Отлично, отлично... (А интересно – продолжается ли сейчас его исследование на дистанционном «детекторе лжи»? Видит ли доктор, или сообщают ему через наушник, что пациент не врёт?..) Ну, ещё пара вопросов – и мы закончим.

Вопросов, конечно, оказалась не пара. Но и не столько, чтобы Алексей начал ёрзать на стуле.

Встав, Викентий Константинович дал понять, что ему всё ясно, и он очень рад... Ну, если и не очень – то достаточно скрытен, чтобы не показать этого. (На то и врачи!)

– Мне было приятно с вами побеседовать, Алексей Семёнович. От себя лично хочу пожелать вам всяческих благ, и плодотворной работы в нашем коллективе. Если, разумеется, *сам*, – он воздел очи горе, – посчитает возможным... Хм. – доктор крепко потряс руку Алексея, и деловито закончил, – Прошу вас пройти снова к Марии Ильиничне в приёмную.

Мария Ильинична к его приходу уже несомненно узнала и получила всё, что полагалось узнать и получить, и указала теперь на левую дверь:

– Прошу, Алексей Семёнович. Анвар Эргашевич ждёт вас.

Раздумывая, почему Большой Босс носит имя явного выходца из Средней Азии, Алексей повторил ритуал со стуком

и входом.

Странно. Кабинет Анвара Эргашевича отнюдь не блистал простором и королевским дизайном. Он оказался невелик и чисто функционален. В пространстве пять на четыре стоял стол. (Правда, большой. За таким как раз могли бы собираться члены правления, или руководители отделов, на планёрки.) За спиной Босса – четыре шкафа с папками в ряд. И вдоль стола – простые, без вычурных выкрутас и позолоты, но прочные, стулья.

Хозяин кабинета, встав, пригласил и протянул руку как бы единым движением. Алексей пожал руку, представился, услышал «Анвар Эргашевич», сказанное негромким, но с отличной дикцией, голосом, и сел, рассматривая чёрный костюм. Ага, Юдажкинд.

Анвар Эргашевич не счёл нужным ходить вокруг да около, а сразу перешёл к делу.

– Не открою вам секрета, Алексей Семёнович, сообщив, что сейчас вся биография, любого члена нашего общества, буквально с рождения, абсолютно прозрачна. Кадровая Политика нашей Корпорации... Полностью соответствует общепринятым Нормам, и стандартам Международного Права. В частную жизнь и интимные подробности биографии мы стараемся без необходимости, – он выделил это слово тяжёлым, словно тонна кирпича, взглядом, – не вдаваться. Но и не можем себе позволить принять случайного, некомпетентного, или... неадекватного работника в свои ряды.

Впрочем, вероятно вы и сами догадались, что все доступные официально сведения о вас мы уже «раскопали». И пристально изучили. Недостающую информацию дал медицинский осмотр.

У меня для вас две новости: хорошая, и... не очень.

Хорошая: вы нам подходите. И мы готовы предоставить вам вакансию дизайнера в нашем филиале в Омстердаме. С зарплатой три с половиной тысячи в месяц. В «у.е». И с двумя выходными в неделю. Плюс двухнедельный оплачиваемый отпуск каждый год.

Теперь – то, что касается – «не очень».

Сейчас я сообщу вам требования, которые Корпорация «Дизайн Инк» предъявляет ко всем своим сотрудникам... И уже *вы* будете решать, подходим ли *мы* вам.

Чего-то в этом роде Алексей и ждал. Голова как-то автоматически собралась покивать. Но он ей это запретил.

И всё равно – внутри что-то напряглось ещё сильнее. Он словно бы раздвоился: он «первый» слушал Большого Босса, нахмутив брови, и прикусив изнутри предательскую щёку – чтоб не дёргалась, как уже случалось в самые неподходящие моменты.

А он «второй» – смотрел на происходящее как бы сверху, издевательски смеясь: «Ну что, придурок, угодил в лапы спецслужб?»

– Предупреждаю сразу: то, что я вам сообщу – является коммерческой тайной нашей Корпорации, и ни в коем случае

не должно быть вами разглашено, к какому бы решению вы не пришли. Согласны?

Что ж. Назвался груздем – полезай в кузов.

– Согласен.

– Прекрасно. Я попрошу вас подписать этот договор... о неразглашении. – Анвар Эргашевич протянул листок, на котором в центре сиротливо маячили три строчки: «Я, ... , принимая в счёт компенсации потраченного мною времени, либо в счёт аванса в случае вступления в должность ..., сумму в 1000 у. е., обязуюсь никому... (и т.д) ... В течении трёх лет.»

А что, резонно. Уж три-то года за 1000 у. е. нахаляву, можно и потерпеть... Да и вряд ли ему сообщат вот именно сейчас... да и вообще в дальнейшем – что-то *этакое!*

Нет, политика Корпорации и способы получения доходов – останутся в «компетенции» только Высшего Руководства. Собственно, как и везде.

А вот если согласится... Три с половиной тысячи, и работа в Омстердаме ему не помешают. Ох, не помешают!

Взяв ручку, торчащую из развёрнутого к нему простого мраморного пресс-папье, он подписал.

Конечно, можно было повыведываться, и достать свой «Паркер», но – зачем? Доказать, что он – самостоятельный? Вряд ли удастся, особенно, если эти ребята и вправду перерыли интернет. А они явно «перерыли». И не только общедоступные файлы...

Он улыбнулся, чуть приподняв кончики губ.

Чиновник не торопясь спрятал в стол лист с Договором, и достал оттуда же маленькую стопку купюр. Протянул Алексею.

Алексей взял, вежливо кивнув, и снова изобразив «безмерное счастье» уголками губ. Анвар Эргашевич поступил наоборот: уголки его губ чуть сжались, отчего его облик сразу приобрёл некий... Хищно-агрессивный вид. Такой мог бы быть у беркута, перед тем, как он кинется на зайца. Да, чиновник явно сидит на своём месте. Умеет человек дать понять, что шутки кончились...

– К делу. Как вы, наверняка уже догадались, Алексей Семёнович, наша Корпорация имеет дело с *элитной* модной одеждой. Мы... в той или иной степени сотрудничаем с большинством из существующих на сегодняшний день тринадцати крупнейших мировых Домов Моды.

Прибыли Корпорации выражаются десятизначными... и более, цифрами. – ну, уж это-то Алексей знал и так. Один покойный Верзаче зарабатывал в год до миллиарда. Этих самых «у.е.». А уж оборот всех вместе «Домов» – десятки миллиардов. А что самое интересное – реальные убытки от «пиратских копий», промышленно выпускаемых, например, теми же жайтайцами – ещё в несколько раз больше.

– Именно поэтому большая часть деятельности нашей Корпорации происходит в, так сказать, атмосфере коммерческой тайны. И мы *очень* заинтересованы, чтобы любые аспекты этой деятельности так в тайне бы и оставались... –

взгляд узких азиатских глаз стал напряжённым и пристальным. Алексей... снова чуть кивнул, решив не перебивать.

– Поэтому, уважаемый Алексей Семёнович, если вы согласитесь работать на нас, мы подпишем уже совсем другой Договор.

Там будет указано, что вы обязуетесь хранить в абсолютной тайне всё, что будете делать сами, и всё, что будут делать ваши коллеги и подчинённые. (Да, ваша должность предусматривает небольшой штат сотрудников под *вашим* непосредственным руководством!). И вам предстоит весьма тесные контакты со смежными Отделами. Маркетинг. Производственные цеха. Штат демонстраторов – манекенщицы и ... манекенщики. И так далее.

Более того – в договоре имеется пункт, запрещающий разглашать *любые* сведения о нас и нашей деятельности в течение трёх лет *после того*, как закончится заключённый с вами Контракт, и вы (Если захотите, конечно!) покинете... наши ряды.

Алексей внимательно слушал, стараясь никак не выдать чувств, в изобилии появившихся в его «душе». Проклятье! Точно – как пить дать промышленный шпионаж!

«Сотрудничество!»

Какое, к чертям, «сотрудничество» может быть с Домами высокой моды: те сами предпочитают открывать по всему миру фирменные бутики, и тщательно оберегают секреты новых модных трендов и тенденций, пытаясь изо всех сил

объехать конкурентов! Несколько ежегодных демонстраций в Парисе, Нью-Оке, и других столицах Моды того, что создано в секретнейших и тщательно охраняемых мастерских-лабораториях, позволяют как показать своё, так и узнать – чем же ответили заклятые друзья из других Домов!

Так что подозрения Алексея ничуть не уменьшились. Но желание работать на «Дизайн Инк»...

Пока не пропало.

– Далее. Контракт предусматривает ваше трёхлетнее пребывание в должности ведущего дизайнера. Но в случае, если мы посчитаем, что ваши возможности занятая должность не позволяет... скажем так: полностью раскрыть, вы можете быть переведены на другую, более высокооплачиваемую. И, соответственно, позволяющую вам лучше проявить свои... креативные способности. Здесь – всё зависит от вас.

С другой стороны, если Руководство посчитает, что вы, – ещё один тяжёлый взгляд, – не перерабатываете, или... не совсем соответствуете, контракт по истечении трёх лет *не* будет пролонгирован. И мы распрощаемся.

В любом случае, вам будет предоставлено полностью оплачиваемое Корпорацией достойное жильё в одной из гостиниц Омстердама, бесплатное трёхразовое питание там же, подготовленное рабочее место буквально в нескольких минутах ходьбы от места проживания, укомплектованный штат сотрудников. И полный комплект необходимого технического оснащения вашего Ателье.

Задачи вашей группе будут ставиться уже там. На месте. И – только конкретные и реальные. В пределах вашей, Алексей Семёнович, компетенции.

Чиновник откинулся на спинку кресла, но глубокие чёрные глаза снова чуть сузились. Алексей прямо почувал, как атмосфера сгущается, хотя тон, вроде, и не изменился.

– Теперь – о... не совсем приятном. Но – это обязательное условие.

Нам необходимо, чтобы за время первых трёх лет вы не покидали Омстердам более, чем на одни сутки. Даже в отпуске. Даже в тех случаях, если вы захотите навестить родственников.

Связано это не столько с соображениями вашей безопасности и сохранения коммерческой тайны, сколько – с производственным процессом, жёсткий и, так сказать, неусыпный Авторский контроль которого с вашей стороны *абсолютно* необходим!

И – совсем уж «драконовский» пункт, – Анвар Эргашевич позволил губам изобразить вежливую улыбку. Но поскольку он пользовался тем же приёмом, что и Алексей, то есть, только чуть приподнимал уголки губ, оставляя безучастными внимательно глядящие глаза, угроза получилась весьма впечатляющей. И – недвусмысленной.

– Никакого интернета на протяжении всех трёх лет. А если Контракт будет продлён – то на всё время его действия.

Поясню: разумеется, в вашем распоряжении будет

несколько весьма «продвинутых» компьютеров. Однако подключены к Сети они не будут. А почему, вы и сами догадались, – Алексей снова кивнул, уже с полным пониманием: про взлом паролей любой сложности и кражу непосредственно из баз данных, даже ЦРЮ, он слышал.

– Так что переписку со... скажем, матерью, и другими вашими корреспондентами придётся вести старым, так сказать, дедовским, способом. Будете писать обычные письма: на бумаге. А наша Корпорация обязуется доставлять их в любой конец света в течении трёх дней. Соответственно, и ответы будете получать не позже трёх дней с момента их отправки.

Ого! Про систему срочной доставки Алексей, конечно, слышал... Правда, те брали обязательства доставлять всё, даже посылки – в течении суток. Но и драли – чуть ли не больше, чем стоил сам доставляемый товар. За письмо, как он узнавал лично – от 60 до 100 этих самых «у.е.». А этим три дня, наверное, нужны лишь для того, чтобы подвергнуть написанное незаметной для получателя «перлюстрации».

А он и не сомневался, что его будут прослушивать, просматривать, и всячески за ним «бдить». По-крайней мере, в первые три года.

– И ещё. Разумеется, вы столкнётесь во время работы с... желанием расслабиться, отдохнуть. Скажем, в каком-нибудь... соответствующем заведении – тем более что Омстердам в этом плане предоставляет массу возможностей. И по-

делиться своими... Хм. Новыми впечатлениями.

И, разумеется, наши, назовём их вежливо – недоброжелатели будут пристально наблюдать за вами. Чтобы не пропустить таких моментов, и использовать. Себе во благо, нам, соответственно, во вред... – снова хищная улыбка тронула превратившиеся в тонкую полоску губы, – Пожалуйста, ведите себя так, как будет оговорено в Контракте, в... каком бы состоянии вы ни находились!

Босс надолго замолчал, очевидно, исчерпав список угроз и предупреждений.

Алексей, решив, что терять нечего, всё же решился:

– Анвар Эргашевич. Позвольте вопрос?

– Разумеется. – после серьёзного тона сейчас голос звучал почти приглашающее. Из чего Алексей сделал вывод, что не только он в этом самом месте пытается что-то спросить.

– Если я... случайно... всё же что-нибудь раскрою... Ну, такого, что является коммерческой тайной. Что со мной будет? – помимо его желания испарина покрыла виски.

– Ну что вы, Алексей Семёнович, в самом деле! – Анвар Эргашевич уже вполне весело улыбнулся, и расслаблено поёрзал в кресле, – Нет-нет, мы вовсе не «ликвидируем» вас. И даже не будем, так сказать, «разбираться другими способами». Отнюдь. Наша Корпорация придерживается весьма гуманных норм поведения даже в отношении провинившихся сотрудников.

С другой стороны, разумеется, будет учитываться, на-

сколько серьёзный урон вы нанесёте своим умышленным... или неумышленным «откровением». В самом худшем случае мы уволим вас досрочно. Разумеется, не выплатив последней зарплаты и выходного пособия. Ну, и проследим, чтобы в дальнейшем вас не принимали бы на работу... Наши дочерние предприятия. И деловые партнёры.

Проклятье! Мог бы просто сказать – дадим вам «волчий билет»!

Ясно. Наказание рублём – самое сильное наказание. И после такого «проступка» он может рассчитывать только на должность старшего помощника младшего ассенизатора...

С другой стороны – справедливо. Ведь убытки, которые можно нанести раскрытием секретов в сфере этой самой «высокой Моды» наверняка исчисляются суммами всё с теми же девятью-десятью нолями! А если такие секреты *продать*, то уж никто, наверное, не спасёт от пули наёмного убийцы: всё тайное рано или поздно становится явным.

Да из соображений только менталитета придётся убрать болтуна: чтоб не подрывать реноме «фирмы»!

– Анвар Эргашевич, я вполне... Оценил демократический подход Корпорации. Если позволите, ещё один вопрос, – на благосклонный кивок он озвучил его, – Сколько времени у меня на... обдумывание вашего предложения?

Анвар Эргашевич взглянул на часы, висящие за спиной Алексея, прямо над входной дверью. Перевёл вполне «лучезарный» взор на потенциально «ценного» работника:

– На обдумывание у вас, Алексей Семёнович, не больше суток. Завтра, в четырнадцать ноль-ноль я буду ждать вашего ответа. С другой стороны, если вы не появитесь в этом кабинете до указанного времени, мы автоматически воспримем это как отказ от нашего предложения, и займёмся следующим... Кандидатом.

– Спасибо, Анвар Эргашевич. – Алексей с тяжёлым сердцем заставил непослушные ноги приподнять со стула чуть дрожащее тело, и протянул руку хозяину кабинета.

Тот пожал её твёрдо. Не доброжелательно, не угрожающе... Просто – твёрдо.

Покидая «Приёмную» Алексей не забыл поклониться, поблагодарить и попрощаться с Марией Ильиничной, ответившей на его «реверансы» весьма доброжелательно, хоть и коротко:

– Надеюсь увидеть вас и завтра.

Интересно, сколько человек она уже так напутствовала?!..

Дождлся автобуса, доехал домой и поднялся к себе на шестой Алексей на автопилоте.

Ему даже в голову не пришло, что дома хоть шаром покати – нечего есть. И что можно уже смело разменять сотню из «неразглашенческих», и закупить, наконец, еды...

Однако часов в пять, устав ходить из угла в угол, и протирать и продавливать и без того протёртый и продавленный матрас, он спустился на улицу. Разменял сотню. Зашёл в су-

пермаркет. Набрал еды – только на ужин и завтрак. Купил карточку. Положил денег на телефон.

Подсознание настойчиво кричало – да что там кричало: вопило! – что не стоит совать голову в явную петлю (Ну, или мышеловку!), а сознание «услужливо» подсказывало, что ничто не помешает этим чёртовым «работодателям» выдать ему волчий билет и в том случае, если он как раз откажется сунуть...

Еда не внесла спокойствия и умиротворения ни в желудок, ни в мозг.

Решив заняться, наконец, полезным делом – тем более, что думать оно не мешало! – Алексей взял флакон купленного средства «для мойки посуды», и занялся горой, скопившейся, как он теперь с содроганием вспоминал, не меньше, чем за неделю. Средство работало. Стопка чистых тарелок росла. А вот мысли дальше «помогите!..» не сдвинулись.

Кой чёрт понёс его в эту «Корпорацию»! Он что, вообразил себя Гением от Дизайна?!

У него ещё на курсе были конкретные проблемы с этим самым «креативом».

Ну не мог он разработать ничего принципиально Нового – самому-то себе он мог в этом признаться!.. А вот девочки из его группы, да и единственный кроме него парень – могли. Алексей же, как ни напрягал воображение, не сжимал голову в отчаянии руками, и даже не бил ею о стену, дальше вариаций от тех же Диванши, или Мармани позапрошлых сезонов

в эту самую голову ничего не мог заставить прийти...

Поэтому получая сертификат, он отлично осознавал: модельера-созидателя из него не выйдет. Построить выкройку по созданной кем-то модели – пожалуйста! Немного переработать фасон, так, чтобы лучше соответствовал возрастной категории – без проблем.

А вот что-то своё...

Посуда в мойке как-то вдруг закончилась. Он сердито схватил полотенце.

Все восемь лет, пока он пытался работать «по специальности» нельзя, конечно, полностью охарактеризовать выражением «коту под хвост».

Ведь он действительно работал на потоке, создавал лекала и шаблоны. Корректировал. Осуществлял «авторский надзор» производства.

Первые четыре года, связывающие его с Домом Нанны Шугаловой, несомненно, и самые продуктивные... Если можно так сказать о добросовестном адекватном копировании и воспроизведении *чужого*.

Но разве он об *этом* мечтал? Стоять, словно простой инженер за кульманом где-нибудь на заводе, и скрупулёзно вычерчивать «виды спереди и виды сбоку» деталек, разработанных в виде эскизных набросков Асами из Конструкторского Бюро?

Метания по частным фирмам в поисках «лица», и места, где можно было бы «проявить свой талант и потенциал» при-

вели его, наконец, в подпольный жайтайский цех по производству джинсов, курток, пуховиков, и спецодежды.

При воспоминаниях об *этой* странице своей «трудовой» биографии у него краснели уши и сильнее обычного дёргалась щека...

С другой стороны – отчаиваться, и подыскивать должность учителя или бухгалтера в родном «Задрючинске», наверное, всё же рановато. Пусть он – не Творец. Но определённые способности и возможности у него точно есть! На том же курсе даже Преподаватели подчёркивали, что никто из студентов столь педантично и, вот именно – скрупулёзно, не может воспроизвести фасон, предложенный для очередного разбора – уже в виде точных выкроек, как делал это он!

Диплом он всё-таки защитил на отлично! Поэтому и не удивился, что на него, и ещё двоих сразу поступили заявки от крупных Производителей.

Четыре года жизни. И – первая жена.

Теперь-то он уже не боялся признаться себе, что идея о лучшем месте для «самовыражения» – её.

Он – технарь. И действительно мог бы стать рядовым конструктором. Инженером. Добросовестным и педантичным исполнителем. «Воплощателем».

Чужих идей.

Так нет: ему все уши прожужжали «морем возможностей» и «непризнанными талантами», которые надо срочно где-то раскрыть, реализовать...

Первая же фирма, где он «создал» свою коллекцию, отказалась запустить её даже в мелкую серию. И теперь он отлично понимает, почему.

Никому не нужно подражание. Никому не нужно «развитие темы». И, конечно, никому не нужна «практичность и повседневность», на которые он сдуру сделал ставку. А если честно – просто боялся. Боялся показать свои «закидоны» в области оригинальности – чуял, что их-то точно не оценят...

Зря боялся!!! Это – МОДА, чёрт её задери!

А уж в высокой Моде: чем эпатажней, непривычней, *глупей* и эксклюзивней Идея – тем востребованней! Чем непрактичней и неудобней наряд – тем лучше! Тем громче гул пиара и экзальтированного восторга! Главное – эта самая чёртова *неповторимость!*..

Недаром же говорят, что человек, презирающий женщин, и выставяющий их полными идиотками, называется... Великий Кутюрье!..

Вот таким Великим Кутюрье, как он спустя каких-то восемь лет понял, ему уж точно не стать... С одной стороны – плохо. Но сколько таких же безвестных и непризнанных «гениев» плюнули, и ушли в ремесленники? Или – вообще – в менеджеры-клерки-разнорабочие?!

А он?

Ведь не сдался, не спился, и не вернулся домой. Он... Боролся?

Можно ли ежедневное отчаяние и добросовестное выполнение нудной и однообразной тяжёлой *работы* назвать Борьбой?

Когда ты, отлично осознавая равнодушие окружающих, не связанных с тобой по этой самой работе, и почти неприкрытую зависть и ненависть тех, кому ты – конкурент, вынужден по восемь часов «выдавать продукт», причём – без ошибок и «производственных потерь», поневоле взвоешь... И захочешь кого-нибудь убить.

Причём – всё равно, кого!..

Нет, рассудок у него вполне крепкий. Он пережил и это, и разрыв с «вдохновительницей», которая вначале делала вид, что переживает за его неудачи и обломы, а потом и делать перестала...

Хорошо хоть, совместных детей у них нет. Впрочем, кажется, после неудачной операции времён «бурной молодости» это ей и не грозило. Повезло, ничего не скажешь.

В-смысле, ему.

С-сука ...ная!.. Б...! Ш... расчётливая! Не надо было слушать её...

Впрочем, и сам хорош.

Да и чего он так завёлся, что аж руки трясутся? Вспомнил статистику самоубийств и алкоголизма среди «творческих личностей», и неостребованных артистов?

Ну да, вспомнил.

Если верить социологическим исследованиям чёртовых

учёных, по десятибалльной шкале стрессов они имеют семь и две десятых. А выше них, с показателем семь и восемь – только шахтёры... Не то, что, скажем, библиотекари: два и шесть! Жаль только, читать он не очень любит – а то бы точно пошёл в какие-нибудь архивные черви.

Э-э, кого он обманывает. Не пошёл бы. Он – дизайнер. А дизайнерам свойственны падения-взлёты как самооценки, так и вообще настроения. Вот: он успокоился. Почти.

Тщательно вытерев руки давно посеревшим и насквозь вымокшим истончившимся полотенцем, он повесил его на простой гвоздь в стене, и прошёл к столу.

Ага, мобильник зарядился. Вздохнув, он посмотрел в угол. Ничего ободряющего. Зато, когда он похлопал по карману, девять оставшихся бумажек приятно похрустели.

Оставив зарядку включённой, он сошкреб защитный слой с карточки. Так. Теперь так. А теперь – код и городской...

Сколько же он не звонил матери? Полмесяца? Месяц?.. Да нет – уже два.

Слушая гудки, он кусал губы. Как она отнесётся? Или – нужно будет всё-таки съездить? Нет, не успеть – даже если ехать вот прямо сейчас... Он надеялся, что двадцати минут карточки хватит. Даром, что ли, «обязался не раскрывать»!..

Голос, возникший вдруг в трубке принадлежал тётке:

– Аллё? Аллё – кто это? Говорите громче!

– Тётя Шура!!! Здравствуйте! Это Алексей! – он так и делал, отлично зная, что тётка хоть и глуховата, (якобы) слы-

шит звонок и хватает трубку всегда первая, – Алексей это!

– А, Лешик! Здравствуй, солнышко моё! Ну, как ты там, как Леночка?

Вот вредоносная старуха! Отлично знает, что он «Леночку» послал лесом уже три года как, и всё подкусывает! Ну погоди ж ты!

– Леночка уехала в Магадан, на лесозаготовки, и больше не звонит. – насладившись лёгким замешательством на том конце провода, он посерьёзшел. – Тётя Шура! А мама дома? Можно её?

– А, да-да, Лешенька, конечно! Вот, она уже берёт трубку! Разговор предстоял тяжёлый. Правда, тяжесть его заключалась только в моральной стороне.

В их странных сложно-натянутых отношениях Алексей никак не мог разобраться чуть ли не с пяти-шести лет. Когда впервые осознал, что Мать его не столько любит, сколько хочет с помощью его «гениальных» способностей утереть нос остальным Родственникам и знакомым.

Один только табурет с песнями и стихами собственного сочинения на каждый семейный Праздник с неизменным приглашением всей родни чего его нервам стоил!

– Алло! Лёша?

– Здравствуй, мама. Да, это я. Ну, как вы там?

– Здравствуй, моё солнышко! – теплота в голосе всегда отлично удавалась матери. Особенно, когда поблизости были свидетели, – Всё в порядке. А как ты сам? Работаешь?

Здоров? Ну, рассказывай! Давненько ты что-то не звонил...

– Да что рассказывать-то... Всё потихоньку. Мам, я чего звоню. Мне предлагают хорошую работу... За рубежом. Но... Надо заключать контракт года на три, не меньше! Вы как – продержитесь столько без меня? – вопрос чисто риторический. А то они не «держатся» без него уже почти восемь лет! Приезды на выходные два-три раза (Один – с этой самой Леной!) явно не в счёт. Он ни крышу не перестилал, ни огород не копал...

– Что ты говоришь, Лешик? Я чего-то недослышала... – в трубке потрескивало, голос матери прерывался. Он повторил помедленней, стараясь чётко выговаривать слова:

– Я говорю, предлагают хорошую работу. За рубежом. На три года. Сможете обойтись пока без меня? Я... постараюсь высылать деньги на хозяйство!

– А-а... Хорошо, Лёшенька, я поняла... Езжай, конечно... Вдруг там сможешь закрепиться... Было бы хорошо, наверное... (Он так и не понял, кому – ему или им.) Звони хоть иногда.

– Обязательно. Буду... писать. – вспомнив в последний момент о запрете на звонки он вовремя поправился, – И денег постараюсь высылать почаще... Может, наймёте кого – крышу-то перекрыть!

– Да-да, обязательно... Как там у тебя здоровье?... Не болеешь?

– Нет-нет, мам, всё отлично. Одеваю нижнее бельё когда

холодно, и невымытых фруктов не ем!

Эта традиционная шуточка родилась из регулярных же напоминаний... А других «полезных» советов он почти никогда и не слышал.

И это – от родной-то матери.

Может, сам виноват – сразу резко отдалился, когда перебрался в город? А ещё больше – когда почувствовал самостоятельность и независимость, получив ту, первую, престижную и неплохо оплачиваемую, *работу*...

– Ну хорошо... А у нас тут новость – Лариса замуж вышла. Во второй раз.

По сердцу резануло.

А кто ему, барану амбициозному, мешал стать первым мужем своей смешливой и хорошенькой одноклассницы? Или он втайне всё же надеялся – что после разрыва с первым мужем, алкашом старше Ларисы на пять лет, но от этого ничуть её не умней, она-то уж дождётся *его*... Не дождалась.

Да он и не намекал.

Сам дурак.

Значит – тем более – можно ехать. Ничто не держит.

– Очень рад за неё. Передай мои поздравления... Мам, ну так вы – как? Продержитесь?

– Ну а почему не продержаться? Наше дело пожилое: знай себе ходи до магазина, да обратно... Пенсию-то на дом приносят. Это вам, молодым, надо ещё на эту самую пенсию заработать! Так что давай – подписывай свой контракт, да

смотри – не пей там, в заграницах, много спиртного!

Он рассмеялся. Мать не оригинальна. То же самое говорила и восемь лет назад, и в каждый его приезд. С другой стороны – если бы батяня не пил, не свалился бы пьяный с крыши... Может, поэтому сам Алексей и не рвался никогда перестилать её. А вот пить...

Как отрезало – хоть не из-за батяни, а из-за прадеда... Алексей и правда, никогда не пил иначе, чем «за компанию». Или – для дела. Ни для кого не секрет, что здесь, в Столице, такой менталитет: «если ты не пьёшь с нами за общее дело – значит, что-то против нас задумал...» Гад такой.

Бизнес-отношения по-русски... Попробуй тут не выпей.

– Ладно, мам, не буду. Чесс слово! Завтра вышлю вам через Бестер-юнион молларов триста... На первое время. Потом – как смогу...

– Вот и хорошо. Ты, Лешик, не беспокойся – у нас тут пенсии-то снова прибавили... Спасибо Мутину... Так что протянем. Ну а если сможешь – присылай, конечно. Только чтоб тебе не накладно было. Триста на крышу-то должно хватить...

Алексей прикинул, что – да. Единственный его вклад в ремонт пресловутой притчи во языцех: закупка пять лет назад металлочерепицы, которая с тех самых пор так и лежит в сарае. Ждёт мастеров-кровельщиков. А то деревенские-то все...

Как батяня. Или прадед.

А всё равно – отца он почему-то вспоминал с каким-то душевным теплом!

Может, потому, что тот водил его на рыбалку. Стругал ему кораблики. Научил класть кирпичи. (Отцов отец, то есть, дед – Михаил Макарович – был деревенский печник, и батяня ещё помнил кое-что из этой сложной науки!)

Или, может, из чувства противоречия – оттого, что мать всё время ругалась на живого, и костерила, даже уже когда...

– Пришлю, мам. Ты уж найми кого в городе-то, по объявлению... Или лучше – сама съезди, поговори, выбери посolidней. Непьющих. Пусть посмотрят, да доски проверят – вдруг погнили...

Доски-то точно погнили. Он сам осматривал чердак, и видел: брусья стропил ещё ничего, прогнулись только. А вот доски под шифер придётся менять. Обязательно нужно выслать потом ещё денег.

– Да-да, съезжу... Лешик, ты уж за нас не переживай – как-нибудь выкрутимся. Сам смотри – поосторожней там! Люди всё-таки чужие, мало ли как там у них заведено...

– Да, мама! Конечно. У меня всё будет нормально.

После ещё нескольких фраз в том же ключе, разговор сошёл на нет.

И он не знал, что говорить дальше, и мать молчала. Только тяжело дышала в трубку.

– Ладно, мам. Целую вас обоих. Как доеду и устроюсь, обязательно напишу. – к счастью, это не выглядело слишком

уж подозрительно. Интернета в их селе точно не было, а даже если б и был, вряд ли его мать с тёткой освоили бы, и рьяно пользовались.

– Ну, счастливо тебе, Лешенька... Ты уж поберегись. Удачи тебе.

Разговор с матерью, как и всегда, оставил неприятный осадок.

Ну почему, почему он не может простить ей?!

Ведь ничего откровенно плохого она ему не делала?!

Почему же он ещё тогда, в шесть лет, почувал, что... Нелюбим?

Может, это из-за аборта, который мать сделала, чтобы младший брат не родился алкашевым дебилом? А подобрать момент, когда батяня был бы «в форме» оказалось уже невозможно? Может, этот, младшенький, и намечался матерью в баловни и любимчики? И раз он не появился – чувства оказались не востребованы, а на старшенького была переложена вина за всё это: за нерожденного «заиньку», за алкаша-отца.

А позже – и за горькую долю вдовы?..

С другой стороны – ему грех жаловаться. Ведь мать не привела отчима...

Не нашла? Или – не искала?

Нет, не искала. Работала на ферме, пока ещё была работа. И на пенсию выйти успела до того, как ферма прогорела...

Где уж тут искать.

Собственно, выбора-то в их деревне и не было: все такие же, как «рубаха-парень» батяня. А после «великого развала» многие просто подались в город. В их деревне до сих пор: на каждого старичка – пять старушек. Впрочем, наверное, уже шесть...

О детстве вспоминать Алексей не любил. Хорошо хоть, понимал, что от учёбы действительно зависит его будущее: не сачковал, а зубрил. Корпел, как зануда-ботаник. И из чтения учебников выносил реально больше, чем из объяснений Валентины-ванны, вдовой учительницы-зануды. Лучше всех сдал ЕГЭ. Терпел шуточки и зависть мальчишек, и пренебрежительное отношение девчонок – ещё бы!

На дискотеки, или Дни Рождений, его отпускали «Только до одиннадцати!» И когда без пяти он, провожаемый подколками и смешками, отваливал «маме под юбку...», обидно было до слёз.

Но всё же лучше, чем выслушивать истерики и рыдания в случае задержки: как он «разбивает её сердце» тем, что она «должна переживать и волноваться за него!..»

Чтобы оторвать мозг, наконец, от тягостного «ностальгирования» по безвозвратно ушедшим и сравнительно (Это он только теперь понимал!) беззаботным годам, он включил ящик. Он обязан быть «в курсе». Придётся смотреть новости.

Ни черта они не смотрелись.

Память всё возвращалась к сценам детства. Да, это – точно от предвкушения грядущих перемен! А у него всегда перед серьёзными событиями в жизни – сеанс «экскурса в Прошлое»...

Вот он восьми лет, и сосед – такой же пацан: сидят на плетне. Вот подошедшая незаметно сзади мать даёт ему подзатыльник, и кричит. Ругается. Стыдит. За то, что таскал соседские груши... Её пронзительно-ненавидящий взгляд проникает аж до самого желудка, заставляя сжиматься в тягуче-ледяной ком все кишки! А голос буквально режет барабанные перепонки.

А ведь сосед Колька, у которого спереди всё предательски торчит буграми из-под рваной майки, нарвал тех же самых груш, и – там же!

Но он – не сын *его* матери. Ему подзатыльника не будет... Так что может смотреть на экзекуцию, и продолжать «позорить» своих родных в глазах всего села!..

Почему, почему не может он простить этого, и ещё десятков таких взглядов, подзатыльников, шлепков, и других, вроде, мелких, но не менее откровенно сказавших ему всю правду насчёт «великой материнской любви», фактиков?!

Может, это – из-за моментов, когда в присутствии родных и соседей мать, уже улыбаясь и приветливо приговаривая «Ах ты, моё золотце», обнимает и целует его? А он, тысячу раз «инструктированный», и битый за строптивость, толь-

ко сопит?.. И терпит. Эти самые объятия и неизбежное, как «Спокойной ночи, малыши», залезание на стул...

Работала ли она «на публику»? Или это только он, с обострёнными до боли подростковыми инстинктами, чуял фальшь?

А может, и не было никакой фальши? Может, мать просто любит его так... Своеобразно?

Он встал. Снова заходил из угла в угол.

Хорошо, что он не курит – пачка точно закончилась бы!..

Нет, это не дело. Самоедские комплексы нужно засунуть в ...опу, и думать о предстоящей работе. Думать конкретно. Что нужно сделать, чтобы завершить свои дела здесь?

Квартира. После ухода Лены здесь... да так же, как и с ней – тоскливо и как-то казённо. Наверное, как и на всех съёмных. За которыми не следят ни владельцы, ни жильцы. Не Дом – а «место обитания»...

Нужно, значит, созвониться с хозяйкой. Отдать должок за месяц. Вернуть ключи.

Дальше – уже касающееся себя, любимого. Упаковать сумку. (Сумка у Алексея была знатная: в такую можно было влезть самому. Оставил в знак огромной благодарности один борец, которому перед поездкой на олимпиаду Алексей срочно – за одну ночь! – подогнал шикарный, но «плохо сидящий» костюм!)

Затем – попрощаться... Хотя – с кем?..

Но собираться всё равно надо.

Впрочем, нет – ещё рано.

Мало ли какие неожиданности встретят его в чёртовом Контракте... Вдруг – неприемлемые? Он точно знает: Амстердам – столица развлечений, представителей «нетрадиционной ориентации», да и вообще – эпатажа! Чем это грозит непосредственно ему?

Алексей поймал себя на том, что опять пялится в темноту за окном, а диктор что-то бубнит уже о погоде. Ха! Вот и «приобщился» к событиям в Мире... Нельзя быть таким... Импульсивным.

Ого! Полпервого. Ну-ка, «Лешик», марш в ванну – чистить зубы.

Поставив будильник на восемь, он начал разбирать постель.

Сегодня Анвар Эргашевич явно относился к нему куда «добрей».

Нет, серьёзно: Алексей почувствовал перемену в лучшую сторону в отношении к себе – ещё во взгляде Марии Ильиничны. Да и сейчас, хотя матёрый волк от бюрократии ничего, вроде, не изменил в тоне и всем остальном, чувствовалось, что он рад согласию поработать на Корпорацию нового «креативного» дизайнера.

После обмена крепким рукопожатиям и приветствия, сразу перешли к делу.

– Вот стандартный Договор, который вам, Алексей Семё-

нович, предстоит внимательно изучить, и уж тогда решить – с нами вы, или... Прошу. – лёгкий жест рукой показал Алексею, что от него ждут прочтения трёх страниц прямо тут, на месте.

Чёрт возьми! Что же, этот документ даже нельзя выносить из кабинета?! Может, он и храниться будет в сейфе? Впрочем, почему – может? Наверняка так и будет.

Со внутренним (Ещё бы – стыдно показать, насколько ему страшно!) трепетом (Что же там за ужасы?!) Алексей взял казённого вида листки, скреплённые степлером.

Взглянул на чиновника. Тот сдержано улыбнулся, найдя нужным пояснить:

– Да-да, читайте прямо здесь. Потом спросите, я поясню неясные пункты. – после чего сделал вид, или правда, уткнулся, в огромный меморандум, лежащий перед ним – даже нацепив очки. Его очки, правда, были не как у зама, а скорее, чисто функциональны: в простой чёрнённой металлической оправе, и не меньше плюс двух. Значит – рабочие.

Алексей честно постарался вникнуть.

Хм. Хм-хм... Да. Странно.

Неясных пунктов из первых же пяти набралось сразу три. Ну вот хотя бы:

«Обязуюсь предоставить моё тело для полного обследования с целью выявления скрытых имплантов (Блин! Каких ещё имплантов?!)... Для чего согласен проследовать в Филадельфию»!

Чёрт возьми! Его что же, в Надерланды повезут – через Бамерику?!

Или вот: «Обязуюсь не пользоваться услугами Бестер-юнион ни для получения, ни для отправления...» И как тогда он сможет перевести матери обещанные деньги?!

Ну а это уж ни в какие ворота: «Обязуюсь за время действия данного Контракта ни с кем не вступать в нотариально оформленный брак». Вроде и коротко, и ясно, но...

Вот именно – ни в какие ворота! Это же... Нарушение его «Прав Человека!» А кстати – там же рядом и Гаакский трибунал как раз по этим самым «Правам...»

Чувствуя, как вопреки стараниям то краснеет, то бледнеет лицо, он продолжал изучать пункты – их набралось сорок два – и старался удерживать уже руку: её всё тянуло почесать затылок!

Что за ...ня! Куда это он ввязался?! Нет, это – не пром-шпионаж! Это, это...

Средневековье какое-то! Словно он – какой-нибудь целомудренный Крестonosец, призванный «нести свет христианства» заблудшим овцам-иноверцам, и поклявшийся свято хранить секреты своего рыцарского Ордена, и блюсти «девственность»!

Нет, он, конечно, не моралист какой... Но требовать от него, чтобы он все три года оставался... Хм. Без «зарегистрированных отношений» с противоположным полом... Да ещё – если этот самый пол будет представлен манекенщица-

ми... Нет, они, конечно, на любителя, но... Он же – ещё не старик, у которого всегда «на полшестого»!.. И как же – пресловутое «волшебство вдохновения» от «муз-обольстительниц»?

На изучение и попытки осмыслить происходящее ушло минут двадцать.

Когда Алексей поднял, как он сам чувствовал, пышущий «справедливым недоумением» взгляд от бумаг, Анвар Эргашевич, словно только этого и ожидавший, отодвинул к краю стола изучаемый фолиант. И... Весело улыбнулся:

– Спрашивайте, спрашивайте, Алексей Семёнович! Вижу, вы в полной мере насладились искусством наших юристов! Но – что сделаешь! Сейчас без казуистики – никуда!..

– Да уж... То есть – да. Анвар Эргашевич! Вопросы, конечно, есть. Ну вот, например пункт два – один. Насчёт брака...

– Да. Естественно, он связан в первую очередь с сохранением коммерческой тайны. Ни для кого не секрет, что официальному мужу (а в вашем случае – жене) можно выболтать... То, что не положено раскрывать, и, так сказать, *неумышленно!*

Например, во сне! Многие, знаете ли, разговаривают во сне. Например, даже я – когда простужен, при высокой температуре. Иногда... Во всяком случае, так уверяет жена. Однако.

Алексей Семёнович. Мы не ханжи. Мы прекрасно пони-

маем, что вы – молодой и здоровый мужчина. Со всеми вытекающими потребностями.

И мы никоим образом не хотим, чтобы вы изображали там целомудренного, или, скажем, монаха... Однако поймите и нас: приобретённые вами *там* знакомства, или связи, ни в коем случае не должны быть... Скажем так, как в Договоре: *оформлены нотариально*. Или носить *постоянный* характер.

В остальном же Корпорация никоим образом вас не ограничивает!

Вот это да!.. То есть его отпускают – словно козла в огород: порезвиться, чуть ли не подталкивая к... беспорядочному сексу!!! Ну уж он-то... Хм-м... А может – и нет. Всё-таки – Омстердам... Страшновато. Но в целом – звучит, вроде, неплохо.

И – да, теперь с *этим* пунктом всё более-менее ясно.

– Спасибо за... э-э... Исчерпывающие объяснения. Но – вот ещё пункт четыре-два. Где говорится о запрете пользоваться...

– Услугами Бестер-юнион? Да, мы включили этот пункт в контракт. Поясню.

По вашим переводам, и их суммам и срокам, наши... недоброжелатели могли бы сделать выводы о сроках получения вами заработной платы, или – косвенно! – о её размере. Поэтому, если взглянете в пояснение, (Алексей уже взглянул, и сейчас только кивнул) там указано, что любые суммы, которые вы захотите перевести любому вашему респонденту

в любую страну мира, будут доставлены *нами*, тем же способом, и в тот же трёхдневный срок, что и письма.

Да, это, разумеется, сложно, и требует большого штата курьеров и прочих... специалистов. Но! Мы считаем, что интересы наших работников заслуживают того, чтобы мы пошли на такие... Да и некоторые другие, жертвы.

Однако не надо считать нас альтруистами. – хищная жёсткая улыбка снова тронула уголки губ чиновника. Не позволяя, действительно, посчитать его таковым, если б вдруг у Алексея мелькнула столь глупая, или наивная мысль.

– Всё это вызвано всё тем же стремлением во что бы то ни стало обеспечить комфортные условия вашей, и других сотрудников, продуктивной работы. И максимально обезопасить производственные секреты Корпорации.

Да, Алексей вполне оценил это «стремление». Впрочем, какое его собачье дело, сколько денег они тратят на секьюрити, кодовые замки, штат перлюстраторов, электронные средства защиты и прочие ухищрения? Раз всё это – работает, значит – вызвано жизненной необходимостью. Или – что вернее! – прецедентами...

– Я понял. Спасибо. Дело в том, что мне действительно нужно будет перевести матери...

– Никаких проблем. В любой момент там, на месте, сообщите нашему специалисту по стаффингу сумму, которую хотите перевести, адресата, и дату пересылки. Бухгалтерия автоматически удержит у вас из очередной зарплаты сумму

перевода и шесть процентов накладных. Кстати. Письма будете передавать через того же человека.

– Понял. С-спасибо. (Он подумал, что глуповато – за каждое разъяснение благодарить. Но *не* благодарить – невежливо.) И вот ещё один пункт. Насчёт поездки в Фитадельфию. Визы у меня...

– А-а, не беспокойтесь, – Анвар Эргашевич небрежно махнул холёной ручкой так, словно бюрократические неизбежные формальности, потребовавшие бы в обычных условиях месяца три, для Корпорации были плёвым делом! (Если так – то Алексей, похоже, попал под нужное «крылышко»!) – Обо всех необходимых формальностях позаботятся. Работники нашего визового отдела. А вот дата поездки в Бамерику зависит только от вас.

То есть, вот сколько времени вам, Алексей Семёнович, понадобится на... Улаживание всех проблем здесь, чтобы выехать из страны на первые три года?

– Ну... дня три-четыре.

– Отлично. Срок вполне разумный. Тогда скажем... послезавтра вы сдадите Мирии Ильиничне паспорт, и ещё через двое суток наш человек будет ожидать вас прямо в аэропорту. С билетами, и всем... что необходимо для полёта в Нью-Ок, Фитадельфию, и затем – снова в Нью-Ок, и в Амстердам.

Алексей чего-то такого и ожидал. Корпорация-то ему попалась – палец в рот не клади! Но тут хоть ясно, за что он

будет страдать. Не то, что в случае с жайтайской мафией...

Кивнув, он потянулся к знакомому пресс-папье. Анвар Эргашевич чуть подвинул его в сторону Алексея, и достал второй экземпляр контракта:

– Будьте добры, Алексей Семёнович, на каждой странице... С расшифровкой.

Совершив «священнодействие», и проставив везде и дату, Алексей почувствовал себя куда легче. Как говаривал один древне-римский грек, «Рубикон пройден!» Впрочем, может это был и древне-греческий римлянин...

На «улаживание» всех дел и проблем действительно ушло два дня.

Больше всего хлопот вызвала «пересдача» квартиры обратно хозяйке.

И чашек-то у неё было больше, и кастрюля оказалась с отбитой эмалью, и простыни – теперь только выкинуть...

Алексей, нагло ухмыляясь в сосредоточенно-лицеменное лицо, спросил, а что она будет делать, если он вот просто откажется «компенсировать»?

С судебными приставами бегать за ним по «Задрючинску», куда он направляет стопы? А если он в ответ сообщит тем, что у неё нет патента на «Предпринимательскую деятельность», и примерно укажет сумму недополученных Государством Налогов?..

После уверений в том, что у пенсионерки и без того хва-

тает хлопот и забот, сторговались на тридцати «у.е.» в компенсацию... Алексей про себя посмеивался: он бы заплатил и сто, но сопротивлялся из принципа: тренировка, так сказать, «межличностных доверительных отношений».

А ещё за эти два дня он тщательно прорабатывал свою тетрадку с записями с Курсов ангальского... Одно дело – разговорный на бытовом уровне, другое... Профессиональный жаргон. Да и словарь придётся захватить – переводчик в телефоне полезен, но... Лучше всё необходимое для бытовых и производственных разговоров иметь в голове!

Мария Ильинична позвонила ему на следующий же день после сдачи паспорта.

– Доброе утро, Алексей Семёнович... Благодарю, хорошо... Ваш рейс – завтра. Вылет из Шаруметьево-два в восемнадцать двадцать по Мосмовски. Желательно, чтобы вы были там хотя бы за два часа. Наш сотрудник сам подойдёт к вам. Или, в самом крайнем случае, звоните мне. Я состыкую вас.

Ещё раз пожелав Марии Ильиничне благополучного дня, Алексей спрятал телефон в нагрудный карман рубахи – мало ли! – и снова присел на продавленный матрас постели.

Сегодня он ночует в Городе-который-слезам-не-верит в последний раз.

Вернётся ли он сюда после «работы за рубежом»?

Вряд ли. Он...

Постарается зубами и ногтями закрепиться там. Может, и необязательно в Омстердаме, но – в Корпорации.

Пусть это и чёртова Мафия – но явно солидная! Не какие-то там нелегальные эмигранты с пуховиками и куртками! Или Юдашкинды-Кроликовы...

Возможно, (Вернее – он практически в этом уверен!) Корпорация ловко обходит одни законы, и с помощью штата борзых юристов-крючкотворов игнорирует другие, но уж в том, что денег у них несчитано-немеряно, равно как и то, что других нужных для безостановочной и гладкой работы «колёсиков», «рычагов воздействия», хватает, он тоже уверен!

И если он докажет лояльность, «личную преданность», и добросовестное отношение к Делу, ему... Дадут бутерброд с маслом. А может – и с колбасой.

Промышленный шпионаж? Или – творческий? Кража Идей, макетов, «пилотных» образцов? Массовый выброс на рынок продукции конкурентов раньше, чем те сами наладят производственный процесс? Чертовски похоже.

А что – он, возможно, и нарушит чью-то «интеллектуальную собственность», но ведь к его-то Родине это точно не будет иметь никакого отношения! Здесь домов Высокой Моды всего три. И, как они ни пыжятся, до мировых трендов им – как до звезды. Те же Василий Кроликов и Миша Юдашкинд отнюдь не являются мировыми законодателями. Все «законодатели» сидят в старушке-Явропе, и тщатся выделиться среди остальных гениев и светочей всё более яркими, эпа-

тажными, и оригинальными Продуктами...

Ладно, он обдумал все возможные последствия такой работы ещё до того, как подписал.

И в одном уверен точно: если проявит себя аккуратным и педантичным Мастером, (пусть и *без* собственных «Идей») его точно не пристрелят... И не «выставят». А постараются «использовать». Рационально.

Вот и хорошо. Наверное, приятно быть вассалом.

Да, похоже, именно этот средневековый термин подходит лучше всего...

Всегда знаешь, что если будешь танцевать нужные танцы под музыку Кормильца-поильца, будет и гарантированный кусок пирога. И «крыша» над головой. И «разрешённые» милые, согревающие душу, шалости. Хоть с теми же «муззми-90-60-90»...

Что это такое? Чувство защищённости? Вот, *это самое*, что он ощущает сейчас?

Алексей встряхнул головой: после модной стрижки волосы никак не желали «отойти», а волосы, нападавшие за шиворот, всё ещё кололись. Хорошо хоть, приторно-вонючим лосьоном запретил брызгать...

Ну что: позвонить бывшей? Похвастаться? Унизить её дурью типа «А ты в меня не верила»? Послушать, как она будет ругаться?

Нет. Бывшая обладает стальными нервами, и, если можно так выразиться, «унижениеустойчива».

Вероятней всего, она чуть приподнятым тоном скажет, что очень рада... за него... И желает, конечно, всяческих успехов на новом месте и поприще. Злиться будет уже потом, положив трубку.

А, может, и не будет.

Он вдруг поймал себя на том, что не знает, что же Лена делала весь последний год. А если она устроилась ещё лучше его? Вдруг какой-нибудь Большой Босс взял её, наконец, в содержанки? Ведь «наштукатуренная» и «прикинутая» его бывшая дама сердца смотрится обалденно...

Он не обманывал себя: в их тандеме именно она была ведущей. И именно он испытывал к ней более сильные чувства. Да, ему бы хотелось начать всё с начала, и чтобы у него уже была хорошая работа. Но...

Лена не вернётся. Она не повторяет дважды глупых ошибок на пути методично движущейся в Вершине, беспринципной карьеристки.

А он в этом неуклонном подъёме по лестнице амбиций – ошибка. Ей не такой был нужен. А реально – высокопоставленный «субъект».

И это *он* боится звонить ей...

Нет, не будет он звонить ей. А вот позвонит-ка он бывшим однокурсникам. Про новую работу (Упаси боже!) ни слова не скажет – мало ли! Вдруг у телефонов уже «выросли уши»!

Впрочем, что значит – вдруг! Он потерял бы уважение к новым работодателям, если бы те «пренебрегли» прослуш-

кой!

– Алле! Здравствуйте... А Петра Васильевича можно? Что?.. А-а... Нет, это Алексей – ну, Лёша!.. Ага... Понятно. А когда освободится?.. Спасибо. Извините.

Вот это – да! Петька устроился секьюрити – ну, проще говоря – ночным сторожем – в гипермаркет, и сегодня дежурит. Хм...

Девочкам с курса звонить почему-то не очень хочется. Может, разве, Эльвире...

– Алле! Добрый вечер. А Эльвиру можно? Ох, это ты – не узнал, не узнал... Богатая будешь! Ха-ха-ха... – он и не пытался скрыть, что и сам не слишком-то верит в старую дежурную хохмочку, – Ну, как сама?.. Ого! Молодец. Так держать. Как назвала-то?.. Правильно – рождаемость в стране надо повышать! Да и деньги лишними не бывают... А твой-то как там? Всё ещё дальнобойщиком? Д-да, конечно, хорошие, но уж больно опасно... Эльвир, я чего звоню-то... Ты с нашими-то поддерживаешь? А-а, только с Катькой... Ну и как она? Да ну!.. Вот блин. Неужели никто так по специальности... Жаль-жаль...

Сам-то? Да у жайтайцев, будь они трижды неладны!.. Нет, пока платят... Ха-ха. Точно, не больно-то разгуляешься... А подвал – просто жуть!.. Сыро, холодно...

После ещё пяти минут дёрганного и явно обоюдостесняющего разговора тот был прерван детскими криками, и уверениями собеседницы в том, что у неё суп на плите, и ребё-

нок просится пи-пи, после чего они спешно распрощались, традиционно пожелав друг другу всех благ.

Подумаешь: когда Алексей хотел отделаться от занудного или нежелательного собеседника, он и сам пользовался похожим приёмом. Только он говорил, что кто-то пришёл и стучит в дверь... Или звонят по другой линии. Или, в крайнем случае, да – что убегает суп на плите.

Какой, на фиг, суп – он уж забыл, когда в последний раз ел нормальную, «человеческую» еду. Приготовленную с чувством, с толком, с расстановкой. Заботливой Хозяйкой. Налитый в чистую тарелку. Поставленной на выстиранную и выглаженную скатерть.

Вот, значит, какие дела. Не знает даже Эльвира – самая въедливая и пронырливая тугарка, из всех, кого он встречал – никого, кто из их выпуска работал бы по специальности...

Значит, всё же – повезло ему. Или сработал, наконец, фактор настойчивости? Недаром говорят – капля камень точит... С другой стороны, может, как раз из-за нехватки импульсивности, способности мозга мгновенно переключаться, посмотреть на проблему под новым углом, он и не... Творец?

Да, он и занудный, и скучный. «Пыльный», как говаривала бывшая. Но и – настойчивый. Может стиснуть зубы и терпеть. Как он, собственно, и делал все эти годы...

Только кто оценит этот дурацкий «подвиг»?! Вокруг почти все – такие же.

Думают, что только вот одни они такие на свете – та-

лантливые, чуткие, ранимые, заслуживающие лучшей участи! Но им не дают по-настоящему раскрыться: разные досадные и постоянно возникающие, посторонние, и не очень, проблемы, обстоятельства, завистники, и, разумеется, ничего в их тонкой натуре не понимающие окружающие чёрствые ослы...

Так «творцы» и ожесточаются: отчаиваются создать «шедевр всей своей жизни». Отчаиваются хоть на пять процентов самореализоваться. Отчаиваются в своих поисках сочувствия и понимания. Молчат. Делают свои нетворческие дела. Зарабатывают хотя бы на кусок хлеба – пусть даже и ночными сторожами... Терпят.

Нудную и обрыдшую работу. Глупого и тоже не понявшего «творческих порывов» сожителя или сожительницу. А потом и вечно вопящих сопливых детей...

Да уж, Эльвире теперь точно не проявить своих способностей. А ведь реально были – куда до неё Алексею, с его «бедным», и сугубо приземлённым воображением!

Если бы ещё педагог, Тамара Павловна, не сказала ему тогда, уже после выпуска, наедине... Жестоких, но – как он теперь понимал, справедливых, слов.

Э-эх, Прошлое... Не вернуть тебя никогда.

Да и ладно.

Кто слишком уж часто роется в прошлом, может профукать собственное Будущее.

Со стоном поднявшись с кровати, он прошёл в ванную.

До аэропорта он доехал на такси. А какой смысл теперь экономить скрупулёзно откладываемые рубли?! Там, куда он отправляется, нужны только эти самые «у.е», которые он догадался разменять на мелкие купюры. И которых осталось, кстати, маловато...

Внутри аэровокзала царила привычная сдержанно-деловая атмосфера. Люди в костюмах и с дипломатами, деловито идущие «твёрдо-зная-куда». Раздолбай-туристы: прилетевшие – с вялым интересом смотрящие вокруг себя, улетающие – сосредоточенно хмурые, и стремящиеся поскорее «разделаться» с чёртовым отдыхом. Чинно-чванливые мамы с тщательно одетыми во всё лучшее малышами, словно (Или не-словно!) нарочно всё время что-то у этих малышей в костюмчиках поправлявшие, одёргивающие, и горделиво оглядывающиеся вокруг: оценил ли кто из других женщин (Мужчинам-то – наплевать!) насколько дорогой наряд на их капризном чаде, и насколько заботлива она, юная состоятельная (!) мамаша... Персонал аэропорта: с застывшими, и, словно зафиксированными навеки на аракале как рекламные наклейки, приклеенными, дежурными улыбками.

– Алексей Семёнович? – откуда-то сбоку, очевидно, отделившись от одной из колонн, возник приятный молодой человек в тёмно-синем костюме. Сам Алексей был в сером, и некстати подумалось, что вместе их «цветовая гамма» не слишком... Гармонизирует. Плевать.

– Да, это я. – он переложил большую спортивную сумку в другую руку, чтобы поздороваться.

– Очень приятно. Я – Сергей Александрович. – Алексей пожал мускулистую тёплую руку.

– Мне тоже.

– Мария Ильинична просила передать вам. – молодой человек протянул непрозрачный пластиковый пакет. – Здесь все необходимые документы, ваш паспорт, и уже заполненная таможенная декларация. Можете сдать багаж, и проходить прямо на посадку.

– Благодарю. – ещё раз пожав крепкую кисть Алексей удивился, что после этого никаких дополнительных инструкций не последовало, и Сергей Александрович развернулся, явно собираясь уйти. Алексей поторопился уточнить, – А там... Меня встретят?

– Да-да, Алексей Семёнович, разумеется. Вас будут ждать прямо в аэропорту.

– Благодарю ещё раз. – Алексей, получив в ответ дежурную улыбку, долго смотрел в аккуратно и коротко (совсем, как теперь и у него) стриженный удаляющийся затылок.

Уважение к Корпорации, если только это было возможно, возросло ещё.

Отойдя к колонне, он проверил документы. Действительно, всё оказалось на месте, и оформлено. Он рассовал всё по нагрудным внутренним (Мало ли!..) карманам. Пустую папку впихнул в урну. После чего подхватил сумку и направил-

ся к стойке, где дежурная улыбка девушки в сине-голубой униформе уже слегка поистрепалась...

Ему досталось место у окна. (Молодцы! Даже об этом подумали!) Взлёт с форсажем мощных двигателей и тряской шасси о бетон полосы отдавался в его груди какой-то тоской. Надрыв ощущался не только в механизмах стальной птицы, но и где-то глубоко внутри него самого.

Словно кто-то циничный и въедливый шептал в ухо: «Ты больше никогда не вернёшься сюда! Ну, посмотри – посмотри же в последний раз на родную землю...»

Он действительно долго смотрел в иллюминатор, от которого чуть тянуло прохладой.

Леса, поля. Выстроенные как по линейке, или хаотично торчащие кверху безликие коробки девятиэтажек окраин, словно окрашенные в сизо-голубые тона. Чёрные проплешины автостоянок с разноцветными конфетами-машинами.

Город. Ох уж этот город...

Когда лайнер развернулся, набирая высоту, город оказался виден плохо: большую часть как всегда скрывала мутно-серая пелена смога и дыма из труб заводов. Ничего, пусть таким он его и запомнит.

Сосед слева, пожилой мужчина в коричневом костюме, кинул в иллюминатор лишь один, равнодушно-вялый взгляд, и снова погрузился в толстенный журнал на ангальском, который сразу, только сев, вынул из кармана впереди стояще-

го кресла. Подумав, Алексей вынул и свой «полётный» экземпляр. Нужно изучить место прибытия: хотя бы для того, чтобы не потеряться.

Однако спустя десять минут он поймал себя на том, что просто рассматривает замечательно цветные и живописные иллюстрации вместо того, чтобы вникать в текст.

В чём дело? Что его насторожило? Соседи? Нет. Милая старушка за мужчиной ну точно не может вызвать подозрения. Как и пожилая чета в неопрятных «спасательных кругах» излишнего веса, обтянутых майками-футболками, и в мятых шортах... Но странное чувство не проходило: затылком он ощущал чьё-то пристальное внимание.

Не-ет, не дождётесь. Он не станет оглядываться, как последний лох, в поисках наблюдателя. Ему достаточно знать, что наблюдатель есть. А у него – есть сила воли!..

Спустя час, основательно проработав журнал, и расстегнув ремни, Алексей прошёл в туалет. Лучше сделать это сейчас, а не тогда, когда все надумают воспользоваться перед посадкой и дозаправкой. Из зеркала на него глянуло немного усталое и равнодушное лицо. Надо же – он не волнуется. Почти.

Э-э, кого он обманывает.

Ладно, хоть внешне его мандраж не виден. Будем надеяться...

До ужина он продолжал смотреть в иллюминатор, за которым уже ничего кроме облаков и серой поверхности раз-

личить стало невозможно. Соседи оказались милы – его не беспокоили. Вот он и смотрел. Полезных мыслей в голову почему-то не шло.

Может, это полёт так действует на голову? Или – разрежённый воздух? Он слышал, что когда пилоты хотят, чтобы пассажиры расслабились и заснули, в салоне снижают давление. Но сейчас он ничего такого не ощущал. Просто тупо пялился в окно с пустой головой. С другой стороны – поздно беспокоиться. Он всё решил.

Причём ещё тогда – в первый же день.

Подсознание сказала, что пора отбросить врождённую осторожность, и с головой окунуться в... Приключение?

Можно ли работу назвать *приключением*? Хм-м...

Такую, как, скорее всего, предстоит ему – вряд ли.

На ужин пришлось поднять кресло, чтобы поесть мог и тот, кто сидел сзади.

Вкус пищи не произвёл на Алексея никакого впечатления. Может, это от стресса? Или сама пища такая – стандартно-безвкусная? Впрочем, он – в бизнес-классе. Кто знает, какие деликатесы едят в первом.

На время дозаправки в Дондоне Алексей так и не встал с кресла. Решил, что свободно обойдётся без «разминки». И после того, как всё благополучно закончилось, и они снова взлетели, почти мирно проспал-продремал оставшиеся несколько часов – благо, за иллюминатором наконец стемне-

ло. Впрочем, иллюминатор Алексей теперь закрыл шторкой – чтоб не дуло.

Разбудил его милый вкрадчивый голос, на трёх языках просящий пристегнуть ремни. Ну ладно, раз уж вы так вежливы... Он пристегнулся.

Посадка и рулёжка вызвали в теле непонятный зуд, а в чувствах – напряжение: словно что-то должно случиться... Но ничего не случилось.

Решив, что если его не придётся ждать слишком долго, это будет воспринято лучше, он поторопился покинуть лайнер в первых рядах – тем более, что сидел недалеко от двери.

После тесноты выходного рукава коридоры аэропорта показались слишком яркими – свет буквально резал привыкшие к полумраку салона лайнера глаза. Он прошёл к эскалатору, следуя указаниям табличек и пиктограмм. Сумка уже ожидал его на вращающемся стенде. Нет, он собирался было купить солидный чемодан. Затем подумал: а зачем?

Его уж точно будут встречать не по чемодану...

Он прошёл в зал прибытия.

Чё-ёрт... Действительно, в зале прибывающих его ожидали: можно подумать, что это тот же самый молодой человек, провожавший его в Шаруметьево! Даже цвет костюма тот же. В руке «синий костюм» держал аккуратную табличку, которую пересекала крупная жирная надпись чёрным маркером: «Алексей».

«Алексей», усмехнувшись про себя, и переместив улыбку

и на лицо, подошёл.

– Здравствуйте. Меня зовут Алексей. – он воспользовался первой выученной на ангальском, ещё в первом классе, фразой.

– Здравствуйте, Алексей. Я – Александр. Очень приятно. Пожимая стандартно тёплую плотную руку, и завидуя не то Йельскому, не то – Гарвардскому произношению, Алексей поспешил уверить, что их чувства взаимны. Александр любезно перехватил сумку, (Ничего – не переломится. Всего там было не больше десяти-двенадцати килограмм!) и предложил следовать за собой.

Они прошли в какой-то, явно служебный, тесный и длинный коридор, с массой дверей по обеим сторонам. Долго шли, иногда встречая тех, кто летал – такие были в тёмно-синем, и тех, кто работал на земле – эти были одеты как обычные клерки, в традиционных брюках-рубашках, или как грузчики: в аккуратных опрятных синих же комбезах...

Выйдя в широкую дверь Алексей понял, что он – на лётном поле. А запах!.. Пахло пылью, керосином, сильно нагретым воздухом. Алексей сощурился – со всех сторон светили жутко слепящие прожектора... Под ногами – могучие бетонные плиты.

Всё-таки есть что-то, глубоко волнующее любого человека, в этих вокзалах: воздушных, водных, да даже – обычных железнодорожных! Откуда отправляешься в *неведомое* – и каждый раз ощущаешь себя не то Колумбом, не то – Гагари-

НЫМ...

Им пришлось идти довольно долго. Сопя, Алексей ничего не спрашивал, а спутник ничего сам не объяснял. Странно.

Хотя нет – не странно. Ведь Александр – просто связной. Вот он и передаёт его и его багаж и его самого в... Руки пилота явно частного «Гольфстрема-3». А теперь пожимает руку, прощаясь.

– Счастливого пути.

– С-спасибо. И вам – всего доброго.

Ого! Частными самолётами, да ещё Президентского класса, Алексей ещё не летал. Блин. А страшно. Но руку пилоту он мужественно подал, забрался с его помощью в салон по крохотной лесенке, вмонтированной прямо во внутренность салона, и не без трепета проследил, как захлопывают верхнюю и нижнюю половину маленького – только пройти, нагнувшись! – люка.

Помощник пилота, очевидно, штурман, осуществлявший эту простую с виду операцию, жестом предложил Алексею располагаться на длинном узком диване, или нескольких креслах, и прошёл в кабину, где пилот уже разговаривал с диспетчером. Алексей уловил что-то вроде «эшелон восемь-один», и разрешение на взлёт через... Всё потонуло в гуле проехавшего рядом самолёта. Помощник тоже ушёл, дежурно улыбнувшись на прощанье, и дверь пилотской кабины отрезала его от лётчиков.

Вскоре миниатюрная машина весьма резво тронулась и

стала вырывать куда-то.

Впрочем, почему – куда-то? На взлётную полосу. Правда, им пришлось, как видел Алексей в иллюминаторы, пропустить два мощных Боенга, и один самолёт Люфтгензы...

Ничего – всё равно не больше, чем через пятнадцать минут они оказались в воздухе. А поскольку маленькая машина вела себя вовсе не как солидный слон-лайнер, а, скорее, как благородный арабский скакун, Алексей смог полностью разделить волшебное чувство очень быстро набранной ими потрясающей скорости...

Вот это да! Похоже, на затраты по отношению к сотрудникам Корпорация действительно не скупится. Впрочем, может, самолёт и принадлежит как раз самой Корпорации. И в обычном режиме просто возит «Больших Боссов»... Да, это вероятней всего.

Алексей, освоившись на диване, обнаружил в дальнем углу минихолодильник.

Но живописно торчащие среди кубиков льда банки с соком, колой и пивом его не вдохновили – пить не хотелось. Ага – рядом нашлась и микроволновка, и в другом холодильнике – сэндвичи и гамбургеры... Выбрав бутерброд с курицей, он разогрел, и сел кушать, поглядывая в иллюминатор.

Особого смысла, правда, в этом не наблюдалось: там царил почти непроницаемый мрак, и изредка сверкали точки звёзд на небе, и домов на земле, когда «Гольфстрем» выбирался из пелены облаков. Всё равно, небольшие словно рыв-

ки и пошатывания на курсе сказали бы ему, что он – не в «Милюшине» или «Боенге»... Поев, руки Алексей вытер своим платком, хотя нашёл и салфетки.

Долетели минут за тридцать. Фантастика!

Пилот сообщил:

– Добро пожаловать в Фитадельфию. Прошу вас. Вас уже ожидают. – его напарник всё так же молча кивнул на прощанье, чуть улыбнувшись. Алексей смог выдавить:

– Спасибо. Отличный полёт, – показав большой палец.

Пилот сдержано улыбнулся, взял под козырёк. Уж это-то он и сам знал.

Действительно, в двадцати метрах от трапа уже стоял длиннющий лимузин, и у открытой двери борт подпирал очередной «сергей-александр». Правда на этот раз его, для разнообразия, звали Дэйвид. Остальные же детали как костюма, так и внешности, включая крепкое рукопожатие и стрижку, ничем не отличались. Восхищение работой и работниками Корпорации... Осталось прежним.

По дороге, правда, Алексей не отказал себе в удовольствии расспросить о месте, куда его везут. Дэйвид отвечал, как ни странно, охотно, даже сам расписал местные достопримечательности вроде театра и музея, выразив лёгкое сожаление, что посетить всё это, и многое другое, Алексею сейчас не удастся.

Место, куда они добрались по полупустым ночным доро-

гам ещё за каких-то полчаса, он называл просто: «Университет». Действительно, на табличке у въезда в широкую аллею с могучими дубами по обе стороны, так и значилось: «Университет Джона Драйфуса». А дизайн-то здания... Стекло-бетонная коробка! Рационализм.

Всё бы хорошо с этим «университетом». Если бы Алексей не заметил недалеко поистине огромную трансформаторную подстанцию, и буквально связку толстенных проводов ЛЭП, которые откуда-то издалека к ней подводили двадцатиметровые решётчатые мачты. Да ещё отсутствие рядом с огромной бетонной коробкой других строений – типа общежитий-кампусов, учебных корпусов, библиотек, столовых, и т.п.

Хм-м... А коробка-то: не меньше, чем семиэтажная, а в длину – метров сто пятьдесят. При ширине – сто! Ну прямо – как институт, создавший Терминатора в одноимённом фильме, будь она неладна – память, подсказавшая сравнение!

Внутри они вошли через парадный, монументально застеклённый вход. Холл за ним оказался вполне достойным: таким мог бы гордиться даже Цернзкий Центр со своим адронным коллайдером...

Идти до стойки дежурного пришлось (как показалось Алексею) не меньше минуты... Да, масштабы «университета» вселили уважение. Похоже, как и всё в Корпорации.

Алексей поздоровался и с двумя секьюрити в опрятной отутюженной форме: голубые рубахи, тёмно-синие брюки.

Один из серьёзных и явно не пренебрегающих занятиями в тренажёрном зале мужчин неопределённого возраста как раз вернул на рычаг трубку телефона, и предложил им с Дэйвидом подождать тут же, у стойки.

Через минуту послышались шаги, и с ними поздоровалась серьёзная женщина в ослепительно белом халате и в очках: ну просто идеальное воплощение учёной! Правда, в представлении Голлувуда... Алексея что-то укололо: ну вот не бывает таких «стерильно-немятых» накрахмаленных халатов на тех, кто... Работает.

– Здравствуйте, Алексей! Я – Мэри Стоукс. Рада приветствовать в Университете Драйфуса. – Алексей отлично видел это имя на крупном бейджике с кучей печатей и штрих-кодов, но с удовольствием пожал руку и представился сам: можно подумать, она не знала, кто он, и откуда...

С Дэйвидом попрощались традиционно: сдержанно-вежливо. Оглянувшись перед тем, как они с новой провожатой завернули за угол, Алексей обнаружил, что Дэйвид направился к машине.

Странно. Впрочем, что странного – в машине ждать куда приятней. Там есть и радио – они даже крутили его – и стереосистема.

Лифт, вопреки ожиданиям Алексея, повёз их вниз. Причём – не меньше чем на те же семь этажей. Обалдеть!.. На выходе из лифта ждал ещё секьюрити: «Обалдеть» – два ра-

за!

Мэри очень мило улыбнулась Алексею, и наконец сообщила нечто конкретное:

– Алексей. С вами будут работать профессор Нумстоул и доктор Вонг. Прошу сюда. – следуя за приглашающим жестом, Алексей вошёл в ещё одну кабину. Чёрт, похоже, опять лифт. Но – без кнопок. А-а, он управляется снаружи...

Алексея спустили ещё на пару (А может – и больше! Уж больно быстро, хоть и плавно, лифт ехал!) этажей.

Встретив на выходе очередного охранника Алексей уже не удивился. Как и тому, что доктор Вонг оказалась сорокалетней полненькой женщиной, а профессор Нумстоул, к которому они с доктором Вонг, поулыбавшись и пожав друг другу руки, долго шли по трём коридорам и двум залам, забитым техникой и приборами – тощим седым старичком. Лысым к тому же. Ждал он их в явно промышленно-лабораторном зале, размером с добрый теннисный корт. Из приборов, громящихся по верстакам, столам, и у стен, Алексей узнал только компы и осциллограф. (Вот уж – «ретро»!)

Алексей, в меру сил приветливо улыбаясь, пожал маленькую сухонькую ручку, представившись:

– Алексей.

– Дикстра. – неожиданно ответил профессор. Странное имя. Впрочем – какая разница...

– Прошу вас, Алексей. – доктор Вонг снова указала рукой, и Алексей прошёл в небольшую комнату, стены кото-

рой, словно в медицинском кабинете, покрывала белая кафельная плитка, и сверху свешивался явно медицинский же колпак с шестью ещё не включёнными софитами. В углу стоял шкаф для одежды и простой деревянный стул.

Ну прямо операционная! Не хватает только стола... (Тьфу-тьфу!)

– Алексей. Мы вынуждены принести вам свои извинения за то, что можно рассматривать как покушение на ваши права и свободу личности... Однако раз уж вы подписали Договор... То должны понимать: интересы Корпорации – теперь и ваши интересы!

– Да. Я подписал. И согласился на обследование.

– Очень хорошо. Мы надеемся, что вам не покажутся чрезмерными наши... меры предосторожности в отношении... – доктор мило... Покраснела. – Как врач-практолог я должна... Осмотреть вас.

Ух ты! А доктор-то – не совсем доктор! Иначе с чего бы ей краснеть, если предстоит всего лишь очередной осмотр очередного голого мужика!.. Так что, похоже, она, как «Сундук» в фильме «Три плюс два» – доктор «каких-то-там-наук!» Может, как раз – физико-математических!

Но вид доктора Вонг не вызывал у Алексея никаких подозрений, как не вызвала неприятия и явно предстоящая перспектива обнажиться перед симпатичной женщиной. К тому же в кабинете было тепло. Он всё же счёл нужным уточнить:

– Мне – раздеться... совсем?

– Да. Одежду, пожалуйста, повесьте в этот шкаф.

Уверенность Алексея насчёт того, что доктор – скорее, не доктор, а всё же какая-то учёная, подтвердило и то, что миссис Вонг отвернулась, пока он раздевался.

Шлёпая по линолеуму голыми подошвами, Алексей подошёл и встал под колпак.

Ослепительный свет, наверное, даже лучше чем рентген высвечивал его кости и внутренности... Во всяком случае так казалось Алексею. Прикосновение рук доктора оказалось и нежным и приятным. Но вот сам осмотр... Действительно, у него не остался неизученным ни один сантиметр тела. Особенно внимательно «доктор» осматривала его старые шрамы – даже самые маленькие. Он улыбался. Но – только про себя.

Доктор же не переставала удивлять:

– Алексей... У вас были переломы?.. Вам не вставляли каких-либо металлических штифтов? Для лучшего срастания переломов? Или, скажем, в протезы челюстей?

– Нет. Зубы у меня пока свои... А рука и нога срослись сами – штифтов точно нет!

– А дети у вас есть?

– Нет. Но – не по моей вине. – Алексей снова закусил губу. Но слова уже опять вырвались. Что это за дурацкое желание оправдаться? В чём? В том, что Лена не могла родить, а с остальными «случайными» подругами он предохранялся, ничего криминального... Или просто – необычного – нет!

Так что же это у него за... Комплекс?..

– Болели ли вы... венерическими заболеваниями?

– Нет. Никогда. – и это была чистая правда.

– Благодарю вас за понимание и сотрудничество. Э-э...

Алексей. Пожалуйста, возьмите с собой вещи, находящиеся во всех карманах. Мы вынуждены будем подвергнуть обследованию эту одежду. Но там... э-э... Я хочу сказать, после процедуры сканирования мы выдадим вам другую, абсолютно новую, и вашего размера. Поскольку ваша... Окажется измятой. Так же мы исследуем и вещи в вашей сумке. И саму сумку. Ещё раз приношу извинения: Корпорация должна быть *абсолютно* уверена в том, что имплантов в теле, или жучков в ваших... э-э... личных вещах – нет!

Алексея, разумеется, слегка удивило столь странное «мероприятие», однако возражать смысла он не видел – согласился же! Ну так и вот оно!.. Он выгреб всё из карманов, и положил в прозрачную пластиковую кювету, которую доктор Вонг любезно держала в руках, пока он убеждался, что достал всё.

– Благодарю вас. Возьмите на всякий случай и вот это. – Алексей с подозрением оглядел протянутое ему большое пластиковое ведро, но вслух ничего не сказал, просто взяв его ручку в другую руку, – Теперь прошу сюда. – в стене открылся узкий тёмный проход, через который Алексей, так с кюветой в одной, и ведром в другой руке, и прошёл.

Стены гулкового низкого коридора – явно из стали. Даже

неокрашенной. Местами – помятые, местами – словно тронутые ржавчиной. Сам коридорчик – не больше десяти метров. Но почему-то их преодоление потребовало от него всей силы воли, и босые ноги лишь через минуту принесли его в шарообразное гулкое пространство.

Чё-ёрт побери! Куда это его угораздило попасть?!

Диаметр сферы не превышал четырёх метров – ну ни дать ни взять, небольшая комната. Пол состоял из сучковатых оструганных досок, даже не крашенных, и явно был нужен лишь затем, чтобы вознести его (Объект исследований!) над выемкой пола – то есть, ближе к центру шарового пространства.

Ставя у центра «комнаты» кювету со «своим», и ведро, Алексей невольно нагнулся: мать честная!..

Половицы к брусьям крепились деревянными шипами.

Ого! Что же за мощь у здешних сканнеров? Невольно вспомнилась подстанция, и подходящая к ней ЛЭП... (Интересно. Вот если бы штифты, и правда, были – их что, по-вывернуло бы из костей?! И – зубов?)

Внезапно под полом что-то зашуршало, задвигалось, и раздался лязг – словно захлопнулся небольшой люк. «Предстартовая» подготовка? В ноздри ненавязчиво наносило запах ржавчины, и почему-то – медного купороса. Странно. Что, трудно хотя бы покрасить изнутри в «приятные для глаза тона» свой дурацкий железостенный сканнер?..

Включился весьма гнусный по звуку зуммер, похоже, от-

считывающий секунды короткими «Бзззз-бззз», и коридор неторопливо перекрыло люком – обращённая вовнутрь сферическая поверхность завершила шаровую форму полости. Алексей встал в центре, и постарался расслабиться. Сейчас явно начнётся...

К тому, что случилось, он всё равно оказался не готов.

Ну, вернее, готов, но не совсем. Потому что вручённое «на всякий случай» ведро о многом сказало ему.

Началось с мерного гудения – ну да, трансформаторы здесь точно задействованы... Он ещё не слышал о мощных электрических приборах, обходящихся без этих устройств.

Затем возник свист в ушах. Тонкий, пронзительный – словно к нему подлетает стая из миллиона комаров...

Затем он почувствовал, словно камера... Куда-то двинулась! Вау!!!

Не *сквозь* землю же?!

Но болтанка и качка явственно нарастали. Тьфу ты!.. А ведь трудно на ногах устоять... И подташнивает...

Впрочем, что там подташнивает – мутит страшно! Куда до *такого* любому самолёту! Разве что кукурузнику. Да и то – делающему мёртвую петлю!..

Алексею пришлось срочно плюхнуться на пятую точку, и воспользоваться ведром – в голове что-то взрывалось, и всё тело шатало и бросало – как при жутком шторме. Хорошо хоть не было ветра и солёных брызг!.. Но пахло теперь по-

другому: нагретыми проводами. И ещё каким-то... маслом. Трансформаторным, что ли?!

Да что же они там вытворяют, будь они неладны?! Пусть даже импланты могли оказаться из пластика, как его предупредили, но... Или они попросту дробят их там, у него в... Ну, где эти импланты могут сидеть?! Но он-то уверен: нет у него ничего такого! За что же такие страдания?..

Голову реально вело, и шум в ушах нарастал. Перед глазами вставала какая-то чёрная пелена... Ему пришлось лечь. Он представил себе, как глупо, наверное, выглядит, если тут есть видеокamеры наблюдения: (Хотя – вряд ли! *Такого* ни одна камера не выдержит!) голый скорчившийся на дощатом полу человек возле пластмассовой ванночки и ведра с... Тем, что там было.

Потолок камеры с единственной лампочкой (вот только теперь заметил – что с угольными электродами, словно первые – эдиссоновские...) начал медленно, а затем – всё стремительней вращаться... Голова кружилась всё сильнее – словно он поднялся на вершину чёртова Эвереста без кислородной маски. Воздух... Что-то его как-то не хватает!..

Уши заложило окончательно, и свист стал вполне терпим. Но вот голова...

Алексей провалился в зыбкую глухую вату.

Пробуждение отнюдь не было приятным.

В бок впивалась какая-то не то щепка, не то сучок – а, нет,

это его же рука... В ноздри бил острый запах рвоты и чего-то горелого. Замычав, он открыл глаза.

Обалдеть – он всё ещё в камере!..

Дьявол его задери, а ведь она продолжает вроде как раскачиваться... Или это ему кажется от долгого лежания? Сколько же он был без сознания?! Нет, камера – точно, раскачивается: вон, по кювете перекачивается его «Паркер»!..

Ну и дела... Уж не в хитрую ли ловушку для каких-то запрещённых исследований он угодил?! Не умрёт ли он здесь?! Не для этого ли выясняли, нет ли у него жены, детей и... Ведь действительно – на мозг ощущалось мощное давление: он никак не мог сосредоточиться... Что он здесь делает? Кто он?.. А, да...

Взгляд, растерянно обследующий стенки камеры вдруг наткнулся на тонкие линии на стене перед самым носом. Сверху, из положения стоя, он их точно бы не заметил... А сейчас – в косом свете лампочки видно отчётливо. Но чем же их процарапали на шершавом, но прочном металле? Иглой? И что это – надпись?

Точно. Подобравшись поближе, (Разумеется – ползком! Голова и не думала прекращать кружиться!) он прочёл: «Nikola T. 1938».

Что бы это значило?

Какой-то американский Николай подвергался такой же процедуре аж в далёком 1938-м году?!

Бред. Тогда и понятия такого не было: имплант. Хотя...

Может, эта камера служит и для *ещё* каких-то целей? Исследований? Или – опытов над людьми...

Перерастание опасений в подозрения прервало очередное нарастание шума и гула в ушах. Всё опять завертелось, и по-неслось... Проклятье!.. На *такое* он не соглашался!

Нужно бороться! Сейчас он попытается сосредоточиться, и взять себя в руки!

Но сознание всё равно куда-то предательски уплыло...

На этот раз пробуждение оказалось намного приятней.

Он лежал в мягкой кровати, к руке и груди оказались подключены прозрачные пластиковые присоски с проводами, ведущими к медицинского вида оборудованию, тихо жужжащему тут же, у кровати. Голова... не кружилась.

Буквально в момент, когда он открыл глаза, и обозрел белую небольшую комнату, открылась дверь, и всплыла доктор Вонг. Она ехидно (впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что всё же – мило) улыбалась:

– Добрый день, Алексей! Ещё раз – тысяча извинений за доставленные неприятности! Просто... у всех обследуемых – разная восприимчивость. Мы не думали, что именно *вы*, молодой, и – Хм!.. – сравнительно здоровый мужчина, так тяжело перенесёте эту простую стандартную процедуру! Ещё раз – наши извинения! Но, пожалуйста, не волнуйтесь – обследование показало, что все функции организма в норме!

Интересно, сколько уже человек она так пыталась обма-

нуть? Явно он – не первый, и практика большая: здесь-то она не покраснела! Однако вслух он сказал:

– Спасибо. Спасибо, что вытащили *оттуда*, и откачали. И спасибо за ведро – пригодилось, как ни одно другое в моей жизни.

– Рада, что вы в состоянии шутить. Значит, всё в порядке. Встать сможете?

Прислушавшись к ощущениям организма, Алексей обнаружил, что на самом-то деле у него ничего не болит. Только некоторая слабость... Покряхтев для виду, он сел.

Доктор споро отлепила электроды с груди, рук и ног, и поддержала его мягким тёплым плечиком, когда он попытался встать. Глянув вниз, он растерялся: когда это на него успели натянуть трусы?! Да ещё какие странные: словно бриджи велогонщиков, почти до колена! Впрочем, обижаться грех. В новых трусах он чувствовал себя вполне комфортно.

Доктор провела его к очередному шкафу в углу:

– Выберите себе то, что понравится, и оденьтесь. Я выйду.

– А моя короб... Мои вещи?

– Вот они, на столе.

Действительно, всё там и лежало, и кювета со всем «добром» и старая одежда, и его сумка у ножки. Костюм и рубашка действительно имели такой вид, словно по ним прошлось стадо слонов... Хорошо хоть, что «слоны» обули тапочки – грязи не осталось.

Засунув (Уже не до аккуратной укладки!) одежду в сумку,

он порадовался: остальные вещи оказались в порядке, и не измяты. Странно. Да и ладно. Оперевшись спиной о шкаф, он нацепил старые привычные трусы-плавки, и попробовал одеть новые брюки...

Тёмно-серый костюм в очень мелкую серую же клетку смотрелся неплохо. Отойдя от зеркала, Алексей рассовал по карманам своё добро. Нет, чувствовал он себя действительно неплохо. Дышалось легко, окружающий мир словно стал ярче, даже глухой гул какого-то аппарата вдалеке не раздражал.

Окинув на прощанье почти равнодушным взглядом белую комнату, он вышел за дверь. За ней оказалась ещё комната. Доктор Вонг ждала его за столом с монитором, делая вид, или действительно что-то там пристально изучая с нахмуренными бровями.

– О-о! Алексей. Вам идёт серый. И сидит отлично.

Алексей чуть улыбнулся:

– Благодарю. А что там с... моим обследованием?

– Всё прекрасно. – лучезарная улыбка. – Но на всякий случай мы заодно убрали маленькие камушки и песок в ваших почках. И постарались вылечить псориаз. Вероятно, наследственный.

Обалдеть!!! Про камни в почках он и не догадывался. (С другой стороны – меньше надо было есть жайтайской острой пищи!) А вот псориаз... Батяня, действительно, наградил.

Алексей невольно потянулся почесать, где всегда, но успел остановить руку на полпути к затылку. Там если и чесалось – то наверняка чисто психологически.

– Спасибо. А... что ещё?

– Ну, что... Практически ничего. Вы – здоровый, половозрелый симпатичный, – дежурная улыбка. Алексей «заценил» тактичность, – Мужчина с организмом тридцатилетнего, без вредных привычек, (Это выявили бы анализы!) и абсолютно чистый от имплантов как металлсодержащих, так и пластокерамических. (Поздравляю!) Все функции в норме. Ваши дети будут вполне здоровы. А кстати, они у вас уже есть?

– Нет, ещё не обзавёлся. – странное ощущение дежавю холодком пробежало по спине Алексея. Кажется ему, или доктор его уже спрашивала об этом?

– Ничего, всё ещё образуется. Кстати, Корпорация всячески приветствует и поощряет *постоянных* работников, обзаводящихся детьми...

Ещё бы! – подумалось Алексею. Уж он-то знал раскладки социологов-кадровиков. Человек, «обременённый» семьёй, стремится закрепиться на рабочем месте со стабильным заработком, и в фирме с гарантированным будущим: чтобы элементарно обеспечивать благополучие и достаток семьи... Впрочем, этого не знают только совсем ленивые или молодые. А в «первые три года» ему и вообще запрещено «вступать в...»

Так что не совсем понятно, как это замечание доктора со- стыкуется с пунктом о запрете на официальный брак. Разве что его буквально подталкивают «производить» внебрачных отпрысков...

– Спасибо. – только и нашёлся что ответить вслух Алексею. А то, что он «чист», он и так знал.

– Если позволите, теперь я проведу вас к выходу, и вы... Покинете стены нашего Университета. Навсегда. Теперь забота о том, чтобы вас, простите, не «нашпиговали», лежит на Службе Безопасности. Лаборант донесёт ваш... Кейс. (Оригинально она обозвала его чёрного спортивного монстра.) Идёмте. – доктор встала и повела его очередным длинным и петлявшим, словно змея, коридором.

Излишне говорить, что опять никто им навстречу не попался.

Лицо Мэри, когда дверцы лифта открылись, озаряла традиционно приветливая улыбка. Алексей постарался, чтобы его ответная получилась хотя бы не кривой. Мечтал он только об одном: скорей бы оказаться в самолёте, и откинуться в удобном кресле, пока его будут везти в старушку-Явропу...

Подъём на наземный этаж и сердечно-любезное прощание с гидом-проводником, и даже сосредоточенными секьюрити прошли вполне мило и стандартно вежливо.

Двигаясь к стеклянным дверям выхода, Алексей сдержал удивлённый взглас: всю светило солнце, и день, казалось, уже катился к вечеру! Конечно, Дэйвид, зная о том, что про-

цедура затянется, захотел уйти в машину. Может, даже ездил домой пообедать... Или даже сменился.

Действительно, у лимузина, закрывая крышку багажника, куда неприметный парнишка в уже не таком, как у Мэри, ослепительном халате, только что уложил, как догадался Алексей, его многострадальную сумку, его ожидал не Дэйвид.

Хотя в солнцезащитных очках Алексей не отличил бы его. Да и без них тоже – когда при его приближении мужчина сложил и сунул их в нагрудный карман.

– Здравствуйте, Алексей. Меня зовут Джошуа. – Алексей пожал очередную плотно-мускулистую руку, и, кивнув, подтвердил, что и ему «очень приятно».

По дороге до аэропорта Джошуа слушал новости Си-эн-эн, подставляя для разнообразия роскошную, но аккуратно стриженную гриву, врывавшемся через полуоткрытое боковое стекло ветру, и с удовольствием отвечал на редкие вопросы пассажира. Алексей же просто не мог придумать, о чём спрашивать человека, которого он видит, скорее всего, первый и последний раз в жизни. Но – всё должно быть по Карнеги. То есть: доброжелательно и с действительным интересом.

Поэтому Алексей ограничился традиционными и явно животрепещущими для Джошуа расспросами о семье, детях, и налогах. За что и был вознаграждён пятнадцатиминутным

рассказом, и вынужденным любованием на фотографии в бумажнике.

А что – миленькая у Джошуа жена. С каким-то патриархально-надёжным выражением лица. Настоящая хранительница Семейного очага. Он так Джошуа и сказал. Тот рассмеялся:

– Да, она у меня тот ещё консерватор! Любит, чтобы уж всё в доме было в полном порядке! Ужин – на столе, пыль – в мусорном баке! Тут она спуску не даст! Попробуй с улицы зайти, не вытерев туфель! О-о!.. Но зато уж как готовит! – в этом Алексей и не сомневался. Как и в том, что детишки обстираны-обглажены-в-школу-собраны.

У «Гольфстрема» его тоже ожидал другой экипаж. Да и сам самолёт... Никакой это не «Гольфстрем» – только размерами да обводами корпуса похож. Да и вот этого дурацкого пеликана на стабилизаторе точно не было! И не реактивный он теперь, а винтовой... А Представительский – что, занял Большой Босс? Или теперь можно пыль ему в глаза уже не пускать?... Э-э, ладно – пойдёт и такой. Лишь бы летал.

(С этим всё оказалось в порядке: на лётных качествах стальной птицы рисуночки и винты не отразились. Только времени ушло в два раза больше – час.) А пока Алексей тепло попрощался с Джошуа, (Тот ему действительно понравился – хоть один живой и не стандартно-«зализанный» сотрудник!) и поздоровался с лётчиками.

Посадка, закрытие люка и взлёт прошли буквально за па-

ру минут – словно в аэропорту и не было других самолётов.

Теперь в иллюминатор открывалась чудесная панорама. Дымка растаяла, очевидно под жаркими лучами предвечернего солнца, и зелень полей казалась почти ощутимо насыщенной. Аккуратные фермы и маленькие городки представлялись с высоты восемь километров кубиками лего, только не разбросанными хаотично, словно капризным ребёнком, а уложенными как по линейке – педантичным взрослым дядей.

У трапа его ждал очередной костюм, (для разнообразия – коричневый) а его обладатель представился как Майлз. Ну, Майлз – так Майлз. Пожимая крепкую ладонь, Алексей ощущал усталость и опустошённость: чёртов сканнер! Видать, последствия всё же имеются...

Они снова шли по запутанным лабиринтам служебных коридоров, и как-то неожиданно быстро оказались в зале регистрации.

Странно. Электронное табло с датой и временем недвусмысленно показало: он был «в отключке» лишь несколько часов. А вовсе не пару дней, как сдуру заподозрил...

Майлз подвёл Алексея почти к самой стойке регистрации, с очередной улыбчивой симпатичной девушкой, и опустил на пол сумку. Порывшись в кармане, выудил кипу красочных бумаг:

– Вот ваш билет до Омстердама, Алексей. Электронной версии, боюсь, нет. Так что извините за причинённые

неудобства – придётся показывать вот *это*.

– А, ничего. Люблю старых добрых консерваторов-бюрократов. Да и надёжней бумага, чем электроника.

– Это уж точно. Ну, счастливого полёта! – они во второй раз крепко пожали руки. Алексей вздохнул.

Кончится когда-нибудь его транспортно-обследовательское путешествие? Хоть он и «обладает организмом тридцатилетнего», но уже слегка (Да и не-слегка!) тяготится бесконечными переездами-перелётами-пожиманиями-рук! А устал – словно таскал кирпичи на пятый этаж...

Идти до посадочного коридора пришлось пешком – эскалаторов и бегущих тротуаров почему-то не оказалось. Странно. А, вроде, они тут были... А, точно: вон стоят. Пустиые. Выключены.

Что они тут, противники прогресса? Да нет, вряд ли. Но насчёт некоего консерватизма – этого не отнять: мужчины в строгих костюмах, похоже, фасонов свежей пятилетней давности ни у кого нет. Женщины одеты в отнюдь не дешёвые бренды... Но сидит на многих – как-то безвкусно. Словно местные дамы вообще не соображают: что им идёт, а что нет.

Ну да – многие ему говорили: рядовые Бамерикосы всегда славились пофигизмом к одежде. Была бы функциональна! Теперь, когда он оказался предоставлен самому себе, и никуда не спешил, а основные «переживания» перед сканнером остались позади, он с интересом приглядывался: ну – так! Бамерика, будь она неладна. Когда ещё удастся слетать. Да

ещё «за счёт Фирмы»!...

Алексей понял, что пассажиров, на самом-то деле, очень мало.

Непонятно. В прошлый раз, при прилёте, их ведь точно было раза в три больше – «нелётный день» сегодня, что ли?..

Вот и на его рейс народу оказалось немного: когда его завели через рукав в корму лайнера, он насчитал в салоне традиционного бизнес-класса всего двадцать семь голов, причём – преимущественно седых, словно принадлежащих пенсионерам.

Странно, да.

Вроде, и самолёт оказался поменьше: салон-то – всего на два ряда! По два кресла в ряду. Что же, никто *отсюда* не летает в Омстердам? Или летают – но зимой? А... Может и вообще – предпочитают плавать на пароходах?! Как до войны...

Весь час, пока продолжался неизбежный процесс ожидания, рулёжки, разбега и набора высоты, он тупо пялился в стекло – да, работодатели позаботились как всегда и об этом, и он снова сидел у иллюминатора. А здорово, будь оно неладно! Шпили чёртовых Нью-Окских небоскрёбов конкретно выделяются: и Умпайр, и Крейслер с характерными уступами... Красоты Фитадельфии с высоты птичьего полёта он оценить не успел – возможно потому, что сознание всё возвращалось к чёртову шару сканнера.

Почему же там так странно пахло? Где-то негерметична обшивка? Слишком мощные токи? Не может ведь быть «штатным режимом» работа с горячей изоляцией! А уж это-то он в состоянии учуять! Или... Надо было сказать доктору Вонг? Ф-фу...

Другой камень преткновения перед его мыслями ставил вопрос о том, сколько же дней на самом деле он провалялся без сознания. О том, что не один, говорили... ногти на пальцах. Он отлично помнил, что коротко остриг их прямо перед выездом! А сейчас нате: торчат на добрых полмиллиметра!.. Это – точно дня три.

Да и щёки – он снова автоматически провёл по лицу – явно брил кто-то другой! Он всегда оставляет вот здесь, возле родинки, невысокий как бы холмик. И не потому, что боится за родинку – а просто не видно её под подбородком!

Нету этого холмика: щёки и подбородок гладкие и чистые, словно блин.

Куда же он всё-таки вляпался?! Что это за эксперимент?!

Алексею уже не слишком-то верилось, что Корпорации действительно нужны его навыки профессионального дизайнера-модельера... Но тогда – *что?!..* Может, его похитили хитро замаскировавшиеся инопланетяне, и будут ставить на нём опыты? Сексуальные. Намекал ведь Анвар, да ещё Эргашевич?.. А доктор Вонг прямо сказала – в лоб...

Чёртова паранойя!..

Но разумного ответа не находилось. Пока – не находилось.

Узнает ли он его потом? Ну, когда-нибудь?..

Ладно, он же, вроде, собирался спать. Вот и надо попытаться.

Всё равно от его дурацких подозрений, соображений, и раскладок дело ясней не станет! А здоровье... Да, ему сейчас нужно... Хотя бы выспаться нормально.

Разбудила его стюардесса, предлагавшая поднос с неизменным «бизнес-ужином». Он вначале нехотя, а потом с внезапно прорезавшимся аппетитом съел практически всё предложенное: надо же! Или у него что-то со вкусом после «процедур», или еда на этом рейсе действительно куда вкусней стандартной! А, может, он просто не ел дня... Два?..

Самолёт летел, как показалось Алексею, что-то уж очень долго.

В Омстердам прибыли глубокой ночью – вернее, почти под утро: часы в салоне показывали местное время четыре двадцать. Поскольку никого рядом с Алексеем на этот раз не сидело, все вопросы пришлось попридержать. Впрочем, чего беспокоиться – наверняка его встретят. Отвезут в гостиницу. Устроят. Спорим?

А пока он равнодушным взором автоматически отмечал, кто во что одет в местном аэропорту. Так – вот эта женщина в «Баллмайн», но... Да, аж шестилетней давности. Хм-м... А этот молодящийся старикашка (похожий на какого-нибудь шветда) в классическом «Верзаче». Но – тоже фасона поза-

поза— э-э... лет восемь.

Да и вон та милая девушка – это, вне всякого сомнения, «Дуор», но тоже – фасону платья года четыре. И сидит так, словно купила навыворот. Или – на Жернизовском.

Непонятно. То ли они тут, в Омстердаме, все тоже, как в Филадельфии, консерваторы «до корней мозгов», то ли – носят не то, что модно, а то, что удобно, и соответствует вкусам хозяйки. Или хозяина. Или просто... Доступно по цене – ну правильно, на модные новинки, как только они выходят, цена непомерно раздута: чтоб уж те, кто побогаче, могли утереть нос тем, кто... Вынужден, скрепя сердце, ждать, когда пройдут те самые два-три года. И цена упадёт в три-пять раз: до реальных пределов.

Да и ладно – его задача как раз и обновить местный гардероб, обогатить, «так сказать», палитру фасонов, красок и тенденций... Ну, теоретически, по крайней мере, так.

Конечно, спорить о том, что его, лениво переминаясь с ноги на ногу, встречают, смысла не было – с гарантией встречали.

Когда он получил свою уже сильно помятую и пыльную сумку с тремя неизбежными наклейками-бирками, и прошёл по традиционно бесконечным коридорам, (работающих, да и вообще – эскалаторов – почему-то снова не оказалось) в зале встречающих табличка «Алексей» ничем не отличалась от давешней.

Как и мужчина при ней.

Алексей медленно подошёл:

– Я – Алексей.

– Здравствуйте, Алексей. Я – Аарон.

– Очень приятно, Аарон. Здравствуйте. – Алексей вынужден был поставить сильно потяжелевшую (Вот уж – нервное!) сумку, и, пожав очередную плотную руку, вынуть носовой платок: здесь, в Омстердамском аэропорту оказалось непривычно душно. Лицо и шея всё время потели.

– А-а, влажность. Ничего: привыкнете. – констатировал Аарон, хитро улыбаясь, и перехватывая ручку сумки. Они двинулись к выходу, Аарон говорил чуть обернув голову назад, к Алексею, – Первое время все страдают – а чего вы хотите: Атлантика!

– Да уж. – Алексей прекрасно понимал собеседника, хотя не мог не поразиться странному произношению. – Действительно, очень душно. Хорошо хоть, сейчас лето.

– Да как вам сказать, Алексей. Хорошо – не хорошо, а зимой здесь точно так же сыро... И ещё жутко холодно: ветер, метель, дни очень короткие. Но! Летом ещё и влажность угнетает: постель и бельё не просыхают буквально неделями!

– Ох, господи, – Алексей, разумеется, помнил рассказы ребят, отдохавших на Мальдифах, или в Таиланте, но вот столкнуться лично... Насколько это окажется тяжело для «тридцатилетнего» организма?

– Не пугайтесь. – усмехнулся в аккуратные маленькие, как

у какого-нибудь заправского мачо, усики, Аарон. – Это только с непривычки кажется страшно неудобным... Поживёте пару месяцев – и не захотите другого климата! Вон я: здесь пять лет, а словно тут и родился! Даже аллергия прошла! А как быстро здесь лечат всякие болезни, которые от удовольствий... – Аарон подмигнул, – Ха-ха, шучу!..

Челюсть у Алексея как-то сама отпала. Чтобы вернуть её на место, пришлось сглотнуть.

– Не сердитесь, Алексей, здесь ко всему надо относиться с известной долей иронии и... *Просто.* – видя опустившиеся кончики рта Алексея, Аарон решил прервать терапию «юмором», – Вы ведь из России? Не сомневаюсь – вам здесь понравится! Народ вежлив, все заняты делом, город великолепен, Закон – на страже... интересов граждан. Такого беспредела и криминальных традиций, как у вас, здесь точно... куда меньше! А если в кои-то веки и найдётся криминал – так точно привозной: понаехало тут чучмегов!.. Ха-ха, снова шучу...

Алексей пытался поспеть за стремительно скачущей мыслью спутника, пока тот нёс его багаж по дороге к автостоянке, и понимал, что... Не успевает. Недоспал? Чуждый менталитет? Последствия «сканирования»? Когда же его рассудок придёт в норму?!

– Прошу! – Аарон распахнул дверцу шикарного лимузина, в каких в боевиках разъезжали только мафиози из Емайки. – Имейте в виду! Эту роскошь мы специально арендуем

для новых работников! Чтобы внушить всем конкурентам... Да и простым обывателям соответствующее почтение и уважение – к *вам*... И к Корпорации. Ничего не поделаешь – паблисити! Ноблесс облидж!

Алексей понял латынь – слышал раньше это выражение. Действительно, «Положение – обязывает!» Соответствовать. Невольно он подобрался: распрямил плечи, приосанился. Даже улыбочку попридержал. Аарон, наблюдавший за ним искоса, рассмеялся.

Но так заразительно и открыто, что Алексей и не подумал сердиться:

– А вот это – правильно! Работник Корпорации – везде является её Лицом. Алексей, я уверен – в менталитет впишетесь!

Когда миновали пригород с неизбежными зелёно-ухажеными полями, ровными, словно стрела, каналами, и белокрылыми мельницами, (Нужными для создания «атмосферы», как пояснил Аарон: воду-то из осушаемых полей давно качают электронасосы!) и въехали в Омстердам, Алексей невольно заинтересовался.

Город, и правда, оказался великолепен! Здесь весьма гармонично соседствовали и современнейшие небоскрёбы (Ну как небоскрёбы – не выше двенадцати этажей. Наверное, плохие грунты.) непривычных пропорций, и консервативные классические площади, церкви и дома! То, что дома уз-

кие, и стоят вплитык, словно подталкивая друг друга боками, Алексея не удивило – видел фотки друзей, и знал, что места действительно не хватало. А вот краски, которыми оказались выкрашены фасады, радовали глаз яркостью и разнообразием: никто тут явно за «стильной колористикой» не следил, и красные фасады соседствовали и с «подходящими» жёлтыми и оранжевыми, и «неподходящими» по цветовой гамме зелёными, фиолетовыми и синими.

Алексея поразило то, что встречалось очень мало машин. На въезде в то, что он принял за старый город, стоял регулировщик – полицейский в непривычно чёрной, выделяющейся среди остальной палитры красок, форме. Однако увидав на лобовом стекле наклейку с пеликаном, (Совсем как на хвосте давешнего маленького самолётика, но, конечно, куда меньшего размера!) козырнул, и помахал жезлом – чтобы они проезжали. «Центр города – не для машин, а для туристов! – пояснил Аарон, выворачивая баранку, чтобы вписаться в очередную узковатую улочку, – Однако для работников Корпорации сделано исключение... Чёртовы закоулки. ...рен проедешь!»

Про этот исторический Центр Алексей и принялся спрашивать Аарона, да тот и сам с гордостью пояснял:

– Это – Пляс де Покрейль, а это – здание торгово-промышленной палаты... Что?.. Да, вы правы – грунты отвратительные: сплошной песок! А чего вы хотите – устье Омстела! А, да, Омстел – речка, на которой и построили город...

Так сказать, гелландская Венеция. Сто три островка. Тысяча триста сорок мостов...

Да вы увидите сами – когда пойдёте гулять. А вечером здесь невозможно не пойти гулять: дома-то – скучища и духота... А снаружи – хоть ветерок! А уж девочки... – обернувшись так, что Алексей заопасался – не за прохожих и другие машины, которых не было, очевидно, в связи с ранним временем и запретом, а за стены магазинчиков-кафе-аптек, сплошным прилавком-фасадом занимавшим первые этажи узковатых улочек – Аарон в очередной раз заразительно засмеялся и подмигнул, – Пять лет я здесь – но не променяю здешних малюток ни на каких других – хоть из самого Рио!..

– А вот и Контора. – сказано это было тем же легкомысленно-небрежным тоном, каким его гид только что характеризовал местных «девочек» – Ну, сюда я привезу вас часам к четырём пополудни. Когда отоспитесь. Сейчас же смотрю – отдохнуть вам не помешает.

– Да, это уж точно. – Алексей тем не менее внимательно рассмотрел старинное и консервативно-серое некрашеное пятиэтажное узкое кирпичное здание, которое быстро осталось позади, – А почему здесь так мало... современных домов?

– Э-э, говорю же – «исторический Центр»! Да и менталитет! Местные власти предпочитают консервативную патриархальную экзотику – и надо сказать, это оправдывается... На одних туристах тут зарабатывают больше, чем на всём

рыболовецком промысле! Ну а кроме того – как я уже говорил, отвратительные грунты. Все здания, ну в точности, как в Венеции – построены на сваях. Причём – тоже из сибирской лиственницы! Вот на чём ваш царь Пётр Великий сделал свой маленький бизнес, после того, как научился здесь строить корабли – продавал сюда мёд, дёготь... И строевой лес.

Алексей не без интереса слушал рассказы Аарона, пока они проезжали старым городом – от рядов действительно консервативных, и почти лишённых столь привычных в Санкт-Петербурге позолоченных лепных наружных украшений домов прямо-таки веяло стабильностью, и типично буржуазным прагматизмом. Ну, и, конечно, стремлением не пустить пыль в глаза, а... сэкономить.

– Ну вот, мы на месте. – Аарон припарковал машину перед парадным одного из ничем, кроме цвета, не выделявшегося из ряда остальных, дома, – Вот, возьмите.

В руке Алексея вдруг оказалась увесистая неначатая пачка денег.

– Работники Корпорации должны... Вызывать к себе должное уважение! Здесь – местная валюта. Не слишком балуйте обслугу – за открывание дверей и доставку вашего «чемоданчика» – не больше чем по гультену. Проживание оплачено на три месяца вперёд, далее Корпорация всё будет оплачивать автоматически, в каждый отчётный квартал. Отсыпайтесь. Я заеду к четырём, повезу на «инструктаж». – он

опять подмигнул.

Алексей только моргал в хитро улыбающееся лицо. Слова... Как-то не шли:

– С-спасибо, Аарон.

– Это – моя работа. Ну, счастливо!

Слегка растерявшийся Алексей спрятал пачку, пожал руку, попрощался – всё на автопилоте. Глаза... Действительно, как-то сами-собой закрывались. И в ушах... Он слышал голос Аарона словно сквозь вату.

Алексей вылез из машины через дверь, услужливо распахнутую подошедшим наконец, слегка заспанным швейцаром: а что, ливрея очень даже смотрится – со всеми этими галунами и лампасами... Можно использовать в какой-нибудь тематической подборочке – отстранённо на краешке затуманенного сознания мелькнула профессиональная мыслишка.

Швейцар, уже вытащивший его «чемодан» из багажника, теперь захлопнул дверцу лимузина, и Аарон, приветливо помахав рукой, и улыбнувшись в окно с опущенным стеклом, торжественно «отплыл» от крыльца. Алексей невольно опять расправил плечи.

Гульден швейцару он выделил, когда его багаж оказался поставлен перед стойкой ресепшена. Несмотря на ранний час, мужчина в аккуратном строгом сером костюме за ней имел вполне бодрый и приветливый вид:

– Здравствуйте. Рады приветствовать в «Ексельсиоре»! Вы, наверное, хэрт Алексей? – чёрт! Встретится ли ему ко-

гда-нибудь человек, который не будет знать, как его зовут?! И вдогонку вторая мысль: с чего бы это заведение в скромном маленьком здании так помпезно называлось?

– Да. Здравствуйте. Мне тоже очень приятно остановиться у вас... Вот мой паспорт.

– Благодарю. – что-то отметив в бумагах, и почти сразу вернув паспорт, человек сделал несколько быстрых движений, и, взглянув в какие-то списки и журналы под верхней столешницей, что-то странное на вид достал. В руке Алексея оказался ключ на массивной деревянной груше – ого! – она еле поместилась в руке. А, понятно. Чтобы уходя, клиент уж точно не унёс ключ с собой на прогулку. Да, с таким не погуляешь: оттопырит любой карман!

– Спасибо. – Алексей благодарно кивнув, взял ключ. Расписался в подставленной графе журнала в тиснено-чёрной кожаной обложке (!). Хм...

Консервативно. Претенциозно. Старомодно. Но – впечатляет.

Затем мужчина за стойкой внимательным взглядом проводил их с весьма пронырливым рассыльным в почти такой же шикарной ливрее, как у швейцара, пока тот нёс сумку клиента к лифту, и они с новосёлом вошли в его древнюю тесноватую кабину.

Кабина оказалась отделана изнутри панелями из настоящего красного дерева. Зато она не только еле ползла, но и громко скрипела. Как ни странно, этот звук не раздражал,

а, скорее, умиротворял: казалось, что этот отель стоит здесь веками. И этот лифт, эта стойка, эти люди не меняются на протяжении целых поколений... Вот уж – «вековые традиции», мать их за ногу... А что – нормально. Он и сам... Консерватор.

Номер триста три оказался почти в торце здания. Окна выходили на какой-то узкий канал, напротив маячили окна точно такого же пятиэтажного дома: не иначе, другой отель!..

Алексей расстался с ещё одним гульденом, и с интересом огляделся, всё ещё стоя у своей необъятной и ставшей почти бесформенной сумки, в центре зала. А что: комната хоть и небольшая, но очень... Уютная, что ли.

Даже низкий потолок не давит, а, скорее, говорит о здоровой экономии: да и правильно. Это только акселерация так изменила рост людей. А в семнадцатом-восемнадцатом веках все как миленькие не превышали метр шестьдесят... (Может, поэтому так и пялились на «нашего» двухметрового, да ещё с лишним, Петра Первого!)

Небольшой – под масштабы комнаты – телевизор на подставке. Напротив – два кресла, разделённые журнальным столиком. Стол для работы. Два стула. Со вкусом подобранные под светло-ореховые стены портьеры, и тюль на нешироком окне. Да, уютно.

Дальнейший осмотр позволил обнаружить встроенный в одну из стен шкаф. Сунув сумку туда, Алексей прошёл в спальню. Хм-м... Они что, не то, что намекают – а прямо-та-

ки подталкивают его к тому... Чтобы ночевать *не* в-одиночку?

Кровать с великолепной резной спинкой из почерневшего настоящего дуба занимала буквально половину комнаты. Двухспальная – если не больше... И явно – крепкая.

Блин. Ну как тут устоять!

А ведь он даже ещё не видал местных девушек. И знает их только по рассказам Аарона. И кое-каким догадкам, основанных на рассказах друзей.

Покачав головой, он прошёл в ванную.

Чистота. Аккуратность. Компактность и функциональность. Только так и можно охарактеризовать это помещение. Да, всё – как и в других отелях.

Он вышел.

Пришлось снова достать из шкафа сумку. Вынуть и разложить на кровати пижаму. (Вот хорошо, что не поленился купить! Теперь он точно «впишется» в местный менталитет!) Сине-белая полоска очень даже гармонирует с голубоватыми тонами спальни – словно чуял, выбирая...

Стоя под тугими струями из рассекателя, он жмурился и причмокивал: благодать.

С другой стороны – что-то уж слишком благодать! Ни хлопот с очередями за получением багажа. Ни верещащих на весь салон самолётов, а затем – и залов прибытия, детей. Ни проблем с оформлением разных таможенных деклараций... Неужели *так* бывает?..

Или это – его чёртова хроническая подозрительность, обострённая постоянной «битвой за выживание», буквального выцарапывания из лап «хозяина», того, что причитается *даже* по Закону?.. Или почти привычного чувства опасности – из-за конкурентов, которые буквально дышат в затылок? Ведь здесь, как он не оглядывался, никакой «слежки» за собой, или машинами, на которых его возили, не заметил. А где же – обещанные «происки»? Или – враги слишком хитры? Опытны? И всё ещё впереди?

Вытираясь широким мягким полотенцем, он смело ходил по всем комнатам. Вроде как осматриваясь. Привыкая.

Ага, есть!

Вот *теперь* – действительно, всё в порядке!

Скрытые видеокамеры проявились крохотными блестящими искорками своих линз в двух углах зала, и трёх – спальни: разумеется, напротив, и сбоку кровати! Ну, слава богу – а то уж он было посчитал, что его держат за пустое место: нет, за ним, как за порядочным, будут следить как минимум с шести точек – ещё одна камера нашлась и в ванной.

А что: его это от «шалостей» вряд ли удержит. Скорее – наоборот! Шантажировать «случайными связями» свободного мужчину смысла нет! Разве что лет через ...надцать, когда он где-то осядет. И обзаведётся семьёй. Но это – особенно после Лены! – дело – ну *очень* отдалённого будущего! А уж про вероятность «спонтанного брака» и говорить смысла нет: желание связать себя с кем бы то ни было официально, и

«Пока смерть не разлучит нас!», хоть с Золушкой, хоть с ангальской принцессой, исчезающее, как это изящно говорят математики, мало...

Одев пижаму прямо на голое тело, он развесил костюм на плечиках в шкафу: за оставшиеся семь часов как-нибудь отвисится.

Сон, как ни странно, пришёл сразу.

Разбудил его телефон.

Выяснилось, что белый аккуратный аппарат стоит прямо в изголовьи. На тумбочке.

– Алле?

– Добрый день, хэrr Алексей. Вы просили разбудить вас в три пятнадцать. Обед вам подать в номер?

– М-м... – он подумал, ещё не совсем проснувшись, что в номер, действительно, лучше. Как раз успеет к приезду Аарона побриться и поесть – в желудке конкретно сосало!

– Да, пожалуйста.

Отперев дверь, чтобы не бегать потом, он достал бритву. «Жаллет». Отличные лезвия. Да и крем для бритья – тот ещё. На второй щеке раздался стук в дверь. Он крикнул:

– Открыто!

А-а, чёрт! Выйдя, обнаружил тележку со стоящей рядом миловидной (Вот блин!) горничной – в накрахмаленном переднике, и со сложенными на... ну, скажем так – чуть ниже живота руками. Как это он забыл, что она не уйдёт, пока...

Он не расстанется с очередным гულденом.

Рассматривая аппетитно движущиеся под форменной короткой юбкой удаляющиеся полушария, он ощутил то, чего уж давно не...

Пожалуй, Аарон подал ему неплохую мысль!

Есть пришлось быстро, время поджимало. И суп, и жаркое оказались ничего себе. Жаль только, мало их. Не к таким порциям он привык. Э-э, кому он голову морочит – дома в последний месяц ел только то, что подешевле – серый хлеб, макароны и борщ. А когда отчаяние совсем уж доставало – баловал себя булкой...

Аарон приехал за ним на «Саобе». Машина, конечно, не такая роскошная, как лимузин, но смотрелась на фоне консервативных маленьких домов всё равно – словно вызов. Яркая, красная, большая. А Аарон-то – тот ещё мастер эпатажа! Впрочем, мастер – не мастер, а «пропуск» с пеликаном на лобовое стекло прикрепить не забыл.

– Ну, я вам, Алексей, хочу сказать только одно перед «инструктажем». Убедитесь, что шеф закончил, и только когда он разрешит, задавайте вопросы... А закончит он... Согласно традициям... – Аарон с трудом разъехался с пикапом, припаркованным у какого-то магазинчика, – не раньше, чем через полчаса!

– Всё понял. Спасибо. А где мне... – Алексей, наблюдавший, как из багажного отделения этого самого пикапа вынимают и уносят вглубь тёмного помещения ящики с поми-

дорами и огурцами, собирался спросить, где ему предстоит собственно «трудиться». Аарон кинул быстрый взгляд на него:

– А место работы буквально рядом с «Екцельсиором» – пешком семь минут. Шефа будете посещать только при завершении очередного... э-э... задания. Я думаю, примерно пару... Или вообще – раз в месяц... Впрочем, что я вам «лапшу – на уши»: это он сам, да ещё с Приёмочной Комиссией, будет посещать ваше Ателье.

Поездка много времени не заняла: через пять-шесть минут они остановились у того самого узкого пятиэтажного здания, которое Аарон показал сразу, проехав там утром, как теперь только понял Алексей, специально, сделав небольшой крюк. Лишь небольшая, но со вкусом сделанная гравированная по полированной латуни чернью, табличка сбоку от входа, указывала, что здесь офис Корпорации.

А молодцы. Во вкусе и стиле им никак не отказать... Впрочем, чего удивляться: это – Высокая Мода, туды её... «Ноблесс облидж – два! Да и далее – три, десять, сто!...»

– Я не буду вас ждать, Алексей. Шеф выделит вам машину и шофёра.

– Спасибо, Аарон. Вы мне очень помогли. Мы, надеюсь, ещё увидимся?

– Разумеется! Примерно раз в неделю я обязательно буду навещать вас – чтобы «проконтролировать», – Аарон опять

хитро подмигнул, усмехаясь в чёрненькие усики, – как движется работа! И достать все необходимые... Назовём их – красивые финтифлюшки. Дело в том, что я, «так сказать», универсальный специалист: и по связям с Обществом, и по доставанию того, что понадобится для работы вашему Ателье. Нет, не ниток и тканей – для этого есть отдел снабжения. А – эксклюзива.

Редкие пуговицы, броши, заколки-застёжки, подвески, помпончики и прочие прибабасы... Да всё – что захотите! Вот в этом деле я – первый «доставальщик»! Иными словами – менеджер по снабжению специфическими аксессуарами.

Аксессуары и фурнитуру Алексей и сам иногда называл финтифлюшками. Аарона понял сразу. Другое дело, что он задумался – откуда Аарон знает это типично русское слово. Так же, как то, что «понаехавших» в России называют чучмегами... Но это он выяснит потом:

– Аарон! Вы уже кажетесь мне незаменимым человеком! Если мне будет нужна ваша консультация...

– Звоните вот по этому номеру. – Аарон протянул Алексею аккуратную визитку, – Причём – прямо из холла отеля. Мобильник... Ну, пока вы его здесь переформатируете... Впрочем, я снова заболтался: предупреждаю сразу – местное руководство попросит вас сразу отделаться от мобильного. А что вы хотите: любой спутник вас легко по нему отследит. Не говоря уже о том, что прослушает...

Алексей недоумённо промолчал, но тепло пожал ладонь,

кивнул, и вылез из машины.

Только теперь он как-то вдруг обнаружил, что по улицам идут люди, у них свои интересы и цели, и они во что-то (Как привычно отметило подсознание – вполне пристойное!) оде-ты. И жизнь, хоть и казавшегося большой провинциальной деревней, города – продолжается...

Однако – пора. Глупо заставлять «шефа» ждать.

Внутри офиса оказалось, пожалуй, излишне темно, и то-же – консервативно. Секьюрити сразу встал из-за перегородки, и проводил Алексея к лифту (точно: его лицо хорошо из-вестно уже всем местным):

– Здравствуйте, хэrr Алексейс, прошу вас. Нажмите чет-вёртый. Вас встретят.

Лифт здесь не скрипел. Да вообще – работал практически бесшумно. Полз только как черепаха – пешком явно было бы быстрее. Но – не солидно. А насчёт скрежета... Не лю-бит, значит, шума и скрежета местный Большой Босс. Лад-но, постараемся, стало быть, не шуметь и не суетиться, как и советовал Аарон.

Ого! Не-е-ет, это явно не Мария Ильинична!

Рассмотрев (Весьма нахально и внимательно!) секретар-шу шефа, встретившую его в холле у лифта, Алексей зада-вался только одним вопросом: неужели она ещё и *работать* умеет?!

Девушка в облегающем светло-бирюзовом платье («Дой-

че-и-Габбаба») из тончайшей шерсти постучала в дверь с традиционной гравированной табличкой, и кивнула:

– Прошу вас, хэrr Алексей.

Ладно, он дорассмотрит её достоинства в следующий раз. А сейчас – неплохо бы принять всё-таки деловой вид. Придав лицу нейтрально-спокойное выражение, он вошёл.

Кабинет оказался невелик и поражал обстановкой какой-то уютной деловитости – прямо как у Анвара Эргашевича. Однако здесь не было никаких загромождавших дальнюю стену шкафов – только монументальный стол. И за ним – его хозяин. А расположение наверняка намеренно выбрано так, чтобы свет из окна бил в глаза вошедшего, позволяя боссу отлично улавливать малейшие нюансы настроения посетителя, и скрывать свои...

Алексей прошёл прямо к Боссу, и пожал тёплую мягкую руку чуть привставшего из почерневшего от времени солидного кожаного кресла, мужчины лет шестидесяти.

– Алексей Липгардт.

– Кит Ванавермайт. – шеф вовсе не собирался очаровывать Алексея лицемерными улыбочками, на что однозначно указывали словно раз и навсегда застывшие чуть опущёнными уголки рта с обрамлявшими их жёсткими складками, – Прошу, садитесь.

Строгий деловой покрой слегка устаревшего пиджака костюма однозначно сказал Алексею, что тому, кто его носит, глубоко плевать на, собственно, моду. И стиля он придержи-

вається тільки одного: свого. Консерватор, стало бути.

Отлично. Чиновников и бюрократов-то он знает, как улаживать... Вот сейчас нужно «подобострастно внимать». С серьёзно-заинтересованным видом. И в нужных местах – кивать. И ни в коем случае не улыбаться.

«Внимать» и кивать действительно, пришлось с полчаса – как и предупреждал Аарон.

– «... принципы нашего подхода к работе с секретами Корпорации... Вы не можете не понимать, что те предприятия, что могут показаться вам излишне ограничивающими вашу личную свободу, связаны только со стремлением надёжно... Международный Рынок... Стремление Корпорации всегда быть в лидерах, и наилучшим образом следовать тенденциям и запросам современности... В первую очередь – профессионализм, и полное удовлетворение самых взыскательных вкусов наших клиентов...» «Элита так называемой общественной и политической жизни...». И так далее, и тому подобное – словом, всё то, что говорит чиновник «промежуточного» ранга новому работнику. То есть – такого, что уже говорил десятки раз, и заучил буквально наизусть.

Однако Алексей отлично понимал – глаза, что внимательно смотрят на него, пока губы изрекают вложенную «фонограмму», внимательно следят именно за его реакцией на всю эту белиберду. Которая, никуда не денешься, обязательна к исполнению!

Алексей старался по мере возможностей смотреть в гла-

за хозяину кабинета, но когда тот отвлекался, чтобы кинуть взгляд на бумагу перед собой, (Основные тезисы там у него, что ли, записаны?!) осматривал и кабинет. Особенно его заинтересовал диплом в ужасно безвкусной и помпезно-вычурной (Ну – прямо какое-то барокко!) позолоченной рамочке, и фотография, как он понял, главного канала города в вечернем освещении.

А красиво, чёрт его задери... Рай для туристов.

Наконец «вводная лекция» закончилась.

Словно почувствовав, что новый сотрудник в достаточной степени «проникся» духом, с одной стороны – древних и добрых традиций, а с другой – «стремлением наилучшим образом предвосхищать самые передовые тенденции свежим подходом к моделированию, и т.д...», хэrr Кит перешёл, наконец, к непосредственным обязанностям Алексея:

– В ваше распоряжение предоставлена Мастерская-ателье на втором этаже нашего... э-э... экспериментально-промышленного Цеха. Под вашим руководством: закройщица, помощница мастера, две швеи высочайшего класса, манекенщицы, художник, бухгалтер-экономист, подсобная рабочая, и, так сказать, кастелянша. По-вашему – завхоз. (Алексей, помня пару моментов бесед с Аароном почти не удивился: похоже, не первый он здесь дизайнер из России...)

– В обязанности последней входит обеспечить вашей... группе все необходимые для работы материалы – ткань, фурнитуру, аксессуары... И так далее. С остальными работни-

ками, надеюсь, более-менее понятно. – Алексей уверенным кивком подтвердил это полуутверждение-полувопрос, – Далее. Теперь непосредственно о ваших служебных обязанностях.

Вы приняты на должность модельера-разработчика. Как руководитель своего подразделения вы обязаны организовать работу персонала таким образом, чтобы порученное вам задание было выполнено... В указанные нами сроки.

Конкретней: в первый год вам будет предоставляться отобранный нашими экспертами материал для... Скажем так: детальной проработки фасона, адаптации его к *нашим* условиям, и изготовления лекал. Для *ограниченно* массового производства. То есть – вам в руки передадут набор фотографий с уже изготовленной в единственном экземпляре моделью. Фасоном. По этим фотографиям вы должны будете восстановить все чертежи-выкройки, подогнать макетный образец так, чтобы он сидел на... манекенщице стандартных для Корпорации параметров. Причём сидел так, чтобы *нас* это устроило – то есть, в соответствии с первичным образцом, но с поправками на специфику... – Алексей выдержал очередной многозначительный взгляд, снова кивнув, – фигуры этой *типовой* манекенщицы.

– Затем, разумеется, собственно – изготовление стандартных лекал-шаблонов для типовых размеров от сорок шестого до пятидесятого включительно, и опробование на манекенщицах. Соответствующих размеров. Затем и для них –

снова приёмочная комиссия.

Не могу не предупредить. Вам может показаться странным, что мы здесь придерживаемся несколько... консервативных, *традиционных* методов: у вас не будет никаких лазерных дальномеров, цифровых видеокамер и всего прочего, новомодного и «продвинутого», как его принято называть, оборудования. Надеюсь, те, старые, методы вы помните. – на полувопрос-полу-утверждение снова можно было только кивнуть, что Алексей и поторопился сделать, чертыхаясь про себя, и попридержав возражения до лучших времён.

Нужно вначале действительно – доказать, что он «владеет», и в том числе и этим дедовским старьём, а уж потом выделяться со своими привычками и передовыми технологиями... Тем более, жайтайцы-то его в этом плане не слишком баловали.

– Далее. Самое главное. После приёмки вашей работы Комиссией – вам необходимо расписать в деталях весь процесс массового производства: с учётом экономного раскроя, организации рациональной технологии собственно изготовления изделий, и способов их хранения – так, чтоб не портился товарный вид.

Разумеется, назвать ориентировочную... Нет – как можно более точную себестоимость! С учётом всех текущих расценок на ткани, фурнитуру, трудозатраты, амортизацию, и так далее... В пересчёте, разумеется, на единицу продукции этой ограниченной партии. Для этого вам, собственно,

и придаётся бухгалтер, он же по совместительству и экономист.

Для каждого фасона, разумеется, мы предоставим данные о том, сколько конкретно вещей тех или иных размеров предстоит изготовить, вы же рассчитываете, сколько швей, закройщиц, гладильщиц, и так далее, понадобится, чтобы уложиться с производством в разумные сроки... Скажем – два месяца на модель. На сам же процесс моделирования, и, так сказать, «приёмки» воссозданных образцов, вам отводится... Ну, скажем, по четыре недели. Разумные сроки?

– Да, хэrr Ванавермайт, сроки разумные. – Алексею пришлось заранее взглянуть на табличку у шефа на столе: он не запомнил с одного, и даже двух раз, его сложного имени.

– Я рад, что мы с вами столь быстро пришли к взаимопониманию. – по виду шефа нельзя было сказать, рад ли он действительно, или рассержен отсутствием сопротивления со стороны новичка. Но Алексей решил, что помолчать пока не помешает. И правильно!

– Теперь – о режиме собственно работы. Прошу вас соблюдать требования Профсоюзов – и не занимать никого более семи часов, оговорённых в Контрактах персонала. Начало работы – по вашему выбору. Но – не позже девяти часов утра. С часу до полвторого – обед. Питание – за счёт Корпорации. Помещение кафе-столовой – на первом этаже, в пристройке. Прошу соблюдать график: там будет обедать не только ваш цех... Вечером – лично запирайте все поме-

щения вашего Ателье, ключи сдавайте вахтёру на вашем этаже.

Ах, да – вот ещё что. Все чертежи и изделия не должны покидать стен вашей мастерской, пока не... словом, пока Приёмочная Комиссия не подтвердит соответствие оригиналу, готовность образца, и не подпишет Акт о необходимости изготовления промышленной партии. Словом, ни в коем случае не берите работу на дом, как это иногда пытались делать ваши... Предшественники. Мы этого никоим образом не потерпим.

Алексей удивился: разве может такое быть, чтоб мастер мог работать строго по часам: «от сих – до сих»! Если работа «пошла» – тут уж не до чёткого распорядка: нужно ковать железо, пока горячо! А точнее, пока свербит, не давая приесть или даже пообедать, тот самый огонёк!..

– ... как, впрочем, и того, чтобы и *после* окончания работы над фасоном образцы покидали ваше Ателье без специальных указаний! Далее.

Разумеется, мы понимаем, что методы работы у каждого мастера свои. Поэтому запретить лично *вам* задерживаться на работе в случае... острой производственной необходимости, или личного, так сказать, желания – не могу. Тут – на ваше усмотрение.

Всё ясно. Он – раб. Почти как у жайтайцев. Пока не сделает раскрой – его не выпустят.

Ну и ладно. Его лучший результат по точно такой же ра-

боте – два дня!

Так что – должен успеть! Хотя тогда речь шла лишь о банальных пуховиках. А сейчас – всё-таки об Элитной Одежде... Значит, тонкостей и подводных ям будет предостаточно. Особенно – с учётом «манекенщицы со специфическими местными особенностями фигуры», «экономного раскроя», и «массового производства».

Да и ладно – он вполне профессионален. В навыках-то уж по «воспроизведению» чужих моделей – компетентен. С кем поспорим, что Корпорация о его «достижениях» уже знает куда лучше, чем Налоговая Инспекция?

– И последнее. Информация о вашей лично, и заработной плате ваших сотрудниц – также является коммерческой тайной. И прошу вас никого такими... э-э... считающимися нетактичными, вопросами – не беспокоить! И уж тем более – не разглашать!..

Очередной вежливый кивок со стороны Алексея разгладил нахмуренные брови, и вернул почти спокойное дежурное выражение на морщинистое лицо шефа. Посопев носом, хэрр Кит выдавил, словно через силу:

– Прошу вас, хэрр Алексей, вопросы.

– Благодарю, хэрр Ванавермайт, за столь исчерпывающие объяснения. Если позволите, хотелось бы узнать – когда приступить к собственно работе, и есть ли в моей... э-э... группе кто-либо, знакомый с моделированием. Кто был бы компетентен.

– Да, разумеется, есть. В первую очередь – художник. На её помощь и компетентность вполне можно положиться, она работает с нами не первый год. Далее, конечно – Помощница Мастера. Хм-м... Именно с ней в основном вы и будете... Решать основные производственно-технические вопросы. Всё размерять, и разрабатывать. Данные в компьютер, по окончании процесса, тоже будут вносить она и художница, если вы... Будете заняты более важным делом. Собственно, при необходимости, и закрыщицу можете подключать. Непосредственно к процессу... Моделирования.

Мы всецело доверяем их... Опыту и навыкам. Все трое имеют стаж по двадцать, а кое-кто – и более, лет.

А к собственно работе вы сможете приступить уже завтра. Сейчас, после нашей беседы, вас отвезут в филиал, где и будет происходить экспериментально-промышленное изготовление того, что вы... Хм-м... разработаете.

И я взял на себя... хм-м... труд, попросить фру Магду, вашего Помощника, задержаться. Она и введёт вас в курс дела. Все вопросы по руководству вашим штатом решайте с ней – она ваш, так сказать, непосредственный заместитель.

Мило. Всё уже решено-утрясено. Похоже, ругаться с «персоналом», как всегда выходило при работе с жайтайцами, предстоит не ему. Отлично – если не сказать больше.

Чертовски прагматичный подход. Ай да Корпорация! Не зря он им продан с потрохами... Ему реально создают условия, чтобы спокойно – именно «творить».

С шефом Алексей попрощался тепло – чиновник хоть и вряд ли что понимал в специфике собственно моделирования, зато отлично разбирался в организации эффективной работы подразделений, и подборе компетентных кадров...

Машина ждала его, как и указал хэrr Кит – у подъезда.

Алексей вежливо поздоровался и познакомился с шофёром: ему предстояло «использовать машину в случае производственной необходимости». Шофёра звали Винсент. Надо же – прямо Ван Гог!

Водил Винсент осторожно и аккуратно, тщательно соблюдал правила движения, и уступал пешеходам – нет, это не Аарон! С другой стороны, Алексей мог спокойно думать о своём, а не кидать затравленные взгляды вокруг – не въехали ли они во что-то, или (Не дай бог!) в кого-то!..

Производственная база-филиал находилась действительно недалеко от его гостиницы. Винсент специально проехал вначале мимо неё – чтобы Алексей сориентировался. Ну, он понял, и действительно сориентировался: не больше пяти минут ходьбы.

Снаружи здание напоминало небольшой цех. Производящий, например, элитные автомобили. Почти такой же был у фирмы «Феррати» в Мадене: прямоугольная коробка без каких-либо деталей отделки и выступов. Стеклопакеты явно показывали, что разглядеть что-либо, происходящее внутри, ни одному, даже самому дотошному, шпиону, не

удастся. Правда, как подозревал Алексей, за фасадом, якобы «остеклённым, чтобы вписываться в местный менталитет», располагались обычные бетонные стены, а освещение внутри – целиком искусственное. Да, собственно, другого в швейных цехах и не бывает...

Так и оказалось. Когда Винсент провёл его вовнутрь, где у неизменной стойки секьюрити его уже ожидала очень серьёзная пожилая женщина, выяснилось, что огромный цех первого этажа с рядами швейных машинок, оверлоков и гладильных станков абсолютно пуст и тёмн.

Винсент, узнав, что сегодня он «хэру» мастеру больше не понадобится, оставил карточку с телефоном и удалился. А вот Секьюрити рассматривал Алексея с явной хитрецей – похоже, не просто запоминал.

– Хэrr Алексей. – двинулась к нему женщина после того, как он отпустил Винсента, – Я – фру Магда. Ваш заместитель по работе с персоналом. И специалист по снабжению и организации труда. Надеюсь на плодотворное и спокойное сотрудничество.

Строгая чёрная юбка миди, белая накрахмаленная блузка. Колготки. (Ну конечно, как же работнице солидной и консервативной Корпорации без них!) Сравнительно короткая «деловая» стрижка выгодно оттеняет немолодое, но привлекательное открытое лицо.

Алексей, протянув свою, и пожав тёплую и сильную руку, поспешил уверить примерно пятидесятилетнюю, весьма хо-

рошо сохранившуюся женщину, что он тоже на это надеется. После чего начал задавать конкретные вопросы.

Вот тут ему и показали большой цех на пятьдесят рабочих мест на первом этаже, склады для готовой продукции и материалов в сухом и кондиционированном подвале, раскроечное помещение с лазерным полуавтоматом, столовую. (тоже тёмную и пустую в этот час) И повели, наконец, наверх – в «его Царство», как без тени иронии сообщила фру Магда.

Алексей внимательно слушал пояснения, и продолжал с интересом приглядываться к провожатой.

Женщина казалась... Странной. Ни тени кокетства, или вполне объяснимого любопытства в отношении нового Начальника – Босса. Её, вроде бы, несколько не интересовало, кто он, откуда, где и кем работал до этого, сможет ли справиться с порученным делом... Или она считает нетактичными вопросы о его навыках, местах работы, и... личных обстоятельствах?

Но в то же время она описывала и поясняла всё вокруг так, словно не была женщиной: конкретно, профессионально, толково. Словно его водил по цехам и давал пояснения мужчина – матёрый зав. производством. Досконально знающий, как спланировать и отладить работу буквально всего: от отдельного оверлока, до маркетинга готовой продукции.

Алексей утвердился в мнении: его участие в производстве будет сводиться лишь к изготовлению собственно макетных образцов и их лекал. А уж до «промышленного производ-

ства» и «расчёта стоимости» дело доведут и без него.

Такая перспектива устраивала его больше всего!

Мечта любого кутюрье!!!

Все его смелые надежды, похоже, подтвердились!

Разрабатывай всё, что душеньке угодно, и так, чтоб голова не болела, как наладить закупку комплектующих, аксессуаров, и тканей, нанять профессиональных швей-гладильщиц-закройщиц и т.п., организовать сам массовый пошив, демонстрации, презентации, и сбыт!

Благодать! Есть где развернуться...

Впрочем, он быстро заставил воспаривший дух вернуться на грешную землю.

Выделенный непосредственно под Ателье второй этаж он вполне досконально обошёл и изучил. Разумеется, этаж оказался тоже без следа окон, выходящих наружу.

Швейное оборудование – надёжнейшее, элитнейших производителей, («Пвафф Цингер» – это вам даже не жайтайская «бабочка»!) и содержится в образцовом порядке. Сами рабочие комнатки ателье и примерочные, конечно, тесноваты... Но – для единичного образца – пойдёт. Тем более – перегородки явно разборные и передвижные. Складские помещения. Большая демонстрационная. Хм-м... Всё продумано. И рационально.

– Фру Магда. Я правильно понял, что все эти двенадцать комнат, склады, подсобные помещения и демонстрационный зал на втором этаже – наши?

– Абсолютно правильно.

– И если мне вдруг понадобится что-либо переделать в планировке комнат...

– Совершенно верно – обращайтесь ко мне. Я сообщу руководителю внутренних работ, и все эти временные перегородки, станки, и всё, что потребуется, будет в кратчайшие сроки перемещено в соответствии с новым планом! – безупречный ангальский фру Магды выгодно отличался от Алексеевского, и мысль она формулировала куда более чётко и быстро, чем всё ещё стесняющийся своего корявого произношения, новый Мастер.

– Фру Магда. Где образец, который нам предстоит... освоить в ближайшее время?

– Хранится в сейфе. В вашем кабинете. Ключи – вот. – она достала из кармана большую связку старинных и громко зазвеневших ключей, – Уходя, я сдаю их дежурному на нашем этаже. – действительно, дежурный сидел в каптёрке прямо на единственной лестничной площадке между этажами. И Алексей, поглощённый своими мыслями и впечатлениями, почти забыл, как поднимаясь, поздоровался с очередным «качком»...

– Мы... можем сейчас взглянуть на него?

– Разумеется. Я так и полагала, что вы захотите взглянуть, чтобы... Раздать на завтра заказы на нужные для работы материалы и фурнитуру. И сказать, кто из персонала вам понадобится.

– Идёмте. – Алексей прекрасно помнил устрашающих размеров серую стальную коробку сейфа, полностью загромождавшую один из углов комнатки три на четыре, снабжённую на двери стандартно латунно-чёрнённой табличкой «Мастер макетного цеха».

Всё же когда фру Магда доставала «образец» из сейфа, что-то торжественно-мистическое промелькнуло в её движениях и на лице... Словно сейчас состоится некое священно-сакральное действие.

Конверт из плотной коричневой бумаги. Заклеенный и запечатанный сургучной печатью.

Обалдеть!.. Точно – промышленный шпионаж!

– Фру Магда... Кто, кроме нас с вами имеет право доступа к этому... Образцу?

– Только сотрудники нашего цеха. Не волнуйтесь: все они проверены и вполне надёжны. А с каждой новой моделью им познакомиться в любом случае нужно – чтобы пошив макетного образца проходил быстрее. Однако!

Все наработки и сам макет придётся до сдачи... Да и после – запирать на ночь сюда. – женщина похлопала почти любовно по серой поверхности, отдавшей лёгким, как бы горделивым, гулом.

– Я понял. – отозвался Алексей, – Отлично. А... вахтёр?

– Нет, он не относится к нашему цеху. Ему ничего ни видеть, ни знать не нужно.

– Понятно. – Алексей ещё раз кивнул, вскрыв, наконец,

конверт.

Отличные фотографии.

Цветные, почти объёмные. Со всех нужных ракурсов.

А вот и вид сбоку с поднятой рукой: чтоб видеть детали проймы и рукава... Так. Надо же – «летучая мышь». Давненько он такой не видал... Впрочем, всё новое – хорошо забытое старое! А здесь? Сзади – молния явно по центру...

Единственная сложность предвидится с подбороками на груди... Качели? Нет, не так – всё же просто складки. С плеча – примерно к талии... А здесь... Сходят на нет. Неплохо, неплохо. Отличное платье. И серый цвет смотрится уместно... Благородно.

Что за коллекция? Не вопрос! Конечно, это – Донна Карам. Позапрошлогодня. Как же не узнать: это её «фишка» – летучая мышь и качели-сборки для топа. Хм-хм... Вот уж не думал он, что её ещё не запустили в поточное... А-а, неважно, что он думал. С фасоном всё, вроде, ясно.

Теперь – сама модель. Это, похоже, Дафна Грюневальд. 88-60-85. Особых сложностей не предвидится. Разве что его местная «типовая манекенщица» окажется пошире в бёдрах... Или – груди. Э-э, завтра увидим.

Отлично! Его первое платье, похоже, не вызовет у него и «его» цеха особых сложностей. (Тьфу-тьфу!)

Алексей вздрогнул – увлёкшись изучением превосходных фотографий и их обдумыванием, он совершенно отключил-

ся от действительности. И только сейчас поймал на себе, очевидно, уже давно сосредоточенный, пристально-изучающий и чуть ироничный взгляд «заместительницы».

– Фру Магда. – он распрямил слегка уже, оказывается, подзатекшую спину, – эта модель... Её кто-нибудь кроме нас с вами уже видел?

– Нет. Предоставляемый нам материал видит только хэrr Ванавермайт. – фру Марта позволила себе чуть раздвинуть губы. (Чёрт! А улыбается-то она – совсем как Анвар Эргашевич! Или... в Корпорации все служащие улыбаются так? Может, со временем и он?.. Особенно, если выбьется в начальство...) – Только когда наш Образец будет готов, приглашается Приёмочная комиссия. Состав её заранее никогда неизвестен – для каждого раза он отличается, как и предоставляемые нам образцы... (Ну ясно. То, что будет производиться для мужчин, совершенно специфично. Собственно, как и для детей. Или что-то спортивное...)

Алексей сдвинул брови, кивнул. Помощница продолжила мысль:

– В каждой Комиссии обычно не менее двенадцати-пятнадцати человек. Некоторые будут оценивать соответствие... представленного нашей группой – вот этим самым фотографиям. Которые мы размножим и им дадим. Для сравнения. Другие – организовывать маркетинг и сбыт. Третьи – будут позже представлять нашу модель по отснятому с демонстрации видеофильму – непосредственно *высшему* Руководству

Корпорации. Но: пока мы не закончим... работу, эти фотографии – только для нас!

– Хорошо. Всё ясно. – Алексею и правда, всё было ясно, – Давайте спрячем всё обратно.

Не раньше, чем его помощница-заместительница заперла сейф, Алексей озвучил решение:

– Фру Магда. На завтра мне понадобятся следующий... м-м... персонал: художница. Помощница мастера – то есть вы. Закройщица. Манекенщица. Гладильщица. И ещё... Э-э... Ну, женщина, которую можно использовать, как подмогу. Поддержать, пришить, подрезать... Ну, вы понимаете, что я имею в виду?

– Конечно, хэrr Алексей. Личную подсобницу. Это у нас так называется. К которому часу всем подойти?

– Если возможно, все – к девяти утра, – он утёр пот со лба платком, – Далее. Из материалов: две коробки булавок. Длинной не меньше, чем по четыре сантиметра. С большой круглой головкой. Стандартный мелок – две коробки. Цветное мыло. Чёрный маркер. Хлопчатобумажная ткань, плотная, однотонная, желательно ситец. Цвет – красный и зелёный. Целый рулон. Нет – два, – он сразу решил работать так, как привык, – То есть – по рулону каждого цвета.

Стандартные раскроечные ножницы, простые, стальные – пожалуйста, никаких этих тефлонов и накладок! Мерные ленты, в сантиметрах и дюймах, желательно – пластиковые – две-три. Далее... – Алексей медленно диктовал, так, что-

бы женщина успела записать всё в аккуратный блокнот, который достала из кармана халата.

Когда в блокноте оказалось заполнено три страницы, он, наконец, успокоился. Не страшно: если даже чего и забыл, в процессе легко достанут. Производство здесь явно поставлено – значит, всё нужное есть в каких-нибудь шкафах или ящиках!

– Фру Магда. Благодарю за вашу компетентность и исчерпывающие... пояснения всего.

– Это моя работа, хэrr Алексей. – прощаясь у выхода, он снова пожал женскую тёплую и крепкую руку. По тону и не понять – то ли она польщена, то ли – обижена... А его «заместительнице»-то палец в рот – не положи! Откусит по локоть! Вот она-то – точно, производственник! И опыта у неё – куда там ему со «своими» жайтайцами!

Алексей не торопясь двинулся к гостинице.

Да, ему было о чём подумать по дороге. Впрочем, он, и поглощённый мыслями, не без интереса разглядывал неизменные кафе и магазинчики по сторонам, и поздних прохожих в почти превратившихся в ночь сумерках: они с фру Магдой «заработались» до девяти вечера! Впрочем, уж ей-то Корпорация наверняка доплачивает – за сверхурочные. И – широкую специализацию.

Подумав, он зашёл в очередное встретившееся кафе. Для этого пришлось спуститься вниз по двум ступенькам у входа.

Полумрак внутри казался ничуть не светлее, чем снару-

жи – очевидно, из-за декоративных деревянных накладок на стенах, стилизованных под брёвна, и тонированных тёмно-коричневой морилкой. По стенам – еле горящие светильники: ну прямо старинные фонари, совсем как в Питере...

У стойки на высоком металлическом табурете сидела официантка, мирно трепавшаяся с вяло протиравшим высокий стакан пышноусым плотным старичком с печальными глазами – явно хозяином, и по совместительству – барменом.

Как ни озирался Алексей, больше ни одного клиента за пятью столиками не увидел. Он нарочито спокойно подошёл к повернувшемуся к нему персоналу.

– Добрый вечер. Пожалуйста, чашку кофе и булку.

«Персонал» недоумённо переглянулся. Чёрт. Похоже, его не поняли – девица что-то растерянно спросила у шефа на гортанном местном языке, и получила не менее непонятный Алексею ответ. После чего уже его спросили о чём-то.

Вот уж не думал он, что придётся столкнуться с таким... Ведь не могут сюда не заходить те же туристы! Или... нет? Ладно, у него есть руки. К тому же слово «кофе» наверняка международное...

Вот он и показал, как наливают из чего-то с ручкой в некую ёмкость «уно, ванн, один, он» кофе. Продемонстрировал один – указательный! (Он же культурный, туды его в качель!) – палец. И подвигал челюстью, показав, как он что-то кусает воздушно-сжимаемое, и жуёт, запивая этим самым – в другой пустой пока руке...

Хозяин закивал, вдруг нырнув к обширному буфету позади стойки.

Ура! В одном из вынутых из холодильника, оказавшегося внутри, пластиковых пакетов, оказалась булка как раз подходящего размера. А сообразительная девица уже несла от автомата для эспрессо чашку дымящегося кофе, при этом даже мило улыбаясь, и виляя... Тем, чем положено вилять.

Блин. Все они здесь, что ли, прирождённые виляльщицы?..

Алексей покивал, сдержанно поулыбался обоим, поблагодарил на четырёх же языках, и отправился за столик у окна.

Вдумчивое поглощение булочки доставило ему подлинное блаженство. Как, собственно, и любому обожателю высококачественной сдобы! Вот уж находка для гурманов – это кафе!

Тесто замечательно подошло и пропеклось, булка бесподобно пахла, и оказалась восхитительно нежной: с корицей, маком и каким-то очень вкусным кремом внутри... Кофе же мог быть и похолодней – он немного обжёг нёбо, поторопившись сразу отпить. А, ерунда – вкус вполне... Доев, он минут на пять отключился от реальности: рассеянно смотрел просто на стену здания перед окном, словно наслаждаясь послекусьем.

Снаружи, за плотными, чуть выделявшимися более светлыми пятнами, занавесками, текла «зарубежная», непонятная и, возможно, чуждая, жизнь.

Пока он даже не представлял, как в неё «вписаться». И надо ли.

Почему-то маленький инцидент с незнанием местными ангальского навеял на Алексея весёлые мысли – как же они делают здесь бизнес? Или придиричivé туристы не заходят в столь неприметную забегаловку? Нет, вероятней всего – днём здесь работает смена, владеющая не только ангальским, но и французским. И дойтчем. Может, и русским.

Когда он взглянул на женщину, она быстро подошла, держа в руке неизменные блокнотик с карандашиком. Алексей провёл рукой перед собой: «Сколько?»

– Шестьдесят восемь пфенгов. – он подумал, что ослышался. Или здесь – докризисные, или даже – довоенные цены. Или... Но не будешь же действительно спрашивать – какие же у вас, ребята, зарплаты?!

Он протянул гюльден, улыбнулся, и категорически замолчал головой, когда ему попытались всучить пригоршню мелочи. Покивал расцветшей девице. Сказал «Гуд найт» уже на трёх языках. (как по-французски – не вспомнил) С хозяином попрощался тоже на трёх языках, и – поклоном.

На улице, уже видя свой отель, Алексей снова отключился от проблемы местных цен и зарплат: мысли упорно возвращались к завтрашнему дню.

Ещё бы – работа предстояла большая, и невероятно кропотливая! И пусть он неоднократно выполнял такую, и, вроде, владеет спецификой, всё же... Каждый раз выявляют-

ся разные тонкости... Подводные камни. Хитрые секретники технологии производителя.

Ничего – любой материал сдаётся.

Главное – методичный и трезвый подход.

Он не зря после первых, поверхностных, Курсов ещё и занимался сам – и по интернету пошарил, и справочников подкупил. Вот и сейчас: половина веса в чёртовой сумке – «макулатура». То есть – все эти «Пособия для мастера кроечного...» и «Руководства для оптимизации массового покроя...», «Типовые выкройки модной...». И т.п.

Правда, пока потребности вернуться к основам он не ощущал: первый фасон, выделенный ему для работы, внушал, конечно, уважение – хотя бы тем, что автором была Донна Карам, но отнюдь не являлся «Тайной за семью печатями» – почти такую же модель он однажды делал. Года четыре назад.

Ничего – он всё вспомнит!

В отеле он сразу подошёл к стойке – дежурил уже явно ночной портье. Не столь молодой и симпатичный, зато видом консервативных очков в массивной оправе и представительной осанкой внушавший уважение, и отлично поддерживающий реноме respectable заведения. Ну как же – «Ексельсиор», мать его!..

– Добрый вечер. – Алексей старался выговаривать правильной, кивнув на ответное приветствие, – Пожалуйста, триста третий. – и когда ему выдали массивный «брелок»,

добавил, – Можно попросить вас разбудить меня завтра в половине седьмого?

– Да, разумеется, хэрр Алексей! Я сам разбужу вас! Э-э... Ужинать будете?

– Нет, благодарю. Я перекусил в городе.

Показалось ли Алексею, или глаза портье удивлённо расширились? Однако вопросов не последовало, и Алексей прошёл к себе – именно прошёл, решив не скрипеть старым лифтом. Да и на резьбу дубовых панелей лестничного пролёта хотелось взглянуть получше – её как раз мягко освещали матовые плафоны настенных бра.

Резьба оказалась так себе – довольно примитивная. Не то, что в ангальских особняках – он видал такую в документальном фильме о «замках с привидениями». Впрочем, тоже красиво. Создает настрой. И, разумеется, придаёт отелю солидность. Он даже провёл рукой по завиткам и розеткам – да, прикосновение оказалось именно таким, как он и ожидал: давало ощущение покоя и комфорта...

В номере поработали. (Надо не забыть дать горничной очередной гульден!) На полу, на паласе, выделялись свежие следы-дорожки от щётки пылесоса, в шкафу его рубашки и костюм аккуратно висели на вешалках. Тонкий слой сегодняшней пыли с журнального столика исчез.

Усмехаясь про себя – нарисовать улыбку на лице поопасался всё из-за тех же камер видеонаблюдения! – он разделся, и снова залез в ванную. Воду душа сделал потеплей.

Жаль, конечно, что даже в номере влажно: словно всё ещё не просохло после того, как он помылся утром. А ведь так, похоже, будет всегда. Ну ничего – как сказал Аарон, он тоже привыкнет... За три-то года.

Как ни странно, заснул Алексей быстро – сам не заметил, как.

Манекенщицу звали Гудрун.

Густые, чёрные как вороново крыло, волосы до талии. С бесподобными переливами даже под равнодушно-мертвенным светом люминесцентных ламп. Тонко выщипанные брови, выгнутые упругим луком над неправдоподобно огромными глубокими глазами. Синими. Грация и стать... Хм-м... Восточные поэты так и сказали бы: газель. Или серна.

Имя, конечно, странное для надерландки. Впрочем, усилиями самой Гудрун, изъяснявшейся на ангальском куда хуже даже Алексея, и с варварским картавым акцентом, выяснилось, что она из Кристиании. Алексей ещё подумал, что, видать, это родители научили её так по-старинному называть Остло.

Однако в телесном, плотно облегающем трико, она смотрелась обалденно.

Нет, действительно обалденно – Алексей даже переспросил у фру Магды, штатная ли это манекенщица. Его поспешили уверить, что Гудрун работает с проектными группами семь лет, хотя и не всегда в Омстердаме. И её фигура – при-

знана стандартной для массового пошива сорок шестого размера. Для «местных» условий.

Чёрт. Ну – стандартной, так стандартной...

Алексей, привычно сощурившись, прикинул: 90-62-91. Различия с «базовой» манекенщицей, конечно, есть... Но – не критичные. Впрочем, измерить не помешает.

Сантиметр подтвердил точность глазомера: 90-62-91. Хе-хе, глазомер-то... В порядке. Но всё же отличия от привычного стандарта на более узкие бёдра, наблюдаются.

Почему?

Хм-м... Ладно, не важно. Вот – фасон. Вот – манекенщица. Начнём «воплощать»!

Начал Алексей традиционно: расчертил базовыми линиями трико на Гудрун: вначале мелом, а затем, более точно – чёрным маркером. Порядок. Основные строительные ориентиры есть!

Большая студия, где они работали, освещалась отлично: плафонов на потолке хватало, и переносные дополнительные софиты не грели, а давали мягкий рассеянный свет, выявлявший малейшие неточности. Алексей самолично развернул на закроечном столе устрашающих размеров зелёный рулон... Он почти облизывался.

В кончиках пальцев он ощущал тот, совершенно особый, юношеский, зуд – этот зуд и погнал его в дизайнеры! Если бы ещё не столь жёсткие условия, бытовые и «семейные» неурядицы, склоки с «коллегами» и конкуренция там, на Родине...

Он и забыл, когда последний раз ощущал *такое*.

Ну что сделаешь – не коммерсант он. Не «ходовой». Нет у него наглой «пробивной силы», и стальных нервов... Не может он интриговать за спинами коллег-конкурентов. Поддавался он, как баран, увещаниям своей амбициозной подруги. Вот и...

Вот поэтому в том числе он и здесь!

И поэтому теперь, раз уж Судьба оказалась столь милостива, что ещё совсем молодому дала вождеденный и долгожданный Второй Шанс, (На который он уж и не смел надеяться!) идиот он будет, если не использует его на все сто!..

Или – двести.

Первую деталь он вырезал чисто на глаз, по памяти перенеся сантиметры на ткань.

Разумеется, она не подошла идеально... Ну и замечательно! Как раз если бы вот подошла – туши свет, бросай гранату! Как значится в Законах Мэрфи: если всё получилось с первого раза – значит, неверна сама концепция...

Алексей вертел Гудрун на вращающейся подставке так, чтобы прищипить длинными булавками подправленные детали точно по их месту. Фру Магда что-то отмечала себе карандашиком в блокноте. Художница – фру Хельга, и подсобница – фру Линден – помогли ему собрать намеченный запас на припуск – в вождеденные складки на плече.

Когда Алексей пришёл в восемь, его тут же впустили

внутри – похоже, все секьюрити и вахтёры уже знали его в лицо, (По фотографиям, что ли?!) и фру Магда оказалась на «боевом посту» – словно и не уходила никуда! Они с Алексеем внимательно проверили весь список. И Алексей с глубоким удовлетворением убедился, что всё – на лицо.

В девять подошли остальные затребованные работницы – художница оказалась неправдоподобно тоненькой, буквально – словно подросток, сорокалетней немкой с цепким сердитым взглядом серо-стальных глаз, а подсобница – напротив: массивной, и с тем же тяжёлым, уверенным, что и у фру Магды, взором, надерландкой.

При представлении Алексей чувствовал себя скованно – ещё бы! Впервые у него под началом столько... Женщин! Что такое женские коллективы, он отлично помнил ещё по школе. Да и по учёбе и работе... Доходило до того, что в сумочку «заклятой» подруги наливали серную кислоту! У туфелек подпиливали каблук. А мобильник спускали в унитаз. (Да и вообще: женской изобретательности нет предела!..) Как-то будет здесь?..

Но вот сейчас, в процессе работы, в нём всё больше крепла внутренняя уверенность – *здесь* всё будет отлично! Алексей поймал руки на том, то кончики пальцев дрожат, а язык – на том, что постоянно его кончик торчит наружу: словно у змеи. Или – у Змея... Искусителя.

Хватит! Спокойней!..

Но спокойней не получалось, и он вновь то сердито фыр-

кал и дёргал щекой, когда подрезанный кусок не ложился как надо, то довольно мычал, и долго кивал, удовлетворённо вздыхая, или качал головой, отступая, и снова набрасываясь на непослушную материю, когда не удавалось подогнать всё так, как оно должно сидеть...

Женщины, буквально предугадывая его желания, (А случилось ему и просто протянуть руку, и туда совали желаемое, поскольку рот, как всегда, снова занят десятком булавок!) подавали то мел, то сантиметр, то – ножницы, то недостающий кусок ткани...

Гудрун однако начала вселять беспокойство.

Она всё пристальней смотрела на него. Причём – с совершенно недвусмысленным выражением!

Теперь он как мог, старался поменьше дотрагиваться до тела под облегающим трико, запоздало осознавая, что гораздо, *гораздо* раньше надо было начать беспокоиться об этом! А сейчас, похоже, девушка возбуждена – дальше некуда! (Не хватало ещё, чтобы она вот сейчас, при всех, кинулась его обнимать и целовать, и...! Прямо на полу.)

Конечно, её восхитительные, и отнюдь не плоские, как у большинства манекенщиц, с которыми он работал там, дома, формы, вызывали ответную реакцию и у Алексея...

Но он так увлёкся собственно «моделированием», что из головы напрочь улетучились обычные такт и осторожность – следует признать, что в азарте и сосредоточенности подгонки он, пожалуй, «лапал» свою «модель» не там, и не так,

как полагалось бы Мастеру-модельеру... И совсем забыл про чёртово пресловутое Либи́до.

Вдруг фру Магда вежливо тронула его за локоть. Алексей как раз закончил прилаживать очередную деталь, и они с фру Хельгой спорили, соответствует ли линия спины – проектной, и он довольно резко обернулся:

– Да?!

– Прошу прощения, хэ́рр Алексей! Через пять минут – время обеда.

Чёрт! Вот уж – вылетело! Как это он... Да – у них же график посещения столовой!

А что же делать с Гудрун? Ведь вот она стоит – облепленная, словно статуя, приколотыми к трико наживую фрагментами платья. И в таком виде её никак в столовую... А если отлепить – потом полчаса уйдёт на восстановление того, чего они достигли...

Дав ему вдоволь насладиться сомненьями-переживаниями, фру Магда позволила себе «традиционно» улыбнуться (то есть, улыбка как всегда затронула только кончики губ):

– Хэ́рр Алексей. Если позволите, Гудрун останется здесь. Прямо вот в таком виде. Я сама принесу ей еду – в студию. «Раскалывать» её долго, а в таком виде делать на первом этаже ей абсолютно нечего!

У Алексея покраснели уши. Да, он ещё не вписался в местный менталитет, и специфику Мастерской. А, ничего – какие его годы! Он, вдруг ощутив комизм ситуации, рассме-

ялся:

– Благодарю вас, фру Магда! Да, это, несомненно, лучшее решение. Вы и раньше так делали? Ну, при моделировании?

– Нет, хэрр Алексей, это – первый случай в моей практике. Когда Мастер так увлекался работой, что не успевал «освободить» девушку к обеду...

А вот это – странно. Неужели предыдущий Мастер работал без «отключки» от происходящего? Просто... Работал?.. Как вдумчивый и холодный профессионал?

Но *как* такое возможно?!

Ведь это – не Конструкторское бюро, где проектируют, например, новый вентиль для газопровода. Это – МОДА, с её приливами эмоций: страхом и восторгами, сомнениями и торжеством – когда всё получается так, как задумано!..

Как же – без этого, без пожирающей изнутри страсти, без «огонька», который заставлял бы, наплевав на время и потраченные силы, свирепея, ругаясь, и дрожа от предвкушения, или радости, доводить, подгонять и усовершенствовать?!..

Впрочем, это не его собачье дело!

Глянув на часы, (Точно – минута в минуту!) он повёл своё «воинство» вниз. Гудрун, глядевшей ему вслед явно с немым укором, он мило улыбнулся:

– Фрэкен Гудрун! Приношу вам извинения за доставленные неудобства. Вы можете пока присесть на кресло. – он махнул рукой на своё, удобное и мягкое, невостребован-

но-сиротливо торчащее в углу, – фру Магда любезно согласилась принести вам еду сюда... Да, вот ещё что – пожалуйста, не выходите на лестничную площадку!

Алексей вовремя вспомнил, что и вахтёру на этаже вовсе незачем видеть то... Что они тут «понавытворили», а в туалет девушке сходить не помешает – благо, он непосредственно при Студии.

Так, собственно, и должно быть.

Еда в столовой оказалась очень вкусной. (Алексей было удивился. Потом вспомнил – «Корпорация»!)

Приветливые и разгорячённые паром и жаром электродуховок и газовых печей повара и раздатчицы споро накладывали им того, что приглянулось, прямо из больших и подогреваемых снизу чанов из нержавеющей стали, и Алексей проследил, чтобы вначале обслужили женщин. Затем, нагрузившись едой и сам, прошёл за облюбованный его дамами – очевидно, уже давно – стол в углу большой и светлой комнаты. Сел, разумеется, во главе – на оставленный явно для него, массивный стул.

Занавеси, обрамлявшие условные оконные проёмы со вставленными туда видами природы с подсветкой, были выдержаны в песочных тонах. Стойка, и кухня по другую её сторону сверкали полированным хромом и белым кафелем, а по эту сторону стены комнаты украшали жёлто-розовые обои. А ничего – красиво. Не угнетает. Но и не бодрит. Ско-

рее, для отдыха глаз.

Вернулась фру Магда, уже отнёсшая поднос наверх. Алексей, ожидавший её, и не начинавший пока еду, получил подтверждающий кивок, и вежливое:

– Приятного аппетита! – на что ответил и ей тем же пожеланием.

Суп с лапшой ему не слишком понравился – он привык к более наваристому. Зато в отбивной котлете оказалось добрых двести грамм чистого мяса. И прожарена она оказалась именно так, как ему нравилось!

Есть он постарался закончить вместе со всеми – надо же узнать, как здесь принято благодарить персонал!

И точно: выходя по одной, его женщины мило улыбались шеф-повару, и благодарили. И он – поблагодарил от души. Однако не мог не отметить, что еды в огромных чанах осталось – чуть-чуть. Явно – только для самого персонала столовой. Впрочем, всё верно: раньше, чем они не отработают всех деталей, и не «распишут» сам процесс, шумная толпа швей-мотористок и гладильщиц не наводнит цех на первом этаже...

Гудрун пищей тоже вполне насладились – не оставила ни крошки на тарелках!..

А вот это – удивительно. Почти все прежние манекенщицы Алексея – тощие и бледные рахитично-самовлюблённые создания, с неадекватным, только на свою фигуру заточен-

ным, сознанием, крайне придирчиво относились к выбору «допустимых» продуктов, и уж точно – до крошки всего бы не съели! Похоже, Гудрун уверена в своём... метаболизме. Поправиться не боится.

Ладно – это не его проблема. Облизываясь и потирая руки, он обошёл вокруг вновь забравшейся на вращающийся поддон, женщины.

Точно такой же плотоядный взгляд достался и ему в ответ! Да что же это такое!..

Нет! Хватит! Нужно работать! Он, подойдя, перезаколол кусочек детали левой половинки спинки... Гудрун вздрогнула под его рукой – а ведь он мог бы поспорить, что не уколол её!.. Вздыхнув про себя, и воздев очи горе, он позвал:

– Фру Хельга! Можно вас на минутку? Вот: взгляните на место разъёма. Как вы считаете, можно ли будет сохранить форму воротника, если молнию вставить...

Фру Хельга высказалась категорически против. Алексей перезаколол.

– Не-ет, если мы оставим такой большой запас – нельзя будет убрать никакой сутюжкой! Я считаю, нужно вернуть всё, как было, но – вырезать из передней... – пошла работа.

Вечером он сам вспомнил, что в полпятого нужно будет заканчивать.

Гудрун заранее освободили от сколотого сотнями булавок, с наспех, наживую, вшитыми кусочками, жёсткого зелё-

ного «корсета» первой, прикидочной, модели.

Алексей не мог сдерживать дурацкой улыбки: для первого дня – просто великолепно! (Тьфу-тьфу!)

Они почти закончили базу для второй модели – с уже почти точно воспроизведёнными основными деталями и линиями!

Теперь можно вплотную заниматься «чистым» переносом выкроек на красную, промежуточную, модель, а затем – и собственно изготовить начальный вариант. Платья...

С девочками, как он их про себя уже называл, он попрощался тепло и, не стесняясь, благодарил за отличную работу, и высокопрофессиональную компетентность. Как ни непривычна оказалась обстановка, и как не велики сомнения – он справится! Нет, не так – *они* справятся! Теперь-то он был в этом вполне уверен!..

Проводив всех, они с фру Магдой вдвоём разложили на глубоких полках сейфа все изначальные, отбракованные, и резанные-перерезанные, и надставленные, детали, и сам макет «изделия».

Алексей, подумав, сказал, что, похоже, завтра после обеда понадобится и одна из швей.

– Разумеется, хэrr Алексей. – показалось ему, или теперь в голосе его непробиваемо-деловой ближайшей помощницы звучало куда больше теплоты?

Ключи вахтёру он сдал сам. На улице попрощался и с фру

Магдой, ушедшей, как и вчера, в сторону моста. Ему перебираться через каналы-реки не нужно. Медленно, вдыхая полной грудью, он отправился домой.

Сегодня на улице было ещё очень светло, и людей попало куда больше.

Теперь он с интересом, и куда внимательней, чем после прилёта, приглядывался и к местным жителям, с равнодушно-деловым видом спешащим по своим делам, и к туристам – их можно было легко вычислить по лениво-расхлябанной походке и постоянному верчению головами, и тыканию пальцами буквально во всё, что казалось примечательным... Многие, только выйдя из какой-нибудь лавочки, тут же ныряли в следующую.

На полпути к отелю его окликнули. Обернувшись, он увидел фрекен Гудрун, вышедшую из маленького кафе. Он, широко улыбнувшись, помахал в ответ. Словно восприняв это как «разрешение», девушка решительно подошла, и подхватила его за руку:

– Хэрр Алексейс, верно я понять, что могу я ходить... Вы в гости?

Алексей подрастерялся, так и застыв с полуоткрытым ртом на мгновение.

Что это?! Либо, учитывая плохой ангальский, Гудрун хочет пригласить его к себе, либо... действительно хочет пройти к нему в отель! В его номер. И, похоже, второй вариант куда ближе к истине!

Собрав как-то саму собой расплывшуюся в аморфную кучу волю (Ну ещё бы! После того, как «облапил» все эти восхитительные формы, и не к месту включившееся воображение показало, что может случиться в номере!..) в железный кулак, он снова улыбнулся и кивнул:

– Разумеется, фрекен Гудрун! Вы – можете. Или вы хотите сначала поужинать в каком-нибудь ресторане?

Его «финт ушами» не прошёл:

– Нет, хэrrp Алексейс. Мы идти вы в гости. Сейчас. – его буквально за руку повлекли к его же отелю. Причём, хоть и мягко, но – настойчиво.

Вот блин!!! Ну что за блин!!!

Получается, не успел начать работу – как уже напросился на осложнения!

Ведь есть же поговорка: «не воруй там, где работаешь, и не гуляй там, где живёшь»! Впрочем... Никто, вроде, не запрещает «гулять», где работаешь, и воровать там, где живёшь... (Правда, неясно только – у кого тогда воровать-то!..) Но...

Он же не будет «сопротивляться», и в лучших чувствах оскорблять, похоже, вполне искренние порывы... столь милой девушки?! Не-ет, на такое у него просто духу не хватит! Лучше иметь Гудрун в «своих»: в союзницах!

И – назовём вещи своими именами! – любовницах!

По дороге к отелю – Гудрун, похоже, лучше его знала, где он живёт! – они только переглядывались. Алексей старался

только, чтобы его улыбка не выглядела так затравленно, как он себя ощущал. Вот уж – всё решили за него! Да как быстро! В первый же день... Впрочем, его предупреждали. И – неоднократно.

Единственная сложность, которой он опасался – портье в его отеле.

Однако когда Алексей подвёл к стойке девушку, чтобы взять ключи, тот сделал вид, что Гудрун и в упор не видит. Бочонок с ключом передал, улыбаясь, вроде, даже шире прежнего... Скрипучий лифт оказался свободен – доехали без проблем.

В номере, не успела за ними захлопнуться дверь, Гудрун буквально впиалась ему в губы, крепко обхватив на удивление сильными руками за шею. Она свирепо мычала, прижимаясь к нему всем восхитительно стройным телом! Алексей... Не мог не отреагировать!

Почувствовав это, Гудрун с искрящимся (Правда, непонятно чем!) взглядом, потащила его в спальню. Здесь Алексей сам, и с помощью подозрительно молчащей, и только шумно дышащей девушки, снял, и разбросал по комнате свои и чужие детали одежды. После чего его загнали в душ.

Растирание чудесного тела жёсткой, буквально оставляющей красные полосы на белой коже, мочалкой, с душистым мылом, и хитрыми взглядами исподлобья, чертовски сильно возбудили его... А когда его самого «промочалили» – он почти стонал.

Уловив нужный момент, Гудрун стала вытирать его. А после – и он её...

Постель сегодня уж точно выдержала все возможные «пиковые» нагрузки – Алексей, разумеется, помнил кое-что из камасутры, но Гудрун недвусмысленно показала, что, и как именно, предпочитает.

Однако часам к восьми они слегка утомнились, и Алексей заказал в номер ужин на двоих.

Сервис отеля сказался на уровне: не прошло и пяти минут, как уже знакомая горничная вкатывала в зал сервировочный столик. Никакой видимой ревности, или хотя бы невольного сердитого взгляда, даже при виде на полу случайно вылетевшего часа три назад через приоткрытую дверь бра, она не выказала. Но одарила Алексея, принимая очередной гульден, такой улыбкой, что у него невольно опять побежали мурашки... В таких местах, где им, вроде, бегать не положено!

Да что же это такое, в конце-концов! Здесь что – тщательно, и с любовью к этому делу, культивируют свободный секс?! Без дурацких условностей и ограничений?! И что: теперь – все – «на новенького»? На это, что ли, конкретно намекал Аарон?

И к этому же, похоже, его исподволь готовили и там, у Анвара Эргашевича...

А не слишком ли рано он начал? Может...

Внезапно пришедшая в голову мысль пронзила до самых

пяток: куда делся предыдущий Мастер?! Что с ним случилось? Уж не... Заездили ли беднягу до полусмерти?! Или даже – не «полу-»?

Но как... Выяснить это? Ведь и на работе... и здесь – на-верняка прослушка! И ему не избежать неприятностей, если начнёт задавать «странные» вопросы. А-а! Он же может спрашивать, скажем, завтра – по дороге на работу. Ведь по виду Гудрун однозначно ясно – никуда «домой» она сегодня не пойдёт!

Где-то на одной из башен пробило двенадцать – Алексей слышал тихие, но отчётливые удары колоколов. Через открытое окно, сквозь лёгкую тюлеву ю занавеску, проникал такой же влажный, как и в комнате, воздух. Он не нёс долгожданных прохлады и умиротворения, а лишь создавал лёгкий сквознячок.

Лёжа на спине, он ощущал податливую шелковистую мягкость волос под правой ладонью – головка утомлённой девушки покоилась на его плече, и он накрывал волосы рукой, и ротик Гудрун трогательно приоткрылся, дыша тёплой влагой ему в ключицу.

Но не поэтому он не мог заснуть.

Сытный ужин великолепно освежил их, и вернул хотя бы часть бурно потраченных сил... Нет, после ужина они, конечно, тоже... Но делали это уже со вкусом, обстоятельно, если *это* можно так назвать. Затем Гудрун вымылась. Он –

тоже.

Алексей рассматривал её тело на фоне светлого проёма ванной – чёрт возьми, если здесь такие *стандартные* манекенщицы, получается – что и обычные женщины-клиентки должны быть с почти такими же пропорциями... Иначе – нет смысла в его подгонке фасона под *эту* фигуру.

Собственно, за примером далеко ходить не надо – вон, да-вешняя горничная! Да и местные женщины, попадавшие на улице – чёрт побери! Он только теперь осознал, что безобразно толстых, или, напротив, тощих – ему практически не встречалось! Как и коротышек. Или «стропил». Впрочем, он здесь всего два дня. Рановато для столь глобальных обобщений. Поживём – увидим.

Пока же ему не давала покоя главная мысль – как всё произошедшее скажется на его взаимоотношениях. С Гудрун в частности. И – на работе вообще. Или тоже – «поживём-увидим»? Он вздохнул. Гудрун, не открывая глаз, сладко причмокнула, и, пробормотав что-то явно по-норвейски, потянула одеяло на себя. Восхитительная «натура» развернулась с ворчанием к стене. Он не возражал. Летняя ночь вполне тёплая.

Но сон всё не шёл... В чём же дело? Что его – он чуял! – подспудно, где-то очень глубоко, но совершенно явственно – беспокоит? Может, дело в этой самой Гелландии, будь она неладна, и её «свободных» нравах? Или...

Или его основные (Про начальные, лёгонькие, оказывает-

ся, как пух – уже и речи нет!) подозрения начались ещё тогда, после прохождения «сканнера»? Вот чует его душенька – что-то здесь нечисто! Сканнер ли это был? И... куда всё же пропало два... Или даже три дня? Ногти отросли, бороду кто-то брил... А дата в аэропорту – та же самая!

Ну не бывает так!

Ладно, завтра ему – работать. Голову желательно иметь трезвую. И свежую.

Отвернувшись от восхитительных форм, соблазнительно круглящихся под тонким одеялом ещё лучше, чем если бы они были совсем без прикрытия, он заставил себя думать о... Том, что всегда помогало расслабиться.

Колодец. Он носил оттуда воду в огромном, не по возрасту и росту, ведре. А вот – рябина позади дома. Сарай с вечно текущей крышей... После того, как провели газ, оставшиеся напоминанием об утомительных маханиях топором дрова так и чернеют растрескавшимися торцами иссохших волокнистых поленьев под навесом пристройки.

Огород. Уж он его понапропалывался в своё время... Пока почва не истощилась, и огород не забросили – раз нет скотины, то и навоз взять, стало быть, неоткуда. Так что посреди огорода теперь растёт три дерева – яблони. (!) Поздновато, но – лучше, чем никогда.

Сад. Название одно: вишни и черешня давно выродились, и плоды дают мелкие и кислые. Зато он ласкает взор: зарос травой по колено. А никому трава не нужна, скотину в де-

ревне уже не держат. Разве что кур... Зато у соседа через дом есть пасека.

Вот и разноцветные «кубики» уликов. Крышка одного открыта – что там?

Ага, похоже, дед Митрич собрался качать мёд – вон сбоку высится и оцинкованная громада центрифуги... И дымарь попыхивает. А где же сам-то вредный дед?

Алексей как-то вдруг сам оказался внутри улика, обнаружив, что пчёлы вокруг такого же размера, как и он! Но это почему-то не пугало. Он и ощущал себя, как пчела – те, вроде, узнают своих по запаху, так вот он и пах, вроде, соответственно!..

Но куда это его влечёт-несёт непонятная сила? Куда он движется?..

Похоже, вглубь и в центр: к матке.

Ага – вот её и видать. Окружённая плотным комом суесящихся работниц и... трутней. А почему... Лица у всех трутней, здоровенных и раскормленных, лениво, и как бы пренебрежительно поглядывающих на всё окружающее, пчёл – *людские*?! И откуда он знает, что и у него такое же лицо... Он что – один из *этих же*?! И почему его хватают и тащат к... А-а-а!.. Ведь это – о Боже!!! Нет! Не-е-е-ет!!!

«Элитная самка». «Элитная самка». – с этой мыслью он проснулся. И ощутил, что его немилосердно трясут, с надрывом и слезами в голосе окликаая по имени:

– Алексейс! Алексейс! О, плиз, плиз! Вейк ап!..

Он замычал, отчаянно качая головой. Затем смог выговорить:

– Йес, йес! Ай, м о, кей! – после чего только сообразил, что отвечает на ангальском.

Ф-фу... Сон. Вот дьявол: лицо Гудрун над ним жутко встревоженное и расстроенное – она даже плачет. Боже! Какие же у неё глазищи: даже без макияжа – на поллица!..

– Я в порядке, – повторил он, глядя её по растрёпанным волосам, и стараясь успокоить дыхание, – Ты сама – как?

– Я – порядок. Ты, ты... Долго не просыпаться. Делать: «М!... М!...» Потом так сильно кричать!.. – она покачала головой, показывая открытым ртом, и головой, как он метался по подушке.

– А-а, ничего страшного. Просто кошмар. Ну, плохой сон. Приснился. Теперь всё хорошо. – он мягко высвободился из цепких рук, и сел, поставив ноги на пол. Ощущал во всём теле мелкую, отвратительную дрожь. Гудрун однако продолжала гладить его по спине, стоя сзади него на коленях. Затем прижалась к его голой спине мягкими щекой и грудью, обхватив руками. Гос-споди!.. Какая она восхитительно тёплая и приятная!..

Она уже не рыдала. Но слёзы, когда Алексей глянул на неё, всё ещё как-то сами текли... Он чуть развернулся, и принял сразу ставшее податливым тело к себе на колени – так, чтобы ещё и ещё смотреть в милое лицо, на мгновение

отстраняясь после поцелуев.

А и восхитительная же у неё спина – на ляжках тоже мягко!..

Вот, оказывается, чем удобна манекенщица... «в теле». Есть за что подержаться, и по чему – погладить. Поласкать.

Гудрун усмехнулась, призывно выгибаясь, словно потягивающаяся кошечка, и уже посмеиваясь:

– Я знать один хороший способ... Лечить плохой сон!

Но – до работы Алексей не рискнул больше одного раза воспользоваться способом, действительно оказавшимся шикарным. Вот уж точно: так можно было бы много чего вылечить. Нервного. Но!

Всё-таки – даже эскизная модель ещё недоделана! А надо бы ещё успеть перейти к промежуточной: до того, как к обеду явится заказанная им швея...

Завтрак, конечно, пришлось заказать в номер. И, понятно, на двоих.

Надо бы пополнить запас гulyденов – похоже, придётся часто так заказывать...

По дороге на работу он всё же решился спросить:

– Гудрун! А где предыдущий Мастер?

– О, он уехать. Его перевести... Это... Большой должность! Он теперь – в Парис!

Ух ты!.. Вот, значит, какая перспектива тут у тех, кто справляется с... И проявляет себя так, как требовалось в

объявлении – креативным и амбициозным! Хм-м... А почему бы и нет?! Что ему терять, кроме своих цепей? Может, к сорока-то годам – воображение, наконец, проснётся, и заработает? Однако он решил уточнить:

– А давно? Мастер уехал?

– Да, давно. Месяц... Э-э... Нет – один, и половина месяц!

– А как его звали?

– Николас. Девочки говорить, звать его Сант Николас! Ха-ха!.. – Гудрун беспечно рассмеялась.

Ну да – Святой Николай – «западный» Дед Мороз! Вот только у Алексея на душе заскребли кошки сомнений и опасений: его коллега, второй мужчина на их курсе – как раз и звался Николаем! Но – что за чушь лезет ему в голову! Хоть он и потерял из виду Николая ещё... Да, года четыре назад, никаких шансов на то, что он – тот самый – нет!

Он постарался взять себя в руки – они дошли. Секьюрити как всегда не требовал никаких подтверждающих документов – впрочем, их у Алексея не требовали в Корпорации нигде! Чёрт – традиция, что ли, у них такая – ориентироваться не на бумажки, а на «морду лица»?!..

Без пяти девять пришла и фру Магда. Они залезли в шкаф-сейф, и вынули всё для работы. Показалось Алексею, или чертежи всё же лежали не совсем так, как он вчера укладывал их?..

Чёрт с ним – промышленный шпионаж уже на *его* предприятии – проблема вахтёра и охранника. Не с него за недо-

гляд снимут голову... Гудрун, довольно улыбаясь, и уже облачённая в расчерченное заново туго облегающее трико, забралась на свой поддон.

К полудню Алексей и фру Хельга были полностью удовлетворены результатом своих усилий. Топорщащийся «кокон» с манекенщицы сняли, и она сразу принялась ожесточённо чесаться – Алексей только и мог, что укоризненно взглянуть...

Аккуратный разъём на детали занял считанные минуты. После чего они обступили со всех сторон огромный рабочий стол. Перенос на красную ткань проходил при непосредственном участии всех членов макетной группы: помогали и закройщица, и фру Хельга, и фру Магда, и даже подсобница. Алексей приветствовал помощь: в «девочках» чувствовался и профессионализм и большой опыт... Гудрун пока нежилась, развалилась в кресле Мастера, с его милостивого позволения.

В столовой сегодня на первое, похоже, действительно в честь Алексея, оказался борщ. Алексей не мог сдержать невольной улыбки: не умеют гелландцы готовить настоящий борщ! Но уж он им этого ни при каких условиях не скажет – это было бы свинством! Чёрной неблагодарностью – люди старались, а он...

Он с удовольствием подобрал хлебом даже капли со дна. Ничего, вполне съедобно.

На второе оказалась рыба – со странным названием «Подганзиз», А, пангасиус – догадался Алексей, уже съев почти половину «морского языка». Вкусно. Очень. Главное – нет костей! Алексей до сих пор с содроганием вспоминал: как его в пятилетнем возрасте везли на «газике» в раймедпункт, и вредный ветеринар, оказавшийся на дежурстве вместо болевшего врача, длиннющим холодным пинцетом жутко болезненно вынимал из его нёба застрявшую изогнутую кость от карася...

После обеда фру Магда тихонько отозвала его в кабинет. Странно. В чём дело? Мораль?

Нет – оказалось, что сегодня пятница, (Вот он – раззява! Как мог про *это* забыть?!) и надо раздавать зарплату. Поэтому фру Магда сообщила, что сейчас подъедет инкассаторская машина, и ей нужно ждать внизу – у стойки секьюрити. Алексей, разумеется, покивал с умным видом, разумеется, разрешив – какое счастье, что эта обязанность тоже не на нём!

Вернулась фру Магда, впрочем, быстро: буквально через полчаса. Конверты сложили в сейф.

К этому времени швея-мотористка как раз обрабатывала молнию на спине. Так что к четырём все с довольными лицами, а Алексей – и с потираемыми руками, обозревали Гудрун, медленно поворачивавшуюся на привычном месте перед ними.

Вторая Промежуточная Модель сидела как надо: нигде не

топорщилось, не отвисало, и не обтягивало сильней положенного... На требования то поднять руки, то опустить их, то наклониться вперёд-назад-вбок, материя собиралась, конечно, в складки, но по заверениям главной испытуемой – «Нигде не жать!». Неплохо. Конечно, всё равно придётся делать доработку, когда они перенесут всё это на мягкую основную ткань, но то, что уже и так сидит как надо – хорошо.

Убрав ухмылку во весь рот с лица, (Ну, чтобы не терять авторитет!) Алексей потребовал, чтобы его манекенщица одела туфли на шпильках, и снова забралась наверх. Хмм... Он опять не мог не удивиться – до чего обычный подъём ступни на восемь-десять сантиметров от поверхности пола преобразуют линию спины... И того, что ниже её.

Алексей покивал и похмыкал: сидит-то – да, как надо... А – походить по студии?

Это тоже прошло хорошо. Если не считать того, что выделявая особо «изящный» пирует, Гудрун споткнулась, и буквально рухнула в объятия Алексея. Сделав невинное лицо, она прокомментировала:

– Извинить мой. Ноги спотыкнуть. – Алексей только кивнул. Хотя и чуял, как горят уши. Нахалка. Все и так уже знают, что они пришли утром вместе...

Фру Магда заранее сообщила ему о «коротком рабочем дне». Поэтому он с чувством хорошо выполненного долга помог ей спрятать зелёное и красное хозяйство в сейф. А вот конверты Помощница достала сама.

Раздача происходила буднично: подойдя к каждому члену их маленького коллектива, фру Магда просто вручала конверты, аккуратно кем-то надписанные, очевидно, в бухгалтерии Корпорации. Работницы благодарили. Поблагодарил и Алексей, которому досталось в последнюю очередь.

Пряча полученное в карман пиджака, он подумал, что выглядит-то его конверт... Попухлее, чем у остальных. Впрочем, как раз удивительно было бы, если б оказалось наоборот – вон, у епонцев, насколько он знает, зарплаты младшего и руководящего персонала разнятся в пять раз. У немцев – в десять. А у бамерикосов – даже в пятнадцать.

В половине пятого на рабочем месте оставался только он и неизменная заместительница.

– Фру Магда. На понедельник мне понадобится материал оригинала. То есть – шифон, плотный, светло-серого цвета, и кроме того... – Алексей на всякий случай решил изготавливать пилотный образец платья в трёх видах: во всём оригиналу соответствующими, но – другого цвета. И – из другой материи. Так, на всякий случай: вдруг то, что интуитивно кажется ему, смотреться будет лучше!

Вот такая вот производственная наглость...

Фру Магда, как всегда отметив всё в блокнотике, взглянула на него с пониманием:

– Всё будет подготовлено к понедельнику! Портних вызывать обеих?

– Да, фру Магда. И вторую закройщицу. А на вторник хорошо бы несколько молодых... – он осёкся. Фру Магда закончила за него:

– Ещё несколько манекенщиц для проверки и подгонки?

– Д-да... Вы правы. Трёх – считая с Гудрун, разумеется! – мне кажется, будет достаточно. – он испытывал неловкость и перед своей помощницей, и перед Гудрун: получалось, он сразу как бы... предаёт её! Хочет – других женщин! И пусть пока – не в постель, но... Учитывая местные «традиции», до этого, кажется...

Словно бы и не замечая его состояния, фру Магда почти весело ответила:

– Во вторник – ещё две молодые манекенщицы будут!

К его удивлению Гудрун его внизу не ждала. И по дороге домой тоже – из кафе не появлялась, и не окликала, хотя он и ждал этого.

К такому он оказался не готов.

Может, обидел чем-то ненароком? Тем, что – не пригласил?

В чём дело? А может, тут так положено: насладились друг другом – и всё?! Милые, лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения?! Блин. Ничего не понятно. А главное – что ему делать теперь?.. Ну и угораздило его вляпаться с этой Гелландией!

Дома он первым делом полез в конверт.

Ого!..

Это что – *за неделю*? Или – с момента подписания Кон-тракта прошло побольше времени – вот и?.. Но так или ина-че, количество купюр приятно удивило: девять свеже-шер-шавых зелёных бумажек издавали приятный хруст, ко-гда он засовывал их в кармашек любимой сумки – а куда ещё?..

Интересно: это его зарплата – с учётом выданных Ааро-ном «на раздачу чаевых»? И ещё интересно – какой здесь курс? В-смысле, молларов к гульдену?

Ужин в номере он ел один, печально глядя в окно. Особо смотреть, впрочем, было не на что: скучно-бюргерский дом (оказалось, что это не отель, а именно – жилой дом) напро-тив никуда не ушёл. Да и люди на улочке, куда выходили ок-на номера, появлялись редко, куда реже, чем на «проторён-ных» туристических магистралях. Шли они тоже, словно ав-томаты – монотонно-деловито, и как-то безрадостно... Или это его настроение окрашивало всё вокруг в тона лёгкой гру-сти?.. Гудрун?

Нет, что-то с этой Гудрун точно – нечисто. Почему сего-дня она никак не... Выказывала ему своё расположение? Не смотрела так, как вчера. Хотя... На руки же падала? Или... он должен был теперь *сам* пригласить её? Ох уж этот мен-талитет чужой страны... Нравы. Традиции. Надо бы порас-спросить Аарона – тот кажется ушлым и подкованным!

Впервые с момента вселения Алексей включил телевизор в гостиной. Сел в одно из кресел, положил перед собой пульт и закинул ногу на ногу. Вот он и «отдыхает».

Программ-каналов оказалось всего десять. По двум шёл футбол: один – местный, голландский, другой – общеевропейский. Ангальская премьер-лига. Ну правильно: Нидерланды – самая «футбольная» страна мира!

Ещё по двум каналам – клипы. Современная музыка Алексея не привлекла, он «пролистал» дальше. По пятому каналу шли Дيزнеевские мультяшки. Да чтоб вас...

Он тыкал дальше, силясь понять логику: нашёл три канала с фильмами. Один – на местном. Два – на ангальском. И ещё один канал – даже с чёрно-белыми, сороковых годов.

А последним оказался... непонятно-документальный канал, показывающий зверушек на фоне шикарной природы, и... Просто природу! После одиннадцатого нажатия вновь вернулся местный футбол.

Это что – шутка? Или издевательство? Где – новости?! Зи-эн-эн, Рейтар, Эн-ви-си? Яврoньюз? Как он узнает... хотя бы прогноз погоды? Не говоря уже – о России...

Кстати, воспоминания о погоде дома (Дожди-крыша-течёт-перестлать-кровлю-нанять-мастеров-деньги-на-них!) плавно подвели его к насущным заботам: нужно же дать матери знать, что он добрался, и всё хорошо. Да и денег ещё переслать.

Ладно, это уже – в понедельник. А пока придётся... Бал-

бес он, что не взял какой-нибудь детективчик... Ну – кто ж знал! Что у него вот так, элементарно, нечем будет заняться в «вечер накануне уикенда». А, может, Гудрун можно позвонить?

А хочет ли он этого? Да и спустаться в тёмный холл к стойке...

Отказ от сотового он перенёс, как ни странно, очень даже легко. Да даже подписывая Договор знал, что так и будет – звонить-то... Почти некому! И он – не женщина, чтобы кому-то названивать, и часами перемывать, перемалывать... Косточки общих подруг. Последнюю передачу Патлахова. Или – сводническо-паскудные страсти глупых или просто расчётливых продажных баб, и двух тугарок, пытающихся всучить их богатеньким лохам, что нагло именовалось «Давайте выйдем замуж», и показывало остальным женщинам страны, что ленивой душой быть теперь – не зазорно. Лишь бы красивой!..

А сто лет бы они нужны, эти продающиеся! В «содержатели» «неописуемых красавиц» он не рвался никогда...

Ладно, без сотки он как бы свободней. А матери он – напишет, как и договаривались.

Мысли снова вернулись к «его» манекенщице. Воспоминания о проведённом времени почему-то не так ярко грели душу, как он себе навоображал вначале.

Гудрун просто использовала его, как он по крошечным нюансам понимал теперь, как, вероятно, уже использовала

многих «свежих» мужчин до него.

Или это было не отчуждённо-экспериментальное сравнение с её стороны, а – разведка?

А он... Хотя он и проявил себя... Хм – неплохо...

А вот всё равно – чувствовалась какая-то натяжка во всём этом: даже то, что она не ждала его вечером, наводило на печальные, но, похоже, близкие к истине, предположения о том, что секс здесь рассматривают как один из вариантов того же досуга. Ну, как тот же футбол. Или – прогулку на катере по каналам: он видал объявления возле пристаней.

Ладно, он приказал рассудку: хватит беспочвенных догадок и заикливания на «межличностных» отношениях! Всё как-нибудь утрясётся... Само-собой.

Или – после консультации с Аароном.

А сейчас, пожалуй, лучше вымыться, да лечь спать. Может, утро и правда – вечера мудренее. Хотя по городу можно будет походить, или на речном трамвайчике поплавать: посмотреть. Чем он хуже туристов – те сами платят деньги, а ему «тур по достопримечательностям Омстердама и окрестностей» уже оплачен! Все побывавшие друзья-знакомые твердили: «Ах, Надерландская Венеция! Ах, мостик Ван-Гога!». А он...

Вот завтра пойдёт, и посмотрит! Может, местный колорит наведёт на полезные мысли.

Спал Алексей неплохо. Хотя и часто просыпался – один

раз даже пришлось встать по физиологическим нуждам: зря заказал полный чайник чая... Окончательно проснулся в десятом часу. «Умные» мысли о том, что хорошо бы пройтись по городу почему-то развеялись. Ну, как, скажем, предрасветный туман... Странно.

Да нет, не странно – банально лень.

Уж самому-то себе он мог смело признаться: да, лень! Две недели назад он, чуть ли не высунув на плечо язык, бегал в поисках работы по городу-который-не-прощает-безделья, а сейчас – словно попал в сказку! Лежи себе хоть весь день, да позевывай!

Уикенд! Причём – честно *заработанный!*

Но, полежав, и поворочавшись минут пятнадцать, он надумал всё же встать. Организм свой он знал: когда долго лежал без сна, всегда начинала побаливать голова. И ещё весь день продолжалась дурацкая слабость – словно переработал. А это обидно: устать от лежания так, как от тяжкого труда... Нет, он встанет. Да и скучно, наверное, смотреть, как он вылёживается тут – тем, кто контролирует видеокамеры.

Зато вот вчера им точно скучно не было.

Как ни странно, Алексей воспринимал наблюдение не как вторжение в «частную жизнь», а именно как беспокойство за него: чтобы не «наехали» искатели чужих коммерческих тайн. Он нутром чуял: шантажировать его «распущенным образом жизни» работодатели не собираются. А следить за столь недёшево обходящимся ценным специалистом прихо-

дится действительно для его же безопасности.

Впрочем, ни слезки за собой на улице, ни каких-либо подозрительных «шевелений» вокруг своей персоны он не обнаруживал. Или... Он слишком расслабился? Переключил всё внимание на работу?

А-а, неважно – за ним присмотрят! А приятно отдаться под крылышко – хоть и мафии, но – «От кутюр»! Сразу чувствуешь себя...

Как бы *над* обычными людьми! Востребованным Специалистом! Впрочем, мысли, приятно щекочущие самолюбие, не застлали от Алексея главного.

Да, он продался. С потрохами. Он – галерный раб. Нет, не просто раб – а «десятник». Ма-а-аленький бугорок над ровным местом. Но – он хоть знает, за что работает!..

Три года, да в *таких* условиях – можно выдержать. Легко! А уж как распорядиться денежками, он уже придумал: да, там, *дома*, он откроет своё, частное, Ателье!

Он уже и райончик в столице подобрал! Проблема, как всегда, в «подъёмных»: нужны швеймашины, оверлоки, распошивалка, штат (или хотя бы парочка) профессиональных портних и закройщица. Хотя бы одна. И всем им надо платить зарплату. И – за аренду помещения. И пропиарить ателье через СМИ: без рекламы никуда!..

Он прикидывал, что на всё это нужно работать вот так, как сейчас – года два. Нудно и скрупулёзно откладывая хотя бы три четверти. С другой стороны... Если он «приживётся»

здесь – на кой ему это чёртово «Ателье Алексиса»?!

Небось, мужик, переведённый в Парис, на недостаток бабла и нереализованные амбиции не жалуется!..

Умывшись, одевшись, и не забыв сунуть в карман сотню зеленыю, и прилично утончившуюся пачку гульденов, он запер номер, и спустился – спускаться он почему-то сразу предпочёл пешком. Кстати: вот, сегодня он в коридоре второго этажа увидел ещё жильца. Тот отпирал свой номер, и на Алексея оглянулся. Ух ты: как говорят про них теперь – афробамериканец! (Или – афроявропеец?...) Да и бог с ним – главное, хоть кто-то здесь, в «Ексельсиоре», есть, кроме него, и неизменного ночного портье. А то уж прямо тоска: словно он один-одинёшенек ночует в большом и продуваемом морскими ветрами, скрипучем старом доме...

Нет, слава Богу – не один.

Решив позавтракать в том самом кафе, где отличная сдоба, Алексей туда и прошёл.

О-о! Сегодня здесь куда нарядней! Приветливое солнышко яркими бликами освещало небольшой зал, отражаясь в огромном зеркале за спиной бармена. Бармен оказался тем же самым. А вот официантка – другая. Молодая и весьма... привлекательная.

Бармен кивал ему, как старому другу, и сразу поманил официантку пальцем, (Ну и фамильярность!) и что-то шепнул ей. Та буквально подплыла, словно роскошная яхта:

– Доброе утро! Хэrr желает позавтракать? – конечно, ан-

гальский не столь безупречный, как у фру Магды... Но и не столь ужасный, как у Гудрун.

«Хэрр» действительно выразил такое желание, и они последовали к стойке, где хозяин-бармен уже вытаскивал три объёмных пакета.

У Алексея загорелись глаза:

– Пожалуйста, эту... И вот эту. Ну, и вот эту – тоже дайте! И... две чашки. А чай есть?

Его сразу заверили, что уж чай-то есть любой. Заказав две чашки «Ерлгрэя», Алексей позволил девушке усадить себя за тот же столик, что и в первый раз – про него бармен, очевидно, и сказал работнице, перейдя на гелландский.

Чая ждать долго не пришлось: похоже, на кухне, куда сразу, устроив его, и осведомившись с вполне милой, а не дежурной улыбкой, удобно ли ему, устремила девушка, на плите всегда стоял кипящий чайник...

Р-р-р!.. Алексей с детства был равнодушен к сдобе – пусть она и «вредна», и «полнит», и тяжелит-дурманит мозг, и всё такое прочее... Сегодня-то он может расслабиться?! Особо ни над чем думать не надо. Вроде.

Однако «в процессе жевания» мысли невольно вновь вернулись к работе.

Если две новых манекенщицы окажутся выше, или ниже, или чуть будут различаться по размерениям от Гудрунских, придётся вновь подгонять ширину и длину переда и спинки,

да и на швы припуски делать побольше...

Хватит! Он приказал себе отключиться. А на увеличенные размерения его невольно навела мысль о том, что если он не призовет себя к порядку, то «поправиться» грозит уже ему!.. Впрочем, подумав, и посмотрев для храбрости в окно, он взял с блюда и третью булку. Э-э, толстеть – так толстеть! Толстых кутюрье, в отличии от манекенщиц, с работы за это не увольняют! (Тьфу-тьфу!..)

Сдержанно поулыбавшись, поблагодарив, и расплатившись, (Странно! Опять получилось чуть меньше гульдена! За счёт того, что ли, что пил чай?) он с чувством полного удовлетворения вышел на улицу.

Ну, куда направить стопы? А пойдёт-ка он в центр – там должны быть, вроде, собор и ратуша. Может, и музей какой отыщется по дороге...

Он неторопливо двигался мимо вездесущих лавочек с сувенирами-одеждой-бижутерией, но не заходил пока ни в одну, и больше смотрел на фасады собственно зданий и витрины.

А что – ничего. В-смысле, ничего путного. Фасады слишком уж... Узкие. словно казённые. Ну, или как воины в шеренге. Которых туда насильно втискивали.

Мало лепнины и позолоты. После Питера вообще не смотрится! С другой стороны – там всё делалось по приказу царя, посмотревшего, как здесь, и желающего на голову преувзойти, и создать помпезность, достойную Лучшей Столицы

Явропы!... А здесь уж точно не имелось единого плана, и богатые купцы-бюргеры старались в меру способностей и... средств!

Явно лепнина и позолота не входили в число приоритетов у тех, кто привык во всём стремиться к прагматизму и экономии. Сэкономленные деньги – заработанные деньги!.. Так что почти единственное, чем отличались консервативно-стандартные фасады – так это цветом: преобладали красный, жёлтый, бледно-зелёный и светло-коричневый.

До центральной площади Алексей дошёл за час с небольшим. Дошёл бы и быстрее – но он иногда приостанавливался, и даже углублялся в пересекающие его маршрут улочки – чтоб взглянуть на «архитектурно» оригинальное, интересное...

А что – однообразно, когда в больших количествах, но мило, когда по чуть-чуть. Дозировано, так сказать. Хе-хе...

Здесь даже росли деревья, и выюн покрывал некоторые фасады и решётки мостов – тех, что оказались из железа. Жаль только, что так много мостов, каналов, и так мало высоких деревьев. Наверное, близко грунтовые воды. Солончатые.

Да и сыро: не то влага, не то – пары буквально проникают прямо сквозь рубаху... (Но тут уж деревья ни при чём.)

Разумеется, автоматически он начал обход главных торговых улочек в Центре: если и имеются где-то в Омстердаме фирменные бутики Домов высокой моды – так, конечно,

здесь.

Однако он потратил довольно много времени, но ничего даже похожего на стеклянно-пластиковые фасады с вывесками над ними «Дойче-и-Габбаба», «Дуор», «Верзаче», «Шинель», и прочих девяти «задавателей» стиля и тона, не обнаружил. Хотя магазинов с платьями, костюмами, кофточками, и всем тем, что он встречал на попадающихся на улицах местных модниках и модницах встречалось достаточно – почти на каждой улочке.

Недоумённо почесав затылок, он, наконец, в один такой и зашёл.

Великий Боже! И это – «модная современная одежда», как написано на вывеске?!

Странно. Да, одежда и удобна, и модна. Была. Лет пять-семь назад. Но... Неужели они... Да нет – не может такого быть! Кто-то же наверняка ездит в другие города в командировки хотя бы. Видит и привозит новинки. И если кто-то ходит в таких, остальные-то должны завидовать, и пытаться достать и себе такие же, свежие...

Но почему здесь, в Гелландии, хозяева «магазинов современной модной одежды» игнорируют новые разработки тех же Париских кутюрье? И экспансия модных фасонов столь сильно отстаёт от мировой?! А что там с ценами?

Хм-хм... Если это – в гульденах, то... М-да, дороговато. Особенно с учётом цены, например, чашки того же кофе. Впрочем, местная дороговизна на устаревшие фасоны лично

к нему никакого отношения не имеет. Его дело – как раз пополнить коллекцию продаваемого здесь (или – где-то ещё) – новинками. Относительными – если вспомнить, что фасону, который сейчас «в работе» два года.

Отчаявшись найти хоть один бутик действительно «от фирмы», Алексей стал просто смотреть по сторонам.

Походив ещё с час, домами, несмотря на их разноцветие, остался недоволен. Дома, честно говоря, могли бы быть... попросторней, что ли. Складывалось впечатление, что их строили словно для хоббитов каких: узкие, явно низкопотолочные, (Он прикинул: этаж – чуть больше двух метров! Хрущевки-то изобрёл, оказывается, вовсе не Хрущев!) непропорциональные в высоту и ширину, словно поставленные на ребро ящики для фруктов, по фасадам они казались какими-то недомерками... Или это он придирается после того же Питера?.. Да, у Петра-то Алексеевича явно на первом месте стояли соображения Престижа, а не коммерческой выгоды и «экономической целесообразности...»

Многие самые старые, с почерневшими перилами-бордюрами, мосты, по которым он перебирался с островка на островок, строились, похоже, на века: даже покрытые асфальтом, они казались вышедшими из семнадцатого века – каменные. Монументальные, почти чёрные. Тряски не ощущалось, даже когда по одному из них проехал трамвай – а ведь тот весит тонн двадцать!..

Трамвай, кстати, Алексей проводил повеселевшим взгля-

дом: местный юмор пришёлся ему по душе. Профессионалы-шаржисты нарисовали на бортах ряды кресел: словно бы проекции тех, что в салоне. И на них – силуэты людей. Так что головы сидящих внутри пассажиров словно бы продолжали эти нарисованные силуэты – ну прямо кукольный театр!

Другой трамвай, едущий навстречу первому, явно разрисовывали по эскизам детей: поля, река, коровки, домики и небо с облачками и птичками приятно грели душу очаровательным наивом – без какой-либо стилизации: вот именно так и рисуют дети, а не взрослые, подделывающиеся под них! Алексей долго стоял, глядя вслед удаляющемуся чуду: а что, идея – хоть куда! Дети – всегда видят мир по-своему! По-новому!

А ещё Алексей обратил внимание, что теперь, в историческом центре города, машин совсем не попадает. Ну да – ему же сказали: на их движение тут запрет! И правильно: во-первых, чтоб не мешали туристам, во-вторых – не отравляли воздух, и в третьих – по большинству местных, кривоватых и узковатых, улочек, им попросту не проехать. Наверное поэтому все, кто хочет здесь, без столь привычного для большинства столиц, метро, куда-то быстро попасть, ездят на велосипедах!

Едущих неторопливо и вполне раскрепощено и респектабельно, мужчин и женщин, попадалось очень много – буквально каждый третий храбро крутил педали, а возле парад-

ного входа домов и лавок железные кони стояли настоящими рядами: похоже, «угона» здесь никто не боялся – привычных цепей и замков Алексей не видал.

Хотя Алексей сейчас больше внимания уделял «застывшей музыке» – архитектуре, подсознание автоматически отслеживало привычное: одежду людей. Мозг подсознательно всё продолжал как бы суммировать наблюдения, касающиеся фасонов и тканей.

Ну, что сказать. Ткани, конечно, добротные. На большинстве дам и мужчин среднего возраста одежда если и не отличалась актуальной модностью, зато добротностью и консервативностью – уж точно. Молодёжь, конечно, одета посвежей. Но тоже – большинство моделей и фасонов, которые он узнавал, относились, как он уже вычислил, к стилю и тенденциям пяти-восьмилетней давности.

Ну, здесь все и ретрограды! Хотя, если честно сказать – им вполне идёт. Этакая воплощённая добропорядочность и надёжность...

Площадь Дамм, куда он наконец попал, шириной (Да и длиной!) не баловала: куда ей до Красной! Но новая церковь-собор, восстановленная, как значилось в табличке на её стене, заново после пожара в семнадцатом веке, отлично вписывалась в общий ансамбль – рядом стоял скромный (Ну, по меркам того же Питера!) дворец Парламента, и, разумеется, самое крупное здание: Биржа.

Ну а как не быть крупному тому, что и создало местное благосостояние – Дому Торговли. После Ангалии вторым, насколько он помнит, шёл флот именно Гелландии!

Внутри церкви, хоть туристы и сновали с деловым видом туда-сюда, Алексей не пошёл. Зато посетил небольшое здание с неброской надписью «Первый национальный Банк». Здесь его более чем приятно поразил курс валют: один к двенадцати!

Так что разменяв свою сотню на тысячу с лишним гульденов, он чувствовал себя несколько неловко: пачками красивых цветных бумажек теперь топорщились три кармана костюма! Ладно, зато валюту какое-то время менять будет не нужно.

Он двинулся дальше – на улицу Фалькенбюрге. И – точно! Всё, как ему описали!

Блошиный рынок приятно услаждал взор кучей ретро-барахла: ненужного, но такого трогательного и домашнее-уютного, явно согретого долгие, долгие годы чьим-то теплом, чьей-то привязанностью. Ублажавшего чью-то душу, будь то – полезностью, или просто – милым стоянием на комодике прабабушки... И вот теперь продаваемым молодыми наследниками, которые со своим неизменным прагматизмом и циничностью видят в них лишь бессмысленно пылящийся на видном месте источник наличности, на которую, возможно, удастся раскрутить либо какого-нибудь глупого туриста, либо, такого же как «предки» – помешанного на «старье», кол-

лекционера-маньяка. Тоскующего по ушедшим годам счастливой молодости. И Эпохе...

Шкатулочки, украшения, инструменты – и музыкальные, и измерительные, одежда, вещи чуть не полувековой давности. Сувениры и украшения. Часы – настенные, настольные и даже напольные. (Некоторые ещё и работали.) Даже посуда – стопроцентное ретро!..

Он ходил здесь почти час. И даже «оторвал» буквально за даром замечательные старинные пуговицы: всю жизнь мечтал именно о таком размере и расцветочке. Ну, если он теперь не найдёт, куда их «эксклюзивно» прищпандорить – грош ему цена!..

На обед Алексей зашёл в одно из многочисленных кафе. Устроился один за небольшим столиком у окна: благо, народу почти не было. Заказал подобие местного рагу, и снова чай с булочкой. Рагу порадовало, а вот булочка – нет. «У нас» – вкуснее!.. Он уже считал свою улицу – своей, как и отель, как и кафе с понимающим его пунктик хозяином. Как и мастерскую-цех. И девочек.

Здесь, в центре, с него «содрали» аж три гульдена! Обалдеть! Бедные туристы! Впрочем, нет – были бы бедные – сюда бы не приехали. Алексей ухмылялся про себя – ну и цены здесь! Побывать бы им в Мосме!.. Нет, лучше – не бывать. Отличные цены.

До улицы Лейцестраат с её театрами, запальчиво расписанными друзьями, он решил не ходить – и так с непривыч-

ки сбил ноги, да и поясницу ломит... Вот и двинулся назад, чтоб уж не заблудиться – по старому маршруту, заодно прикупив в какой-то лавочке карту города, торчавшую из выносной вращающейся стойки. На туристов он глядел как местный – равнодушно. Они уедут, он останется. Знакомиться ни с кем смысла нет. Да и не видно никого из «своих», русских... Но он не собирался общаться и с ними.

Поэтому оказался не готов к тому, что его окликнули:

– Хэрр Алексей!

Повернувшись, он увидел Аарона: тот догонял его пешком.

– Хэрр Аарон! Очень рад вас видеть! А где же ваша шикарная машина? – он крепко пожал тёплую руку.

– Обычно я держу её дома... А уж если выкатываю из гаража, так только в исключительных случаях: ну вот, как поездка за город – на природу! А вообще-то по Старому Городу, как я уж говорил, движение машин запрещено – видали же: тут все, кто ходит – туристы, а кто ездит на велосипедах – местные! Определить легко! – Аарон показал белейшие зубы в широкой улыбке. Ну, обо всём этом Алексей уже успел догадаться, но вопросов к Аарону накопилось масса: где бы задать?

– Вижу-вижу... Масса вопросов! Идёмте, Алексей. (Можно – я и вы – обойдёмся без «хэрров»?) Если это не слишком нахально с моей стороны – прерывать ваше знакомство с городом. – Аарон торжественно повёл рукой, – Я знаю непло-

хое место, где двум омстердамцам можно спокойно посидеть и поговорить! Разумеется, скромный и тихий... ресторан!

Вход в ресторан оказался неприметным: Алексей ни за что бы не догадался, что узкая крутая лестница в тесном каменном мешке-коридоре ведёт в уютный и тихий зал. Вид со второго этажа маленького отеля, при котором и был ресторан, открывался традиционно скучный: несколько разноцветных узких фасадов, и канал. Но Алексей не был в претензии: им подали отличный кофе после гуляша, который, подмигнув Алексею, заказал, пройдя прямо на кухню, Аарон.

Похоже, его здесь все знали: приветствовали как старого знакомого, мужчины-повара улыбались, официантки делали книксен, потупясь... Неужели Аарон – их всех?..

Однако когда со вторым для Алексея обедом и кофе было покончено, Аарон откинулся на спинку удобного старомодного стула, и убрал улыбку с лица:

– Алексей! Я же вижу – вы уже «вляпались». Ну, или близки к этому... Поэтому – спрашивайте. Местный менталитет так просто, и сразу – постичь не удавалось ещё никому! А знаете почему? Он слишком... Прост!

Алексей, вот только теперь чувствующий сытость, (Прогулка на свежем воздухе, что ли, поспособствовала быстрому «перевариванию» первого обеда?!) тоже откинулся на спинку. Для храбрости посмотрел в окно. Вернул глаза к лицу собеседника.

– Аарон. Я знаю, это может звучать глупо. Но мне показалось, что и вы... И даже хэrrр Ванавермайт на что-то такое и намекали. Признайтесь честно – здесь культивируется свободный секс?

Аарон... рассмеялся.

Весело, заразительно. Алексей не мог не усмехнуться и сам – серьёзный вид сошёл с него. А и правда – чего он комплексует? Это же Явропа – а со своим уставом, да в чужой монастырь...

– Алексей... Как бы вам помягче это сформулировать... Ну – ДА! Именно так!

Его именно *культивируют!* И именно – свободный! Но! – Аарон снова согнал улыбку с лица, – Только в отношении женщин. Мужчина – здесь... как бы попроще...

Бог и Царь! Нет-нет, я и не думаю шутить, или иронизировать! Просто примите как данность, как непреложный факт: местные женщины (ну, коренные омстердамки) буквально готовы... Хм... Лечь под любого. Вот так вот грубо, но по существу, я и должен выразить эту мысль, чтоб вам оказалось легче с ней свыкнуться. Принять. Кстати – не только местные женщины таковы. Многие приезжие – тоже.

Алексей поморгал, не в силах собрать воедино куда-то вдруг разбежавшиеся мысли. Да что же это такое!.. Неужели он попал в... Мировой Бардак?! Но ведь они...

– А-а, я вижу ваши сомнения. Нет! Они не только денег за это не берут, но и готовы оказывать всяческие... м-м...

услуги тем мужчинам, которые... Согласны на секс.

– Аарон, я не успеваю за вашей мыслью... То есть они – что? Готовы содержать своих любовников? А мужчины здесь – что? *Против* секса? Или вот прямо все – нетрадиционной ориентации?!

– Алексей, пожалуйста, не так быстро... Попробую ответить хотя бы на первый вопрос. А он – сложен. – Аарон поставил локти на стол, и собрал кисти в захват – как волейболист, (Может, играл когда?..) – Никто здесь никого не содержит. Даже если пара... переспала – это никого *ни к чему* не обязывает!

Вот, например, я знаю – у вас в России, если мужчина хочет женщину – он вначале ухаживает. Ну, там, дарение цветов, шоколадки, может, колечко или серёжки, долгие прогулки под луной, разговоры, разговоры... Это – если имеет «долгосрочные» планы. Если же – «краткосрочные» – то хотя бы ведёт в дорогой ресторан, говорит комплименты, угощает деликатесами, шоколадом с неизменным шампанским. Словом, тратит деньги и силы на то, чтобы, ну... Заполучить вождеденный... Секс! – Алексей невольно кивал, слушая «консультанта».

– Так вот: здесь нет ничего подобного! Если пара идёт в ресторан, каждый платит за себя сам – независимо от того, спали ли они, или ещё нет! Вот кстати: имейте в виду! Если попытаете заплатить за женщину – она посчитает это оскорблением. И попыткой покуситься на её личную свобо-

ду. Надеюсь, ещё не пробовали?

– Нет-нет, ещё не... Аарон. Я всё равно не понял. – Алексей и вправду не понял: как же здесь... заключают браки? – Аарон! А как же семейные пары? Как они ведут хозяйство – совместно, или... И как воспитывают детей?!

– А-а, вот вы о чём... Хорошо, что вы сидите, Алексей. Но вы уж возьмитесь покрепче за что-нибудь, чтобы не упасть! – Алексей и правда, почувствовал сильное волнение. Похоже, он окажется... шокирован.

Однако это оказалось ещё слабо сказано.

– Здесь не существует института Брака.

То есть – брака в том смысле, как вы там, у себя, его понимаете. Да-да, звучит дико, но никто здесь в церкви больше не венчается, и в Муниципалитете не регистрируется! Никаких «штампов в паспорте»! И если здесь мужчина и женщина долго живут под одной крышей, это говорит только о том, что им хорошо вместе. (Это называется – «постоянные партнёры».) *Юридически* же они *никак* не связаны!

– Но... А как же совместные дети? Кто из родителей... Воспитывает их?

– Держитесь ещё крепче! Никто. – видя приоткрывшийся рот, и разведённые в ещё не высказанном вопросе руки, Аарон поправился, – Ну, не совсем, конечно, никто! Никто из родителей. А – Государство.

Да, Государство. У женщины, имевшей счастье родить, младенца забирают сразу, ещё в роддоме. (Поэтому никто

грудью не кормит, и у большинства её форма очень даже ничего себе – до глубокой... Хм.) А детей передают в специальные ясли, а затем – в Интернаты. Там воспитание и обучение ведётся централизованно. – Аарон и сам нахмурился, увидев, как брови Алексея сошлись к переносице, – Вы сейчас, наверное, думаете – как в казармах...

Нет – куда практичней. Впрочем, работа этих заведений не в моей компетенции. Но дети получаются вполне... ничего себе – да вы их видите здесь на каждом шагу! Такая система существует уже лет шестьдесят! Или даже больше. Так что даже такие слова и понятия, как «мать» и «отец» – почти потеряли первоначальный смысл. Никто из «воспитанников», выйдя из Интерната, даже и не думает разыскивать своих «предков». Потому что никак к ним не привязан. Можно сказать по-другому: не имеет корней. И «семейных» традиций. Вот в том числе и поэтому жизнь здесь настолько проста!

Зато забеременевшей и родившей женщине после родов дают пожизненное пособие: вполне хватает на безбедное существование без всякой работы! А за второго ребёнка – пособие ещё увеличивают! А если удастся родить третьего – так женщина становится побогаче многих мужчин. Поэтому те, кто родил даже одного ребёнка, обычно сидят дома, и, если позволите так выразиться, валяют дурака... Вернее – дуру. А вот те, кто не смог найти себе партнёра и родить, вынуждены работать: им же надо на что-то жить!

Челюсть у Алексея как-то сама отпала, и пришлось сделать усилие, чтоб вернуть её на место. Только спустя полминуты он смог придумать следующий вопрос:

– Аарон! Получается, все те женщины, с которыми я сейчас работаю в Ателье...

– Совершенно верно. Ещё не родили! Ну, с вашей заместительницей проще – она бесплодна с молодости... А вот художница, закройщица, швеи, и даже ваша «модель» – ещё не рожали. Но – вождедеют! И вас, скорее всего, попытаются использовать. Нет, впрямую, вот так в лоб, не скажут, конечно... Но – постараются дать вам знать, что вы – самый желанный, роковой, обаятельный... Настоящий Дон Жуан! – Аарон хитро прищурился, – Ах вы, коварный оболъститель! Вижу – было!

Покрывшийся холодным потом Алексей чувал себя настолько сбитым с толку, что только покивал с самым сокрушённым видом. Похоже – он действительно вляпался...

– Не волнуйтесь, Алексей. И, главное – ничего не бойтесь. Никто на вас никаких обязательств возлагать не собирается! Женщины здесь не приучены... Владеть собственностью в виде Мужчины!

Не-е-ет! Здесь – всё с точностью до наоборот. Говорю же: мужчина здесь – бог и царь! Да, знаю: в это не так-то просто поверить! – Аарон подмигнул, – Но я вам помогу! Расслабьтесь, и готовьтесь принять Дар Судьбы: выдаю стратегические секреты «насквозь прогнившего Запада»: чтобы пока-

зать женщине, что вы её... хотите, достаточно просто *широко и открыто ей улыбнуться!* Ну, или можно почмокать губами – словно делаете воздушный поцелуй...

И – всё! Поэтому – может, заметили?! – мужчины здесь все такие неулыбчивые! «Фэйс-контроль», так сказать. Правда, в несколько ином смысле. Ну вот. А дальше – совсем просто. Если женщина согласна... Ну – то есть, вы её устраиваете внешними... и прочими... предположительно ценными качествами... Она сама к вам подойдёт. Когда посчитает удобным.

И если вы – случается и такое! – не передумали, вы снова должны улыбнуться и *покивать!* И тогда ваша «избранница», радостная и счастливая, последует за вами к ближайшей постели, и вы сделаете с ней...

Вот именно – *всё*, что захотите. И – столько раз, сколько захотите...

Алексей сглотнул комок, стоящий в горле:

– Так здесь, получается... Не существует никакой такой «любви»?

– Э-э, я вас умоляю, Алексей, бросьте! Недаром же у французских проституток есть поговорка: «любовь эту – русские придумали: чтоб денег не платить!» Ну а здесь – просто развили и традиционно «прагматизировали» этот тезис! А чего вы хотите: бургеры же! Они везде ищут выгоду, и способы всё на свете сделать рациональней! Просто, наконец, это коснулось и такого «воспетого поэтами» и «возвы-

шенного» до дрожи понятия, как «Любовь». Широко, кстати «распиаренному» как раз вашими, русскими, писателями и поэтами: Мушкиным, Худым, Ясениным... Хотя – вам ли не знать, как модельеру: главный толчок современной «сексуальной Революции», фактически канонизировавшей «свободный секс», дала ещё Куко Шинель. Ещё в далёких сороковых.

А, так сказать, «идейная» подготовка началась, разумеется, куда раньше – с маркиза де Сэда... Ну, помните – его гнусную теоричку о том, что дети родителям ничем не обязаны. Так как те сделали их случайно, как некий побочный продукт, думая на самом деле о банальном взаимном удовольствии... – Аарон чуть повернул на бок голову, продолжая пытливо смотреть на Алексея. Тот всё ещё молчал. Не потому, что не мог придумать, о чём спросить, а потому что ждал продолжения... И Аарон продолжил:

– Подумайте сами: зачем люди объединяются в семьи? Нет, поставим вопрос конкретней: для чего семья мужчине? Пока он молод – чтобы иметь «регулярный» секс. И, как логичный итог этого – чтоб вырастить и поставить на ноги совместных детей! Обеспечить им, так сказать, достойный уровень образования и жизни.

А сколько при этом покупается каждой такой «ячейкой Общества» лишнего тряпья, колясок, игрушек и всего-такого-прочего? А вызов на дом доктора? А учебники? А сколько, наконец, теряется рабочего времени и сил на лече-

ние-уход-воспитание и тому подобную нервотрёпку, обеими «супругами»? А если смотрите телевизор, ну, те, «Шоу скандалов», типа Патлаховского, или ещё кого – сами понимаете: это сейчас общемировая тенденция. Мироззрение людей очень быстро меняется – и вот уже дети превратились из самого дорогого, что есть на свете – в мешающие и грязные, визжащее-слюнявые «обстоятельства». От которых даже пытаются отделаться: вы должны помнить. Оставляют в лесу, на морозе. Оставляют прямо новорождённых – в сумках в парках. Топят. Оставляют в роддомах – ну, это уж – самые «сознательные» и жалостливые.

Разумеется, я не хочу сказать, что *все* семьи у вас в стране неблагополучные, или «алкашевые», как это называется.

Но вы – должны видеть, если не слепой. Проблема тотальной «Интернатизации» назрела. Как реалист вы-то должны понимать.

– Аарон... Но ведь верно – как вы и сказали – не все семьи – алкашевые. И многие родители... Любят, и воспитывают так, чтоб дети нормально...

– А вы статистику знаете? – перебил вдруг Аарон неубедительно даже для самого себя пытающегося возразить Алексея, – Или – поставим вопрос так: *вы* довольны тем, как вас воспитывали? Было ли «счастливым и безоблачным» *ваше* детство?

Стрела попала в цель. Алексей заткнулся, почувствовав, как краска заливает всё лицо. Нет, они точно – собрали пол-

ное Досье... Бьют без промаха. Аарон продолжил:

– А вот если Государство *сразу* забирает и централизованно воспитывает всех детей, на кой же ... (Пардон!) людям осложнения в виде семьи?! Разве что опять – для взаимоприятного... Секса! (А на старости лет – чтоб не страдать от скуки. И тоски.)

Так не проще ли организовать *всё* с самого начала так, чтобы к нему, лёгкому и взаимоприятному, все эти нешуточные прелюдии и перепетии и сводились – причём без предварительных, и дальнейших, стесняющих обоих, обременительных хлопот и обязательств?

А «досадные недоразумения» из-за чисто семейных проблем? Вы же представляете, как меняется настроение у будущих матерей? А если за время беременности члены «семьи» друг другу наскучили? Надоели? Если кто-то – «зануда», и «брюзга», а кто-то – «идиотка» и «лентяйка»? Или циничная хищница, готовая лезть наверх, стремясь попасть в элиту, живущую на «Роблевке», буквально по трупам? (Иногда для выяснения этого достаточно и месяца, но иногда нужно и пару-тройку лет...)

Знакомая ситуация? – Алексей невольно кивнул – похоже, агентурные данные о нём и Лене – как на ладони. А чего бы он хотел? Анонимности? Вот именно – тьфу!..

– Статистика вашей собственной страны показывает: до пятидесяти процентов браков разваливается в первый же год. Сейчас же все «гордые», у всех «индивидуальность»!

Никто не хочет подстраивать свои привычки и жизнь под партнёра – все хотят наоборот!

Рано или поздно все цивилизованные страны (ну, кроме, разве что, бамерикосов) придут к такой схеме. Вопрос всегда упирался в проблему воспитания и «поднятия на ноги» детей. И – положила руку на сердце – сколько вы знаете родителей, реально могущих обеспечить детям достойное воспитание? Без ремня, водки и скандалов? Да ещё и имеющих на это время, средства, и желание?

Ну а здесь – детей рождается немного... Прирост что-то около полупроцента. Так что уже существующих Интернатов вполне достаточно. И относятся к детишкам там – вы уж поверьте! – со всем возможным вниманием и добросовестностью. Профессионально. И здесь преимущества такой системы уже поняли. И законодательно приняли. Ну, вы, говорю же – видите всех этих воспитанников вокруг. – Аарон снова обвёл рукой, словно обнимая не только Омстердамм, но и всю страну, да и Явропу заодно. – И свобода их – как «личная», так и «общественная», если свободу от обязательств по возвращиванию потомства так назвать, – Аарон хмыкнул, – не пустой звук. А устоявшийся факт.

Аарон замолчал, давая, видимо, Алексею насладиться открывающимися «перспективами».

Ещё бы не насладиться: получается, здесь почти любой мужчина «в силах» (Ну, разве что совсем уж Квазимодо какой!) – словно козёл в огороде!.. Однако не об этом сейчас

думал Алексей:

– Аарон... А как же тут с этим... Материнским инстинктом?

– Я вас умоляю, Алексей!.. Забыли тут все этот пережиток! – похоже, его собеседник и не думал шутить! Слово «пережиток» сказано... Явно с пренебрежением!

Покусав губы, Алексей с горечью вспомнил все те разбитые семьи и брошенных детей, особо обозлённая часть которых не без смака показывалась всё в тех же «Пусть потреплются», и «Они и Вы»... Да, там где пьют, этот самый инстинкт, похоже, без проблем умирает и сам. Но ведь здесь – не пьют?! Во всяком случае, *так*. Это мешало бы... Бизнесу?! Так кто – инициатор?..

– Это что – работа феминисток?..

– Ну разумеется, феминистки тоже внесли свою лепту... Но – нет.

Как показала – а вы видите, что – однозначно! – практика, никакой это был не инстинкт, а втемяшенный викторианским воспитанием атавистический нонсенс... Здесь теперь просто вот такие *законы и обычаи* – назовём их так, чтоб вам стало понятней.

Человек – существо клановое. Живёт в стаях, проще говоря. А традиции и устои... Принято было, например, у аборигенов Новой Зеландии, или Таити кушать людей – они и кушали себе спокойно, не терзаясь угрызениями совести, пока «открывшие» их Явропейцы не объяснили, что это «нехоро-

шо – ай-яй-яй!» и «Низзя кушать Кука!»... Так что какие задать правила поведения и законы – дело техники. И Руководства.

Вы уж извините за нудную и сбивчивую, и «эмоционально окрашенную» лекцию. Думаю, на то, чтобы свыкнуться с таким, вам понадобится время.

А чтобы поверить – факты.

Алексею понятней не стало. И это явственно отражалось на его расстроено-растерянной физиономии. Аарон пришёл на помощь:

– Да – я знаю, вот так, сходу, *поверить* трудно. Сам полгода привыкал, когда только приехал... Ничего – привыкнете и вы. И даже будете наслаждаться. Вседозволенностью. Свободой от дурацких условностей и обязательств. Расслабьтесь, дружище, – Алексей поспешил опустить оказавшиеся вздёрнутыми плечи, – Мы здесь – Повелители Вселенной! – Аарон опять откинулся на спинку стула, – А если не верите – попробуйте вечером...

Улыбнуться пошире горничной!

Алексей снова сглотнул. Чёрт. Тоже – в точку! На горничную и её... разные места он уже заглядывался... Неужели?..

Расстались они буквально через пять минут – Аарон сослался на свидание, расплатился, Алексей честно оплатил свою долю, (Кстати, не мог не обратить внимание на опять подозрительно маленький счёт!) и они, спустившись, разо-

шлись в разные стороны.

Алексей шёл к себе теперь уже практически не обращая внимания на достопримечательности – на автопилоте.

Нет, их встреча явно не была случайностью. Слишком «вовремя» с ним «проработали» его сомнения. Прояснили ситуацию. Уже конкретно – а не намёками.

«Работодатели» наверняка хотят «эффективно» использовать его. Вот и дают – словно карт-бланш. Чтобы он... Нарезвился.

И затем спокойно, с чувством полного удовлетворения своего Либи́до, (Будь оно неладно! Точно – ему почти било в голову!) занимался порученным ответственным делом.

Какая трогательная «забота».

С другой стороны – как Аарон его нашёл? Слежка? Он... ничего не чуял. Или он и не сможет учуять профессионала? Да нет – слишком примитивно. Сейчас же все «продвинутые». Вероятно маячок – на нём самом.

В одежде? Обувь?

Вспомнился фильм «Враг Государства». Хм... Он – не враг. А друг. Но отношение получается почти такое же... А-а, шут с ним! Вот только ощущение удовольствия от того, что он – «вассал под надёжным крылышком», слегка (Или – не слегка!) подпорчено...

Что, действительно попробовать с горничной?

Во-первых – проверить. А во-вторых – приятная во всех отношениях девушка. А если он подарит ей ребёночка – так

будет ещё и «обеспеченная»...

Чувства и мысли Алексея разбегались, словно «мысль по древу».

Нет, всё же *не может* здесь существовать *такое* Общество! Аарон или шутил...

Или – не шутил.

Но почему он-то не знает о таких «обычаях и законах» Гелландии?! Из той же истории, новостей, фильмов? Неужели здесь всё это происходит на самом деле?!

Но – почему? В-смысле – почему тогда СМИ его страны столь старательно скрывают всё это?! Из зависти? Или чтоб не ломанулись: сдавать в детдома несчастных детишек, ненужных алкашевым и скороспелым семьям, где сами родители – ненарезвившиеся вчерашние дети, или просто безответственные скоты – огромную массу ненужных, «случайных», «нежеланных», будущих сирот?.. Почему раструбили буквально везде – что здесь однополые браки, на каждом шагу гей-клубы и бордели, и полная безответственность и распущенность нравов?!..

Распущенность-то распущенность...

Но в каком-то странном, непривычном свете она предстаёт, когда сталкиваешься непосредственно, «так сказать», воочию...

Нет – проверить кое-что точно придётся! Он же – не ханжа, или пуританин какой!..

Уже лёжа в постели с довольно посапывающей девушкой под боком, он так и не знал: радоваться ему, или плакать.

Горничную звали Труды. И она вначале, когда он заказал ужин в номер, и широко поулыбался, вроде, даже растерялась. По лицу пробежала тень удивления, затем – неверия в своё счастье, и, собственно, само счастье. (Чёрт! Именно – счастье!) Правда, она не кинулась тут же, как он опасался, ему на шею...

Ушла, укатив тележку из-под супницы и тарелок с приборами, выставленных на стол, многозначительно оглядываясь. Не появлялась добрых полтора часа – как понял, начавший уже было сомневаться Алексей, ждала, пока закончится смена. Ну, заодно и давала ему поесть и переварить спокойно.

Зато потом...

Если в дверь она постучала робко – может, кто-то тут так уже развлекался, «дуря» бедную девушку?! – то увидев его снова широкую и открытую улыбку, и подтверждающий кивок, даже как-то выдохнула, мило зардевшись.

Когда он пригласил войти, и сообщил, что готов, поспешила прижаться всем мягким телом с приятными округлостями, потершись напрягшимся передком о... Ну, о то, обо что следовало потереться.

Брюки с него стащила сама, но на предложение начать с ванной, согласно покивала – им практически не пришлось дольше разговаривать, так как губы у Алексея почти всё вре-

мя оказались заняты.

Хорошо хоть, она не кусалась как предыдущая партнёрша: очевидно, считала, что незачем «заводить» его ещё сильнее!

Когда они из ванной перебрались, снова совершив «ритуал» с взаимовытиранием, в спальню, Алексея хватило только уже на один раз... Зато уж чёртовым операторам было на что поглядеть – «с чувством, с толком...»

Снова его начал обдувать ветерок – ага, наверное, больше двенадцати. Точно – вон опять часы бьют половину какого-то. Сон всё не шёл.

Алексей и так и так ворочал «лекцию» Аарона – ну не сходились у него концы с концами, несмотря даже на блестящее, вроде, подтверждение... А может, они так заранее договорились – Аарон и Труди?..

Нет, не похоже. Он бы почуял притворство... Да и зачем?

Но как же – брак? Неужели – никаких бумажек, союзов и привязанностей? А что же те, кто стар? Кто «подаёт стакан воды»? Или старики здесь – все в богадельнях?

Да, вот это – действительно страшная мысль: он вспомнил, что на улицах почти не видал никого старше шестидесяти-шестидесяти пяти. Да и те все казались явно иностранными туристами: правильно, те, кто, как в Штатах, работал всю жизнь, может на пенсию очень даже... Посмотреть Явропу. А вернее – себя показать. Знаем мы этих заносчивых «самых продвинутых» мещан: везде-то они должны покрасоваться – типа, нам всё доступно, и мы хозяева всей планеты...

А как же – он сам? В-смысле – как же он теперь с женщинами?

Улыбаться уже как-то расхотелось. Вот уж «лечение пресыщением...» Или даже – осознанием одной только его возможности... А ему ещё работать и работать.

Тщательно продумав разные варианты, он решил в своём коллективе больше «не шалить»! Кто знает: может, любви к детям здесь и удаётся избегать, как «предрассудка», но вот банальная ревность вряд ли изжита! Да и тщеславие: если он переключит внимание на другую фаворитку, его модель может расцарапать его «творческую» физиономию...

И правильно сделает.

Нет – с этим делом там, в Цехе, он будет поосторожней: инстинкта собственницы, что бы там не говорил Аарон, из женской природы не выбить ничем!

В своё время Алексей проходил и курс Гэрри Олднера, и знал – правильный настрой на любое дело – практически сто процентов успеха!

Так что храбро дав себе обещание на работе вести себя сугубо по-деловому, и таким образом постараться избежать конфликтов и проблем, он и постарался заснуть, положив руку на тёплую и мягонькую... нижнюю оконечность спины сопящей Труды.

Утром его растолкали самым наглым образом.

Труды постаралась вызвать в нём соответствующую реакцию, пустив в ход очаровательный ротик – и он почувствовал, что

устоять-то (Вернее – «улежать!»)...

Невозможно!

Чего хочет женщина – того хочет Бог!..

Однако к одиннадцати он вспомнил, что иногда надо бы и кушать. В пустом желудке сосало, словно там образовался космический вакуум! Поскольку Труды не соблаговолила покинуть ложе, расслаблено раскинувшись по всем пяти квадратным метрам, он прошёл к телефону, и заказал завтрак. Девушка, привёзшая его, выглядела...

Чёрт возьми! Она что – сестра Труды? Хоть и не близняшка, конечно – но очень...

Уж ей-то он не улыбался, даже вручая традиционный гультен. Раз сестра – точно знает, с кем он.

Труды соизволила присоединиться к завтраку – он и заказал на двоих. Девушка уже оделась, и ела почему-то молча. В чём дело? Не хочет мешать зарождающейся в ней Жизни? Или просто плохо говорит по-ангальски? Да, точно – он вспомнил, что его партнёрша знает лишь несколько фраз на языке универсального общения. А он – гелландский вообще не знает: тарабарщина, и тарабарщина... Да ещё и картавая.

На прощание Труды хоть сделала ему «ручкой» – не то, что Гудрун. Он следил за сохранением каменного выражения своего лица, но ручкой тоже сделал... И покивал.

Лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения, как прокомментировал бы Аарон.

Телевизор смотреть оказалось опять невозможно. Поэтому часа в два он выполз на улицу: размяться, поесть, и купить чего для чтения.

Если с первыми двумя пунктами программы оказалось просто, и к трём он оказался вполне удовлетворён и едой и её ценой, то вот с «культурным досугом...». Н-да.

Он довольно долго ходил по закоулкам старого города, расспрашивая людей с велосипедами, прежде чем смог найти лавку, где имелись книги на разных языках. Правда, на русском оказались только «Война и Мир» и «Дифференциальное исчисление в римановом пространстве».

Пришлось отказаться от интеллектуального снобизма в виде высшей математики, и прикупить два огромных тома знаменитой классики. А заодно и детектив Агаты Кристи – уже на ангальском. Обогащение словарного запаса ему не повредит.

Так что ужинал он у себя, уже одолев страниц сорок монументального памятника словесности от Льва Николаевича. (Если честно – тот не слишком-то нравился ему ещё со школьных времён. И мысль о том, что теперь-то, когда он не связан «обязаловкой», и спокойное чтение даст ему в полной мере насладиться гениальностью, не оправдалась.)

Скучно. Гений-то он конечно, гений... Вот уж человек любил подробно разжёвывать и расписывать чувства и ощу-

щения. Словно завзятый психиатр. Или сексопатолог. А что самое страшное – кто поручиться, что эти люди и правда, всё это ощущали?! Впрочем, может и так – они же выдуманные... Вот и думали, любили, страдали, самокопались, разрывающиеся на части выдуманными же сомнениями.

А сам-то он – что, разве только недавно не парил мозг самоедством?!..

Нет, нужно не предаваться сеансу аутопсихоанализа, а жить-поживать. Легко.

Поэтому проголодавшись, он снова вызвал в номер сестру Труди с тележкой, и с нарочито нейтральным взором вручил очередную купюру. Сердито, как показалось Алексею, вильнув «хвостом», и оглянувшись с обиженно надутыми губками, его невостребованная дама удалилась.

После ужина – хоть волком вой. Агата Криспи тоже не порадовала. Вроде, и язык простой и понятный, вроде, уже – труп, где ему положено... Ну вот не цепляет!

Или это от того, что мысли всё время возвращаются к проблеме странной информационной блокады Гелландского менталитета со стороны СМИ его страны?..

Э-э, ну всё это в баню – посмотрит-ка он х... в футбол!

Около двенадцати он обнаружил, что очень даже мило спит под матч очередных матеровито-профессиональных команд. Тьфу ты... Он пошёл мыться, и спать.

Утром проснулся ещё до звонка портье. За полчаса по-

брился, привёл костюм в порядок. (В смысле, оправил на себе, так как ткань не требовала глажки!)

Позавтракал Алексей принесённой на этот раз снова Труды, яичницей с куском бекона толщиной в добрый палец. Здравовался с девушкой он всё же ощущая некую неловкость. По Труды невозможно было сказать – довольна ли она. Или дуется...

На работу пришёл раньше восьми.

Сам взял ключ у вахтёра, отпер всё, что полагалось отпереть, и занялся «разбором полётов». Всё же он ...ренов энтузиаст и фанат работы – да, стыдно сказать, но мысли даже во время «встречи» с Труды всё время возвращались к тому, что надо бы... Нет, *вот эту* лицевую деталь придётся всё же... подправить. Ага: так, и так...

В половине девятого появилась фру Магда. Она, вроде, не удивилась, застав Босса на рабочем посту. Они вежливо поздоровались. Алексей теперь следил за мимикой – ещё не хватало ему осложнений и с заместительницей!..

Работы оказалось немного, но – нудной и тонкой. И фру Гудрун на своём помосте, и фру Хельга сердито на него смотрели, но вслух ничего не говорили – а попробовали бы они!.. В ажиотаже Алексей мог ругаться (Да, случилось и такое в работе!) похлеще, чем знаменитый тренер Российской женской сборной по волейболу... Возможно, его дамы чуяли его бойцовский настрой, и не дали ему возможности проявить эти таланты.

Фру Хельга только молча поджала губы, когда он на её критические замечания безапелляционно, но пока вежливо, заявил:

– А мне на это всё нас... э-э... То есть – мне всё равно, как это будет смотреться «с точки зрения общего соответствия стилю» – пока я за всё это отвечаю, мы будем делать этот фасон так, как я сказал!

После этого других возражений со стороны штатной художницы не последовало, фру Магда же, как ему показалось, усмехнулась в обесцвеченные перекисью усы...

Хорошо, он что велел закройщице – молчаливой и незаметной, словно мышка, женщине, весившей не больше сорока пяти килограмм – оставлять припуски на швы по два с половиной – три сэмэ: все его доработки как раз уложились в эти припуски.

Вроде, сделано – всего чуть-чуть, а после отпарки и переглажки эффект стал очевиден!..

Наконец, в точности подгадав к обеду, он закончил.

В столовую пошли всем коллективом – даже Гудрун успели «расколоть» и «извлечь».

Обед как всегда оказался вкусен и питателен. Откинувшись на стуле, Алексей даже погладил то, что когда-то было животиком, а сейчас, очевидно, от слишком уж активного «отдыха и приобщения к менталитету» – словно прилипло к спине.

Появившимся после обеда швеям – фру Липске и фру

Нелле – сразу нашлась работа. Застучали лапки машинок – гудение мощных моторов и стрекотание игловок-челноков наполнил Ателье радостной атмосферой Дела...

Алексей особо не следил за спорными действиями пожилых женщин: сразу увидал, что действуют те профессионально. Однако к концу рабочего дня оказались готовы только два платья из материалов, принесённых фру Магдой – да и то наполовину!

Алексей старался не проявлять нетерпения, и всех от души похвалил: а что! Работёнку за каких-то три дня проделали ту ещё!

Сегодня он смело оставил фру Магду наедине с сейфом, предоставив ей задачку по упихиванию сильно прибавившегося «материала», сам же, никому не улыбаясь, но не забыв вежливо пожелать доброго вечера и здоровья, быстрым шагом направился домой – в отель.

Там он задержался только на три минуты: ровно столько потребовалось, чтобы снять пиджак, и поменять рубашку на свежую. После чего Алексей смело двинулся в центр – надо же наконец глянуть на знаменитую «ночную жизнь» гелландской Венезии. Тем более родная пропаганда уж так её преподносит... Словом, вожделенный рассадник Порока. Это и нужно... Проверить.

Вот и Лейцестраат. В варьете он решил не соваться – канкан никогда его не прельщал. Зато на представление ка-

ких-то клоунов-мимов решил зайти: вспомнился, навевая нотки ностальгии, отечественный гигант – Полюнин...

Мимы не разочаровали: было смешно. Хотя отсидев за столиком с ужином два часа, и расплатившись, он не смог бы вспомнить, над чем же конкретно так смеялся. Всё как в старые добрые времена знаменитого Чарли: смешно, когда пинают в зад. И тортом заезжают в морду...

Ладно – он пошёл дальше. Время не поджимало: всего-то десять вечера.

Стрптиз-бар для трансвеститов, про который ему прожужжали все уши знакомые, приобщившиеся к этому оплоту порока, всё никак не попадался. Более того: не попалось ни одного «приюта для голубых»! А вот это уже странно: Алексей знал, (Ну, опять-таки по рассказам!) что где-то именно здесь, в узких и кривоватых закоулках, это дело, вроде, культивируют, как минимум в двадцати-тридцати заведениях!

Где же они? Или хотя бы пресловутые красные фонарики борделей?..

Осознав, что ходит и ищет явно где-то не там, он, несколько разочарованный в своих ожиданиях, двинулся домой.

Пешие прогулки, конечно, полезны для ног и пищеварения... Но если так пойдёт и дальше – точно придётся арендовать велосипед. Или хотя бы купить кроссовки для горящих ступнёй.

Окончательный вариант двух платьев был готов только к

вечеру вторника. И третье – готово наполовину. Хотя примерки показали, что сидеть будет как надо, постоянными требованиями то снять, то надеть то то, то другое, то обменяться изделиями, он буквально замордовал трёх девушек. Гудрун терпела его выходки молча, на гримасы и ужимки двух остальных (Он даже не запомнил их имён!) он глубоко плевал.

Дело должно быть сделано!

К счастью, «линия спины» оказалась в пределах допусков – от талии до бёдер у молодых оказалось двадцать: всего на пару-то сантиметров меньше, чем у его дамы с «опущенной линией спины». Переделка не потребовалась.

К концу рабочего дня Алексей был чертовски доволен как результатом, так и слаженной работой своих «подчинённых». Оба готовых платья бесподобно смотрелись, особенно на Гудрун, и исключительно хорошо всё выглядело именно на ходу – сразу становилось понятно, что этот фасон можно и нужно носить именно динамичным и «выходящим в люди» женщинам. В, так сказать, расцвете сил. Две другие девушки не могли не заметить, что к их коллеге отношение кардинально отличается, и морщили носики.

Поскольку третье платье пошили из дешёвого (Сравнительно!) материала, имелся неплохой шанс сделать целую линию по производству чуть изменённых модификаций – реально: для «широкого потребителя».

Дополнительная потенциальная прибыль для Корпора-

ции!

Впрочем, Алексей в одобрении как раз со стороны представителей Корпорации отнюдь не был уверен: мало ли какую трендовую политику они собираются проводить по этой модели... Ладно: их Ателье честно сделало всё от них зависящее.

Теперь – «Госприёмка», и фру Хельга сможет переводить все их выкройки в компьютер, и разрабатывать с помощью закройщицы и фру Магды методику «рационального раскроя», и сборки изделия. В виде конкретной Инструкции...

Точно в срок он всех поблагодарил и отпустил, попросив всё же фру Магду задержаться.

– Прошу прощения, фру Магда... Как всё-таки зовут этих двух новеньких? Манекенщиц.

Фру Магда уже вполне плотомерно усмехнулась – кроме него никто её не видел:

– Хэрр Алексей, не заморачивайтесь такой ерундой: вы, если желаете, можете обращаться к ним так же, как сегодня: «эй, девушка!», и «ну-ка, вот ты!».

Алексей почувствовал, как краска заливает всё лицо – от ушей и до подбородка. Ну он и свинья! Конечно, кое-что можно списать на спортивный азарт, но тут уж... Русское хамло – по-другому не скажешь!

– Фру Магда... Мне так жаль, честное слово! И очень стыдно. Я... Иногда слишком увлекаюсь! Конечно, я изви-

нюю завтра перед девушками – просто... Не запомнил имён.

– Хэrr Алексей. Я вовсе не шутила. Вы, как Мастер, можете работать именно так, как вы привыкли. И даже ругаться... матом – если это вам помогает в работе. В том числе и за это нам всем здесь платят. Уж русского мата мы наслушались, и это никого из нас не шокирует... Я же видела сегодня – вы еле сдержались!

Всё верно. Алексей чуть не выматерился на одну из швей, когда у той одна из деталей оказалась пришита наизнанку – не из-за порчи, (Деталь и платье *так* не испортить!) а из-за неизбежной задержки примерки: на распарывание, глажку, и, соответственно, ожидание, пока будет вшито как надо, ушло *целых* пятнадцать минут!

С другой стороны – фру Магда очень даже права: каждый мастер сам вырабатывает свой способ, метод, стиль работы. И со временем обрастает кучей ненужных, но таких «священных» традиций! Он знал одного кутюрье, который при работе всегда одевал жилетку – независимо от того, прохладно ли в помещении, или от жары пот заливает глаза...

Другой коллега постоянно носил в кармане брюк теннисный мяч. И в случае чего – кидался... Некая женщина (даже в пожилом возрасте) всегда заставляла специальную помощницу держать на руках любимого кота – и всегда спрашивала у него совета, или одобрения. И ведь следовала тому, что «прочла» на усатой физиономии!

Так что Алексей покачал головой, и тоже усмехнулся:

– Приношу и вам свои самые покаянные извинения, фру Магда. Я знаю – я бываю несносен, занудлив и вспыльчив... Вы уж не обижайтесь – это не со зла!

– Хэrr Алексей. Я вас отлично понимаю. И ни вот столечко не сержусь! – женщина глядела ему прямо в глаза, показывая кончик ногтя, – За тридцать-то лет, каких только «мастеров» тут не было! Я – единственная из персонала, кто, начав, продержалась тут все эти годы... А сколько девочек не выдерживали. И просились в другое место! Но!

Я теперь, как, наверное, никто – *понимаю*... Понимаю, что если у человека ничего нет здесь, – фру Магда положила жилистую натруженную ладонь Алексею на грудь, – вот *это*, – пальцем другой руки она постучала ему по лбу, – Не поможет!

И вот поэтому я – только за, когда Мастер ругается, бьёт посуду, (Да, бывало у нас и такое!) рвёт в клочья плоды трёхдневных трудов Липске и Нелле, или днями сидит, заперевшись в кабинете... Словом, извинения приняты. А девочек зовут Софи и Мими.

Алексей... Нашёл в себе силы проморгаться – слеза, невольно набежавшая в уголки глаза, не вытекла наружу. Но речь женщины проняла его – она чертовски права! Если нет отклика на работу в душе, в сердце, – никакие сверхзнания и компьютерные технологии не помогут превратить мёртвый кусок холста – в живое и динамичное продолжение самого загадочного в мире существа – Женщины!

– С-спасибо... Фру Магда. Вы вставили мне мозг куда положено! Вы позволите? – наклонившись, он мягко взял её руку, и поцеловал.

Фру Магда руку не вырвала. Но посмотрела на него так, как даже родная мать на него никогда не смотрела... Алексей покачал головой:

– Честное слово: перед Софи и Мими я тоже извинюсь. И... постараюсь больше не рычать! Правда-правда!

Фру Магда... Весело рассмеялась:

– Вы кого пытаетесь обмануть – меня или... себя?!

Теперь уж беззаботно захохотали оба.

Дома Алексей долго не мог успокоиться, и всё мерил гостиную шагами.

Ну ладно – он действительно увлёкся переделками и подгонкой. Хотел, чтоб всё сидело, как положено, как *он* себе это представлял, и подчёркивало то, чего у старых, прежних то есть, шваброобразных привычных манекенщиц, уж точно – никогда не было!

А казалось бы – всё лишь чуть-чуть изменилось: чуть менее широкие плечи, чуть большего размера грудь, чуть пышнее (И женственней!) бёдра. Тоньше талия. И вот...

Как сразу меняется общий стиль и настрой на конкретный даже фасон: хочется, чтобы его работа была не слепой – один-в-один – копией. А... Соответствовала, если можно так сказать, новой «стандартной»... фигуре!

Пусть эта фигура здесь – стандартна, но она – коренным образом по-другому смотрится! И то, что он постарался внести своими переделками, вроде, удалось: модель в *его* платье – смотрится не как модель, а как именно *женщина!*

Он понял это, когда фру Хельга, всё дувшаяся за его отповедь, прикусила губу. И расширила глаза – когда Гудрун прошла особенно «живописно». *Такой* посадки изделия ей явно ещё не попадалось! Хотя, вроде, стаж не меньше двадцати лет. Так что именно мнение профессионала, пусть и не высказанное вслух, но – инстинктивно прочувствованное им, чётко дало ему понять: да, он своего добился!..

С одной стороны это приятно льстило самолюбию: вот так вам, придурки домашние. Кто не ценил его до сих пор – из земляков! С другой...

С другой – получалось, он сам себя загнал в ловушку: если первые фасоны окажутся исполнены на столь высоком уровне, Корпорация вправе требовать с него и в дальнейшем... Того же уровня. То есть – планка сразу окажется задрана так, что придётся...

Попотеть.

Ну и ладно. Руки у него, вроде, не в ...опе выросли, (Тьфу-тьфу! – на себя, Любимого нюську...) а высокая планка только стимулирует. Работу Мозга и чутья.

Он чуял и подъём. И жуткое волнение. И всё не мог остановиться – ходил и ходил...

Вот теперь он понимал, почему его попросили подписать.

О неразглашении. В такие вот мгновения подъёма... Или – не дай Бог! – депрессии, он и мог бы легко... Да – выложить свои эмоции и сомнения как на блюдечке какой-нибудь дуре, «случайно» оказавшейся поблизости – в его постели! Нет уж.

Он пока ходит лучше сам с собой наедине!..

Уже часов в десять, сидя перед телевизором, он осознал, что не ужинал – да и не хочется!.. Позвонив портье, он попросил разбудить его как всегда.

Ещё два дня ушло на окончательную доводку и препирательства с фру Хельгой.

Разумеется, Алексей извинился и перед ней, но тут же снова переругался: его не устраивала методика перевода выкроек в цифровой формат. А новой программы, с которой он привык работать, в отключённом от Сети компьютере, разумеется, не было. И скачать неоткуда. Пришлось продиктовать, а потом и лично написать в неизменном блокнотике фру Магды, как называется Программа, и где её можно скачать, или приобрести.

А ещё его поразило то, что методики работы с лазерными пространственными метками, (Которую модельеры всего мира переняли у дизайнеров автомобильных кузовов!) здесь никто не применял. Поворчав, он снова всё расписал: как называется оборудование, где достать, и сколько примерно стоит – уже на отдельном листке, и попросил приобрести. Фру Магда заверила его, что Аарон всё обеспечит в кратчай-

шие сроки...

Попытка Алексея конкретизировать эти сроки провалилась: но шансы на то, что к моменту разработки хотя бы третьей модели всё будет готово, казались неплохими.

Ну и ладно. Пока – и так пойдёт. По-старинке...

Он ещё раз извинился перед фру Хельгой. Та снова оскалила остренькие зубки – она так улыбалась. И заверениям Алексея, что «Уж это-то – точно в последний раз!» не поверила ни на грош.

Ну и правильно.

В пятницу с утра приглашённые рабочие быстренько передвинули все их перегородки, расчистив пространство для стульев Комиссии, и подиума, который обозначили ковровой красной дорожкой – это Алексей настоял, чтоб дорожка была красной. На фоне её, и обитых красным и белым бархатом стен-перегородок, выстроенных как бы в хаотическом, а на самом деле – чётко продуманном им порядке, отлично смотрелась бы вся цветовая гамма трёх изделий – серого, чёрного, и голубого.

Алексей постоянно потирал руки – когда замечал, одёргивал себя. Ну что сделаешь – такая уж у него... Мания. Волнуясь – потирать руки. Всё-таки полезней, чем курить.

Обедали как-то суетливо. Всем женщинам невольно передавалась нервозность и бешенная харизма, которая (Он и сам это чуял!) так и пёрла из него. Даже повар *a* удивлённо морга-

ли глазами – особенно после того, как Алексей отказался от рагу, приготовленного на второе. Вот уж такого здесь раньше точно не бывало.

Он же просто чуял, что не впихнёт сейчас в себя пищу.

В три часа члены Комиссии начали прибывать. Чуть раньше них приехали бодрые и деловые ребята-телевизионщики, которые, даже не соизволив ни с кем поздороваться, сразу навели свои порядки: поубирали из углов стулья, и расставили мощные штативы с, наверняка самой лучшей, как видел Алексей, дорожной, видеотехникой. Явно цифровая. Такой, если честно, и дополнительное освещение не слишком-то нужно.

Но телевизионщики всё равно работали грамотно, и со светом подстраховались: софиты поставили галогенные, направив их не на подиум, а на бело-матовый потолок. Верно, в рассеянном отражённом свете детали видно куда чётче... Профессионалы.

Впрочем, Алексей был даже рад, что эти серьёзно-молчаливые, но всё подмечающие ребята со своими тремя камерами им не мешали: его коллективу хватало и своих хлопот!

Так что Мастер и его Помощница тоже деловито и вежливо, без дурацкой подобострастности, которую Алексей ненавидел с детства, встречали пожилых и самоуверенно-надменных мужчин в дорогих (И безвкусно – как злорадно подметил Алексей! – сидящих!) костюмах, и рассаживали на предусмотрительно расставленных пошине, так, чтобы ни-

кто никому не мешал, удобных стульях.

Алексей, по возможности тихим, но внятным голосом говорил, как ему приятно познакомиться, пожимал мягкие и пухлые, словно перина, казавшиеся безмышцевыми, блёклые руки. Сдержанно-деловито улыбаясь, кивал на фамилии и имена, которые тут же, как по мановению волшебной палочки, из головы испарялись – не до имён!

Фру Магда, провожая гостей, каждого – уже до «персонального» стула, вежливо кланялась, и передавала персональный же конверт с размноженными для каждого чиновника фотографиями. Сохранять безмятежно-торжественное лицо ей, в отличии от «Мастера», удавалось легко: ещё бы! С тридцатилетней-то практикой!..

Наконец к полчетвёртого прибыл и ответственный, и, как объяснила заранее фру Магда, обличённый фактически решающим словом, Глава Комиссии – всё тот же хэрр Ванавермайт. Его Алексей провёл к высокому мягкому креслу в центре, уже сам.

Когда все «члены» с Боссом перездоровались, и все удобно расположились, Алексею вежливо предложили начинать.

Он кивнул фру Хельге – только её голос он посчитал замечательно подходящим для комментариев к изготовленным изделиям. (Да и говорила она по-ангальски куда чище и внятней, чем он.)

Сухошавая женщина вышла вперёд:

– Добрый день! Уважаемый господин Председатель! Ува-

жаемые господа члены Комиссии! Сегодня мы имеем честь представить вам изделие, спроектированное в нашем Ателье для летнего сезона две тысячи... – речь буквально слово в слово воспроизводила образец, отработанный тут, как понял Алексей, куда больше, чем за тридцать лет. Затёртый буквально до дыр черновик хранился, где и всё особо ценное: в любимом старом сейфе. И, похоже, передавался из поколения в поколение. Как древняя реликвия. Которую надо хранить. И свято «заветам» следовать, не меняя ни слова...

Да и хорошо – если модельер должен быть новатором и «творческой» натурой, бюрократы, принимающие Большие Решения должны быть... Реалистами-прагматиками. К тому же – верно информированными. Так что никаких новшеств в основную часть «спитча» Алексей решил не добавлять – пусть пока слушают, то, к чему привыкли, неспешно и еле слышно обсуждая друг с другом фотографии исходного экземпляра.

Впрочем, много времени вступление не заняло: буквально через пару минут на подиум уже выходила Гудрун: в образце, с которого, собственно, всё и началось. Фру Хельга очень внятно выговаривала все характеристики и параметры, особый упор сделав на ориентировочно рассчитанную цену всех материалов и аксессуаров, и стоимость производства «ограниченной партии» с учётом трудозатрат, амортизации оборудования, и т.п.

Гудрун выполнила свою «функцию» великолепно – про-

шла именно так, как хотелось бы Алексею, и дала насладиться своей... Ну, тем, чем Алексей и сам наслаждался, но – в более приватной обстановке: неподражаемой грацией, назовём это так. Всё же он ощущал немотивированную ревность к старым кобелям, что нагло пялились сейчас на «его» девушку, мысленно наверняка раздевая и облапывая её – он не мог не почуять волны пусть слабой, иногда с привкусом горечи от бессилья, но – похоти!

Чёрт... Похоже, он добился даже большего, чем рассчитывал.

Нет, подождём с выводами – впереди ещё Софи и Мими!.. Когда фру Хельга чеканными внятными фразами продолжила «презентацию», в рядах двадцати двух мужчин явно обозначилось удивление и некое замешательство – никто явно не ожидал чего-то ещё. «Продолжение» программой явно предусмотрено не было. Однако слова о возможной дополнительной линии производства и потенциального рынка сбыта у «другой целевой аудитории, с другим уровнем благосостояния, и в другой возрастной категории» не могли их не заинтересовать. И заставили снова обратить своё драгоценное внимание к подиуму.

Софи и Мими не подвели: вот что значит – профессионалки! Пусть до царственно-величавой грации Гудрун им было и далеко, однако Алексей отводил им совсем иную роль: по его сценарию более молодые девушки должны донести до аудитории совершенно другую мысль!

Другие расцветки, материалы и аксессуары, (Аарон, по его заверениям, облазил все лавчонки в поисках страз и брошек, нужных Алексею) и лёгкая – а вернее – легкомысленная! – походка должны были отобразить торжество Молодости и воплощённую непосредственность самой Весны...

Алексей напрягся: члены Комиссии явно оказались в замешательстве!

Отступление от регламента и традиций не то, чтобы совсем уж вызвало шок... Но «многоуважаемые члены», то опускавшие недоумённые взоры к фотографиям, то поднимая их к подиуму, переглядывались и перешёптывались гораздо чаще, и явно нуждались в чьей-нибудь направляющей воле, и компетентной консультации. В частности – будет ли такое направление и тенденция в политике Корпорации... Прибыльным!

Сам Алексей неотрывно смотрел на хэрра Ванавермайта: решающее слово наверняка останется за ним! А по виду матёрого чиновника ну никак невозможно было вычислить – понравилось ли ему, и оценил ли он предложения, высказанные нейтрально-деловым тоном... Ничего не скажешь – тоже Профessional! Тут не то, что шпион – друг, или даже жена не догадается, что у съевшего на этом деле собаку бюрократа на уме.

Около минуты «хэrr» Алексей чувствовал себя буквально как карась на сковородке. Пот с него так и лил – приходилось утираться давно посеревшим платком. Фру Магда – вот

уж спасибо! – незаметно передала ему свежий. Как вовремя!

Наконец хэrr Ванавермайт решил всё дело, встав:

– Хэrr Мастер. Уважаемые фру. Прошу вас пока удалить-ся. Мы должны обсудить... Хм-м... Предложенные варианты. И выработать приемлемое решение.

Телевизионщики, словно только этого и ждавшие, начали сворачиваться.

Алексей же, помалкивая, и загнав опасения в самый даль-ний угол души, увёл всех работниц в свой кабинет – только он и кладовка-склад остались неразобранными. И только в кабинете остались стулья... На стулья он рассадил женщин, сам же остался стоять у сейфа, тупо пялясь в выкройки, ле-жащие на снова отпертой им верхней полке.

Зачем он на них смотрит? Почему волнуется, словно мальчишка на выпускном, собираясь пригласить на танец... Избранницу.

Хватит! Отвратительный пример для «подчинённых».

Снова заперев сейф, он, стараясь двигаться нарочито мед-ленно, чтобы не «вносить панику» в ряды своих сотрудниц, подошёл к помощнице:

– Фру Магда. Приношу запоздалые извинения, всё не со-брался выяснить... А раньше, до меня, кто-нибудь пробо-вал... Вот так, на свой страх и риск, изготовить дополнитель-ные варианты?

– О да, хэrr Алексей! Конечно, каждый Мастер старался разработать хотя бы ещё один, запасной как бы... Вариант.

Разумеется, – женщина тоном однозначно дала понять высокую оценку его стараний, – ни один из них не мог бы сравниться с тем... Кардинальным отличием, которое мы все наблюдаем от базовой модели у вас. И ни у кого до сих пор не хватало смелости использовать ткань другого цвета. А тем более – дешёвую.

Всё изготавливалось... Ну, скажем так: просто в двух экземплярах: чтобы то, что может не понравиться, как сидит на первой манекенщице, как-то сглаживалось... компенсировалось лучшим впечатлением от того же – на второй.

– Фру Хельга, фру Магда... Как вы считаете – удалось нам... Выразить основную мысль второго и третьего вариантов?

Фру Хельга подвигала крыльями носа. Алексей всё не мог понять: то ли она всё ещё сердится на него, то ли... Не хочет с ним работать?

Но оказалось – он сильно ошибся!

– Хэrr Алексей... Лучше я скажу вам в лицо, чем вы услышите какие-то сплетни!

Модели... – что-то в её глазах сверкнуло! – Превосходны! Они точно отражают именно возрастной момент. Платье на Гудрун – для солидных тридцатилетних женщин с приличным достатком, но желающих приуменьшить свой возраст. Те же, что на Мими и Софи – именно для молодых девушек. В них, в этих платьях, женственное начало просто... просто... Словом, его невозможно не заметить, и не оценить!

Вы – извините за грубое слово – наглый самец! Который хочет, и может из любой, даже самой заурядной девчонки – сделать королеву сексуальности! Чуть ли – не порно-звезду! Ваши модели не одевают этих девушек – а... А просто раздевают! Они – словно бы нагие! – она сжала маленькие кулачки так, что костяшки пальцев побелели.

– И я как профессионал, отлично понимаю, что вы сделали: обнажённая женщина абсолютно непривлекательна! Она... Да, не вызывает желания... быть с ней!

А вот вы умудрились создать такое впечатление... такую Загадку – что девушек хочется... Быстрее раздеть! Со всеми вытекающими последствиями! Сколько работаю, бьюсь над этой проблемой – и всё впустую! А тут вдруг появляетесь вы... Вчерашний, простите, мальчишка – и утираете мне нос! – фру Хельга вдруг шмыгнула этим самым носом, и закончила, уже сквозь рыдания, – Как же я вам... Завидую!!!

Она отвернулась к стене, и закрыла глаза ладошками. Вздрагивающие плечики приподнялись, всхлипы были чуть слышны.

Алексей не придумал ничего лучше, как подойти, и принять в объятия рыдающую взахлёб женщину.

Его «девочки» – он оглядел их извиняющимся взглядом сквозь тоже выступившие слёзы, (Проняло!) хитро, (фру Магда) и весело (остальные) улыбались. Мими позволила себе оскалить ровненькие зубки в ухмылочке:

– Да уж. В этом платье меня хотела *каждая* из этих ста-

рых макак – я-то *чую* такое!.. – она не могла не встать, и не вильнуть демонстративно своим самым привлекательным местом, – Хэrr Алексей. Вы, конечно, ворчливый, вредный – словом, настоящая свинья, когда в запале, но... В крое вы – явно гений! – и вдруг, – Можно, я вас поцелую?

Алексей так растерялся, что утратил дар речи. Даже понял, что вдруг сам-собой открылся рот, но звуки не вылетают... Поэтому просто кивнул.

Надо же!.. Вот что может сделать абсолютно крошечное исправление: всего-то на пять сантиметров укоротить длину подола, чуть приоткрыть одно плечо, чуть сильнее приталить, и разрез сделать подлиннее, и вот – нате вам...

Тут же к нему подошли и почмокали его в щёки и все остальные – даже швеи Липске и Нелле решили не отставать!..

Алексей с большим трудом удержал подступившие к горлу рыдания.

Господи! Как же долго он к этому шёл! К интересной работе, к *своему* коллективу, наконец, к признанию его способностей... Он постарался обхватить всех сгрудившихся вокруг него женщин, изо всех сил стараясь (Вспомнил-таки!) не улыбаться, и всё приговаривал:

– Спасибо, спасибо, мои милые! Как вы мне помогли! Это всё *вы* – сам бы я никогда... – и прочие глупости, которые Мастер обязан сказать, когда действительно доволен своими людьми. А он был не доволен – а чертовски доволен!..

И что бы там сейчас не надумали «старые макаки», он следующий шаг в своём становлении как Мастер, точно – сделал! Он чувствовал, знал это. Это передавалось и всем...

Разрядила обстановку фру Магда, предложившая всем, «раз уж они всё равно ждут», спуститься в столовую – она знает, где у повара хранится чайник и заварка. Да, за эту неделю все узнали, что во время работы хэrr Алексей поглощает этот напиток буквально литрами. Причём – остывший. Собственно, чай попивали и все остальные...

Действительно, после того, как девушки переоделись – Гудрун спокойно, а Мими и Софи всё же стеснялись: оглядывались на него, и пытались повернуться задом – они все, стараясь не шуметь, спустились вниз. Подойти к дверям и послушать, конечно, подмывало каждого из них, но... Это казалось унижительным – подслушивать. Придёт время – они и так всё узнают.

Чайник закипел почти мгновенно, и через пяток минут они, сдвинув два стола, уже обсуждали шансы на промышленную партию новых платьев, потягивая обжигающий, восхитительно пахнущий напиток. Кстати – Алексей обратил внимание, что вкус чая здесь совсем иной: более... насыщенный, что ли. Потом догадался, в чём дело: конечно, уровень моря. Значит, вода кипит действительно при ста градусах, соответственно, и крепче всё заваривается!

Одна из швей – фру Нелле – высказала мысль, что, ско-

рее всего, решение будет обычным: основную базовую модель признают удовлетворительной, и запустят серией в двести три тысячи штук, а «молодёжные» завернут – как слишком вызывающие, и «не соответствующие менталитету фирмы».

Алексея тоже грызло сомнение: про менталитеты и прочие прибабахи чиновников он знал не понаслышке. Поэтому покивал. Потом и сам сказал:

– Знаете, фру Нелле, я с вами соглашусь... Второе и третье платья – я (Вы уж, дорогие дамы меня простите!) делал больше для себя. Мне... хотелось посмотреть – правильно ли я увидел возможности... Или, как сейчас выражаются – потенциал фасона. В-смысле, как можно раскрыть его по-новому, не столь консервативно. С молодёжной, что ли, стороны. Да и для пожилых. Хм. Чёрт. Не знаю, как выразить это словами, чтобы было понятней...

– Вы наверное, хотели сказать – что в этой модели платья заложено больше, чем смог раскрыть сам автор, когда сделал только этот, базовый, вариант? – пришла на помощь фру Хельга.

– Да! Да – вот именно! Спасибо, фру Хельга. Возможно, впрочем, что автор и не ставил себе такой цели... Но – уж что получилось у нас – то получилось. И хоть я допускаю, что наши второй и третий образец «зарезут», всё же, согласитесь – мы создавали их не напрасно!

Тут все буквально загалдели, силясь и впрямь доказать хэру Мастеру, да и друг другу, что – да, *такая* работа ни-

когда не бывает напрасной! И они очень рады. И счастливы, что он не побоялся, и попробовал...

Алексей понимал, что его женщины всячески стараются вселить в него оптимизм, веру в себя. И призывают не расстраиваться сильно, если консерваторы-бюрократы всё к чертям собачьим зарежут: «это не от того, что модели плохи, а исключительно в силу бюрократических традиций, и всё того же Менталитета фирмы...»

Потрясающе! Уж такого тёплого, почти семейно-домашнего отношения к общему делу у него ни на одной предыдущей работе не было!

Может, как раз это странное, непередаваемое ощущение, эта атмосфера – и позволили ему раскрыть то, что, похоже, было зажато в нём раньше, как бы задвинуто в самый дальний уголок Души: то, что боишься, стесняешься показать, опасаясь насмешек, подколов, и издёвок...

В этот момент к ним спустился вахтёр. Зрелище чаепития его несколько удивило: брови поднялись:

– Уважаемый Хэrr Мастер... уважаемые фру... Вас просят вернуться.

Пока поднимались на второй этаж, ноги у Алексея только вот что не тряслись – он благодарно глянул на Гудрун: та изо всех сил сдавила маленькой ладошкой его потную лапу.

Он только и смог, что глянуть в огромные глаза, и кивнуть, хмуря брови...

Члены Комиссии сидели.

Алексей вывел своё воинство «на ковёр», и расставил вокруг себя, сам же расположился напротив хэра Ванавермайта, чуть потупив голову, и приняв самый невозмутимо-скромный вид, какой смог.

– Хэrr Алексейс, фру. Мы обсудили представленные нам модели, и сравнили с исходным образцом, – хэrr председатель стада чиновников указал на стопку фотографий на одном из незанятых стульев, – Заключение Комиссии составлено. – Алексей почувал, что пот уверенно проложил себе накатанную и широкую дорожку у него на позвоночнике.

– Первое. Соответствие основной модели исходной достигнуто. Она однозначно принимается в производство. (Хэrr Алексей, фру Магда. Будьте добры в понедельник к десяти подойти в Правление – мы обсудим детали производства и дальнейшие планы)

Второе. Дополнительные модели... – сердце Алексея словно сжала ледяная рука, – *Признаны перспективными.* Сейчас уважаемые члены Комиссии не могут, – хэrr Ванавермайт торжественно повёл около себя рукой. Наверное, это должно было означать представление всем дамам из группы Алексея этих самых членов! – однозначно определить перспективы производства их в представленном виде. Однако этот вопрос будет решаться на Большом Совете Директоров, где и будет принято окончательное решение.

До этого же момента я прошу соблюдать обычный режим

их хранения, работы и... мер безопасности.

Это – всё.

Хэрр Алексей. Фру. Благодарю за отличную работу. – дамы вокруг Алексея стали переглядываться, обмениваясь за его спиной довольными улыбками и шушукаясь. (Вот этого уж у женщин не отнять!) Однако хэрр Председатель, оказывается, ещё не закончил:

– Да, вот ещё что. В качестве... поощрения за проявленную оперативность и профессионализм, на понедельник всему коллективу, (кроме названных мной руководителей Ателье) – он сверкнул на этих самых «руководителей» начальственным взором, – предоставляется однодневный, полностью оплачиваемый, отгул.

Сейчас все свободны.

Хэрр Алексей, которого фру Магда невежливо пихнула локтем в бок, только сейчас вспомнил, и поспешил заполнить возникшую неловкую паузу, выйдя чуть вперёд, и снова вежливо поклонившись:

– Уважаемый хэрр Председатель! Уважаемые хэрры члены Комиссии! Мы благодарим за высочайшую оценку нашей работы! И заверяем, что... – текст он просто нагло зазубрил всё из того же потёртого стандартного образца, понимая, что есть такие формальности, которые надо соблюдать чуть ли не свято!

И это – не только дань консерватизму, а ещё и отличный способ вырлиться из любой штатной... да и нештатной ситуа-

ции. Потому что вариант – «Ателье обязуется всё исправить в кратчайшие сроки» в образце тоже имелся... На всякий случай. Но на этот раз – вроде, пронесло – тьфу-тьфу!..

Насколько у них «порядок», и «пронесло», его просветила фру Магда, уже после того, как они проводили всех «высоких членов», и отпустили, поблагодарив, заметно повеселевший «персонал».

– Хэrr Алексей. Вот теперь – поздравляю! – она дышала шумно, и видно было, что изо всех сил сдерживает довольную улыбку до ушей, – Вы – первый, кому за дополнительные, отличающиеся от базовой, модели, не открутили голову! А до этого я слышала только: «Иждержки на ткань, фурнитуру, зарплату швеям, и амортизацию работы оборудования будут удержаны из зарплаты мастера!»

Алексей растерялся так, что даже не нашёлся, что ответить.

Фру Магда успокаивающе похлопала его по руке:

– Почему не говорила? Ну, как вам сказать...

Я здесь всякого насмотрелась. (Я уж вам говорила.) Без ложной скромности скажу: *такого* здесь ещё никто не создавал – отталкиваясь от уже *готового* образца.

А попытки – были. Но добиться именно того, чего – скажем честно! – удалось вам, не удавалось ни-ко-му! А ведь многие Мастера были и старше, и опытней, и куда амбициозней... И ругались круче. – Алексей невольно улыбнулся,

уже вполне придя в себя. – Поэтому я – в шоке. Поздравляю ещё раз. У вас получилось.

Алексей не придумал ничего лучше, как крепко обнять профессиональную мастерицу. Он чуял – если бы даже Ателье осталось вовсе без мастера, кое-что прекрасно сделала бы и сама фру Магда. С помощью художницы, разумеется. Поэтому в её устах такая похвала звучала особенно весомо.

– Фру Магда... Вот теперь, когда девочек нет... Можно – я вас поцелую?! – и пока женщина не успела прийти в себя он запечатлел нежнейший поцелуй на сухой и уже чуть дряблой щеке, – Я... Даже не знаю, как выразить вам свою благодарность – за всё! А особенно – за ваш такт! Спасибо, что не сказали мне всего этого раньше...

– Да, я не говорила... – фру Магда подозрительно шмыгнула носом, – И я вам признаюсь.

Это произошло вовсе не потому, что я такая вот тактичная, и не хотела «отрезвлять» вас, чтоб вы опустили, может быть, руки... Нет – я тоже иногда бываю вредная. И мне вначале хотелось посмотреть, как вас макнут наглой, – она указательным пальчиком ткнула Алексея в лоб, – мордой – да в...

– Дерьмо! – закончил Алексей. Счастливой улыбки с лица он никак не мог убрать. Вот уж чувства *этой* женщины ему близки и понятны! Не то что его собственной родной матери... Ладно, проехали.

– Ну... примерно. Однако я сама не ожидала, что буду так

волноваться за то, что мы все тут успели наворотить... Так что – вот: я очень рада, что не сказала.

Однако – хэrr Алексейс! Вы уж будьте любезны – нос слишком высоко не задирайте!

«Хэrr Алексейс» беззаботно засмеялся и, обхватив за талию плотное невысокое тело, приподнял, и легко закружил вокруг себя. Фру Магда для вида повозмушалась...

А затем тоже присоединилась к его счастливому смеху.

Ночью Алексей спал просто отвратительно.

Всё-то ему мешало: и гудки кораблей, (на которые раньше внимания обращал не больше, чем на шум ветра в занавесках) и поскрипывания в стенах старого здания, и шаги по пустынной улице. Даже казалось, что матрац слишком уж мягкий, и он тонет и задыхается в нём, как в пуховой перине...

Не знал он, что такой нервный.

С другой стороны – чего ему нервничать?! Он, можно сказать, совершил подвиг – заставил заплесневелых формалистов признать хотя бы *возможность* по-новому подойти к специфике фасона! Показал этим матёрым консерваторам, что всегда есть возможность для другого, «свежего», «прочтения» стиля и направления... И ведь – пробил, похоже, лбом стену! (ТЬфу-тьфу, конечно... Но всё же лучше подождать с празднованием до понедельника...)

А если его Босс всё же решит, что не надо выносить всё это на этот самый «Большой Совет»?.. Алексей его и не осу-

дит, и не обидится.

Брехня.

Кому он голову морочит!

Обидно, конечно, будет до слёз. И не за себя даже – а за усилия всех этих женщин, что так дружно и сплочённо помогали ему, иногда явно через силу! Он же видел, знал – да, он не ангел в общении, и не всё получается так, как он хочет с первого... Да и – с пятого раза! Но всё равно: откровенного саботажа, или злобного интриганства здесь, в своём Ателье, он не встретил!

И не потому, что просто не ощутил соответствующих злобно-завистливых флюидов, и не из-за того, что вокруг – новые, незнакомые личности!..

Нет, он обычно очень тонко чувствовал человеческий в целом, и женский в особенности, коллектив – характер, настроение каждой дамы. Эмоции, словом!

Он даже не знал, с рождения ли у него такая особенность, или она благоприобретёна за годы общения с... Матерью. Да, она, хотела этого, или нет – научила чувствовать по малейшим движениям кончиков губ, крыльев носа, поворота головы – её настроение.

И он всегда знал – вот, сейчас его начнут «отчитывать». Неважно, за что: хотя бы за полученную позавчера, или неделю назад, тройку... Или за измятую рубашу. (А как её не изомнёшь зимой-то, под дублёнкой с чужого плеча, купленной подешевке!) Если у матери накатывало – предлог находился

тут же, и, в принципе, годился любой...

А «накатывало» у матери довольно часто.

Он заставил себя прекратить кусать губы. Повернулся на бок. Самокопание ему сейчас не нужно. А нужен ему хороший стимул, чтобы выдержать то, что предстоит в понедельник, и «вдохновиться» на дальнейшую работу. Работа – главное. Будет ли работа плодотворной и в охотку – зависит только от внутреннего настроя. Застарелая злость здесь не уместна. Мать не ставила себе целью развить в нём сверхчуткость на состояние духа других людей, но...

Но это ей очень даже удалось.

Поблагодарим же её хотя бы за это.

А для поднятия тонуса и «обретения» новых идей, посетит-ка он местный художественный музей...

До музея он добрался традиционно – пешком. (Кстати – надо бы переговорить с Аароном насчёт велосипеда! Да и деньги матери перевести со второй зарплаты.)

За вход отдал какие-то символические гроши – в кармане зазвенела мелочь со сдачи. Он непримянул рассмотреть наконец монетки. Надо же: почти новые, маленькие, блестящие – словно полированные, и симпатичные. Как и всё здесь – очень рационально отчеканенные. Даже без рубчиков по краям. Наверное, чтобы не продирали карманы.

Несмотря на раннее субботнее утро, в музее было весьма многолюдно. Пришлось даже подождать в очереди перед

входом. Ну правильно: все туристы наверняка рассуждали так же, как и он: пойдём пораньше – ещё никого не будет. Вот и посмотрим на всё спокойно, а – не толпясь и толкаясь. Сквозь застывших у шедевров фанатов продираясь...

Ну вот и посмотрел «не толкаясь»... Ладно, не критично. Главное – смотреть действительно нашлось на что.

В-первую очередь, конечно, великий Рембрант. Здесь даже имелось фото его дома, откуда его в конце жизни, несмотря на весь талант, за долги выперли кредиторы. И вообще – заклевали... Обыватели. А теперь вот – гордятся. «Национальное Достояние»! Конечно: когда уже умер. Посмертная слава Муниципалитету не стоит ни гроша! Нет бы – при жизни помогли. Алексей сердился. Было бы куда – сплюнул бы с досады за гения.

А пока продолжал внимательно рассматривать. И портреты, и жанровые сцены. И Рубенца. И Хальза. Здесь имелась подборка и итальянцев: вон – Тицуан, Караведжо... А вот и тьма картин мастеров «старой гелландской школы». Потемневшие кроны деревьев, от времени сплывшиеся в какой-то безобразный чёрно-зелёный комок, да коричневые до черноты, старательно выписанные ниточки ветвей деревьев... Выгоревшее потрескавшееся блёкло-голубое небо. Туманно-непонятная даль...

Не впечатляет.

Вон, у Рембранта: люди *живые*, абсолютно адекватные, если можно так назвать выражения боли, радости, надмен-

ной спеси, и всего остального, что схватила кисть этого профи. И – словно вчера писаны. Всё читается даже спустя столько веков, на лице: и пошлое чванство, (у «отцов города») и самодурство, и тупость, (Это – у женщин, которых автор явно не слишком сильно уважал...) и «необломанная» жизнью беспечность молодости юношей-девушек, и пьяный угар безбашенно-ироничного веселья – у сатиров...

Да, вот он – впечатлил Алексея. А старательно-кропотливые пейзажи – нет.

Обедал он в городе. Причём специально нашёл, и зашёл в тот самый ресторанчик, где они сидели с Аароном.

Очень вкусная еда. Тишина и спокойствие в зале. Отличный (Ну, то есть – традиционный: каналы и узкие разноцветные фасады...) вид из окна, у которого он опять занял место. Расплатившись, он накинул гульден на чай спокойному, как вода в стакане, официанту, и двинулся домой.

По дороге мысли как-то сами вернулись к работе. Да, «сдать» уже получившуюся модель было приятно. Интересно, когда состоится этот «Большой Совет»? И как пройдёт сдача размеров 48 и 50?.. Впрочем – фру Магда просветит. И позаботится.

А ещё интересно, что ему дадут «воссоздать» потом, после больших размеров Донны Карам?

И почему за всё время путешествий по городу он так до сих пор не видел ни одного интернет-кафе? Что, здесь все предпочитают работать на дому? Или...

Здесь нет интернета?

Ага – последняя мысль позабавила его.

Однако ему ни из кафе, ни из чьего-либо дома входить в сеть так и так нельзя.

А хочется. Хотя бы для того, чтобы скачать обновления рабочих программ. А то вон – фру Хельга до сих пор пользуется программой девяти... или даже – десятилетней давности. Жуть.

Дома он снова какое-то время пялился в телевизор. Затем не поленился – спустился вниз. Подошёл к уже почти привычному вежливо-непробиваемому портье:

– Добрый вечер...

– Добрый вечер, хэrr Алексейс. Слушаю вас. – портье даже чуть повернул голову, чтобы обозначить вежливый интерес.

– У меня в телевизоре только десять каналов. Нельзя ли мне убрать оба футбола, и заменить на каналы с новостями – ну, там, «Явроньюс», «Зи-эн-эн», или типа таких...

Портье остался абсолютно невозмутим:

– Прошу прощения, хэrr Алексейс. Мы транслируем всем клиентам-постояльцам только официальное кабельное телевидение. А там других каналов нет – только эти.

– А как же спутниковое? Неужели отель не может выделить деньги хоть на одну тарелку?

– Простите... На что? – портье даже приподнял брови, и

Алексей подумал, что его или не поняли, или вопрос не по адресу. Однако попробовал объяснить:

– Ну, спутниковое телевидение... На крышу ставят огромную параболическую антенну, две-три головки, и вот, пожалуйста: тысяча-другая каналов ловится свободно!

Так замечательно разыграть непонимание не смог бы ни один, даже самый талантливый артист: у портье буквально дыхание перехватило. Однако он превозмог себя:

– Простите, хэrr Алексейс... Мы здесь ни о чём таком не слышали. И никаких «парабеллических тарелок» у нас в отеле никогда не было. Или... Вы шутите?

Теперь уже «Хэrr Алексей» поборол естественное удивление и максимально быстро просчитал ситуацию.

Чёрт! Может, здесь нет не только спутникового ТВ, но и действительно – этого самого Интернета, через который все сейчас всё и ловят?! Может, Гелландия отказалась от этих (Ну, если подумать – то – да, сомнительных...) благ Цивилизации в пользу спокойно-размеренной мещанской жизни? Может, им плевать на всю эту нервирующую политику и сплетни, которые несёт в себе засилье масс-медиа, и они – банальные провинциалы? «Меньше знаешь – лучше спишь»?!

Он поторопился хоть как-то загладить промашку:

– Нет, это не совсем шутка... Просто... Так устроено телевидение у меня на родине – оно беспроводное... Ну, там сигнал передают *не* по кабелю... Короче, как радио! Ладно,

раз невозможно – не о чем и беспокоиться. Извините. – он кивнул, и двинулся к себе.

Уже за поворотом лестницы остановился и прислушался.

Точно – не показалось. Портье крутил диск старинного телефона...

Уже в номере Алексей обругал себя.

Болван чёртов! За каким ...ем ему понадобились эти новости?! Теперь портье – явный стукач на содержании Корпорации – доложит о его «странных желаниях». Ну-ка, вспомним Договор...

Тщательное копание в памяти, впрочем, успокоило Алексея. Ничего такого о запретах на телевидение вообще, и конкретные каналы в частности, там не имелось. Кстати: какого фига здесь нет канала «Фэшшэн Ти-Ви»? Ведь эта штука всегда транслирует самые свежие разработки – общедоступно и оперативно! Все новинки – в тот же год!

А... Может политика Корпорации как раз и построена на сокрытии свежих разработок – и они доступны лишь избранным!!! Готовым платить колоссальные бабки за то, чтобы выглядеть... Стильно и модно. Хм-м...

Разумно – в смысле, разумно *так* делать деньги. И выгодно. И доступно – только монополистам! Теперь понятно вполне однозначно – его Корпорация контролирует и телевидение. Чёрт.

А впечатляет.

Интересно: а кто конкретно решает – что можно, а что не нужно «пустить в народ»?.. И, похоже, он теперь знает, для чего здесь так ограничили доступ к информации.

Для миллионных прибылей. (Да и везде, впрочем, всё ради них же...)

Но само телевидение... Это же полная дурь – только из-за новых фасонов отключать целую огромную индустрию со спутниками и ретрансляторами... Неужели здесь государство соглашается упускать миллиардные прибыли от платных каналов?! Или...

Или здесь – как на родине: чиновники-бюрократы готовы на всё!.. Разумеется, если размер взятки подходящий. А, может, всё делают, как всегда, оправдывая – «благом самого Общества»?

Разумеется, с одной стороны нельзя не признать благотворное действие того, что передают, и пользу от того, что запретили: дома Алексея буквально мутило (И Аарон, напирая на это, разумеется, про это знал!) от всех женительно-скандально-разборных склок и сплетен Патлахова, Дусеевой, Кордона, и иже с ними... Вот уж поистине рейтингом на «его» ТВ командуют «озабоченные» домохозяйки, дорвавшиеся до чужого грязного белья, и замочных скважин в пятьдесят дюймов по диагонали...

Так что включив всё тот же футбол, он вполне мирно постарался приобщиться к прелестям спортивного азарта, обдумывая, не пролезли ли представители Корпорации – по-

просту – в местное Правительство...

А что – с них станется!

Разбудил его словно крик прямо в ухо! Причём визгливым, как у Гитлера, голосом:

– Диктатура! Контроль над сознанием!..Искоренить инакомыслящих!.. В концлагерь их!..

Он в панике открыл глаза и огляделся.

Ну точно – в номере никого нет, а он опять заснул перед экраном...

Да что же это такое, в конце-то-концов! Какая ещё «диктатура»? Здесь, в тихой и мещанской Гелландии, всё спокойно!

«Как в могиле» – подсказал гаденький шепоток, где-то очень глубоко притаившийся в подсознании.

Он вытер почему-то выступивший на лбу холодный пот.

Не-е-ет, это – не просто. Не может так быть, чтобы в целой явропейской стране транслировалось только то, что «официально» разрешило Правительство. А местное, насколько он знает – так и вообще: самое демократичное и плюралистичное! Тут даже гей-парады и однополые браки разрешены! Были. Вроде.

В чём же дело-то с этими «тарелками»? Да и ретрансляционными вышками для телефонов, раз уж на то пошло...

Ага! Есть идея! Вот он завтра, ближе к обеду, поднимется на самую высокую точку города – колокольню Собора! Уж

оттуда-то будет видно: есть ли в Омстердаме ретрансляторы и «тарелки»... По крайней мере на посольстве БША должна быть хотя бы одна!

Вид с высоты в пятьдесят метров открывался превосходный.

Панорама города впечатляла: действительно, почти Венеция! Мать её...

Алексей придирчиво изучал картину, открывавшуюся с колокольни. (Жаль, не догадался купить бинокль! А ведь видел в одной из лавок! Так что пришлось долго ждать очереди у чего-то вроде телескопа – один гульден!) Черепичные крыши, пережившие века, всё те же разноцветно-тусклые фасады, так намозолившие глаз, что хоть плюйся с той же колокольни, кое-где островки зелени, буро-зелёная вода в каналах и реке Омстел...

Странно. Действительно – ни одной привычно серой тарелки. Чертыхнувшись, он осмотрел всё ещё раз – нет, круглых предметов, выкрашенных в *другой* цвет, как он было наивно подумал, тоже нет! Щетинящихся излучателями ретрансляционных антенн операторов мобильной связи на крышах зданий, что повыше, тоже – ни одной... Пришлось уступить место следующему клиенту, наградившему его недовольным взглядом – ну прямо рублём подарил!

Где же «альтернативные» средства связи? Неужели это – государственная Политика?!

Может внутренний голос не так уж погрешил против истины – Диктатура?!

Бред. Да и при чём тут – диктатура? Просто... Вполне обычная цензура и борьба за... Ну, скажем, тихий мещанский омут. Без катаклизмов Мировой Политики. Стрессов от зрелища голодающих африканских детей. Наводнений. И взрывов с жертвами, за которые ответственность принимают на себя очередные группировки террористов... Проблем с беженцами. (Кстати! Почему, кроме соседа – «афроамериканцев» он здесь не встречал?! Как, впрочем, и аробов, или представителей так называемой «жёлтой расы» – вездесущих епонцев и кхатайцев?) Словом – культ тишины и покоя. Внутри одной, отдельно взятой, Страны...

Так что нету здесь диктатуры.

Он же живёт тут еле-еле пару недель. Вплотную рассмотрел лишь крохотную частичку ночной, и дневной жизнь столицы.

Но видел-то, в-принципе – достаточно!

Нет здесь никакого комендантского часа, патрулей на улицах, свежие газеты торчат из всех киосков. Да что там: он вспомнил, что и обычных полицейских видал всего раза три, да и то – с жезлом в руке на перекрёстках с оживлённым велосипедным движением – те наводили порядок в езде этих самых «педалистов»...

С другой стороны – никаких красочных гей-парадов и прочих проявлений «свободы личности», расписанной ему

друзьями, он-таки тоже не видел. Что, уже запретили?..

И вот ещё что вспомнилось ему: ни у одного из прохожих, или даже туристов, он не видал мобильных. Фотоаппараты – да, этого полно. А вот телефонов – нет. Ни старых, маленьких, ни новых – в ладонь, планшетников... Почему?

Неужели все, и местные жители, и вальяжно гуляющие по границам избалованные огромными пенсиями штатовские пенсионеры, добровольно отказались от этого удобнейшего средства связи?

Или сюда, в Гелландию, с мобильниками не пускают?!

Ну не может такого быть!..

Он изнывал от дурных предчувствий, и подозрений. А ну, как здесь – действительно Царство рабов: как в том же древнем Риме? То есть: Боссам, Правящей элите – всё: и телевидение без ограничений, и мобильники, и модные фасоны, и электронные новинки и гаджеты... А баранам-рабам, чтоб не бунтовали: информационный голод. Чтобы не знали, до чего дошёл Прогресс в передовых странах – хотя бы тех же БША.

Ну и как же тогда – «Права Человека»?!

Спускаясь по бесконечной винтовой лестнице, он опирался ладонью на шершавую стену. На туристов, поднимавшихся навстречу, смотрел во все глаза. Вдруг, повинувшись внезапному импульсу, вежливо остановил, чуть придержав за локоть одного из пожилых мужчин:

– Простите! У меня села зарядка. Вы не могли бы одолжить на минуту ваш мобильник?

Мужчина выпятился на него точно так же, как вчера портье:

– Простите – что?.. – Алексей постарался говорить чётче и серьёзней:

– Не могли бы вы одолжить на минуту *ваш мобильный телефон?*

– А-а, мой номер телефона в отеле! Вы хотите поселиться там?

Алексей покачал головой, и буркнув (впрочем, всё так же вежливо): «Извините. Уже не надо», продолжил спуск. Выйдя на солнце, он двинулся домой – а куда же ещё!

Ну и дела. Здесь даже не знают такого названия. Значит – точно. Нет каналов новостей, нет мобильной связи. И нет – можно голову прозакладывать! – никакого интернета. Хотя компьютеры есть. Применяются. Или – страшная мысль! – только в *их* Корпорации?!

Вот уж когда призадуматься: что происходит с окружающим миром? Куда его загнали работодатели?! Или это только Гелландия – Провинциальная дыра?! Или так...

Везде?!

Чушь какая-то. Ведь он же прилетел сюда на самолёте. Аарон провёз его на машине. Борзые телевизионщики его Показ отсняли: камеры (Он видел!) не из аналоговых, а последних модификаций – «цифра»... То есть – хоть какие-то блага цивилизации всё же есть. А на самые «продвинутые» – что? Запрет?

Никак у него концы с концами не состыковывались. Поэтому подходя к отелю, он надумал было позвонить Аарону – пусть-ка просветит. Насчёт «менталитета». И всего остального.

Портье заулыбался ему от самого входа:

– Хэrr Алексей! У вас в номере – гости!

– Да-а?! И кто же это?

– Это – хэrr Аарон, ваш друг. Он сказал, что подождёт вас. Поэтому я разрешил ему подняться... Э-э... Простите – надеюсь, я не превысил свои полномочия?..

– Нет-нет, всё в порядке. – Алексей поторопился успокоить беспокойно задёргавшегося было служащего, – Я ожидал его. Правда, не думал, что он придёт так быстро...

Перед дверью номера Алексей замялся было – не постучать ли ему. Потом подумал, что это глупо: перед тем, как войти в свой же дом никто не стучит.

Хэrr Аарон удобно расположился в его любимом кресле перед включённым футболом. Правда, звук стоял на минимуме – значит, не смотрел матч, а просто ждал.

Ждал его.

Навстречу Алексею Аарон поднялся:

– Здравствуйте, «хэrr Алексейс»! Простите бога ради, что вторгся к вам домой без приглашения. Могло бы получиться неудобно, если б вы пришли не один...

Алексей запоздало подумал, что его нервы почему-то в

таком состоянии, что вот об *этом* он в последние два дня вообще не думал. Что на него совсем не похоже. Видать, точно – перевозбудился от дурацких мыслей. И обстоятельств. Пожимая крепкую руку, он сказал:

– Вам не за что извиняться, Аарон. Дело в том, что я сам собирался вот сейчас звонить вам. Вы мне... Очень нужны. Прошу – присаживайтесь снова.

Вдруг вспомнив об обязанностях хозяина, он предложил:

– Вы не возражаете, если я закажу нам чего-нибудь выпить?

– Нет, конечно! Благодарю.

– Что будете? – Алексей двинулся к телефону.

– Скотч. С содовой.

Странный заказ. Ну да ладно. Себе Алексей взял сразу бутылку сухого белого вина – такого, как всё в том же, показанном Аароном, ресторанчике. Оно ему очень понравилось.

Минуты две, пока везли заказ, они молчали – Алексей стоял у окна, невидящим взором уставившись в медленно текущую воду канала. Аарон не нарушал его раздумий.

Труди ввезла тележку с двумя бутылками, сифоном и чашкой со льдом. На него и его гостя смотрела, словно какая-нибудь Святая Евпатия на своих мучителей. Удалилась без повиливания. Хоть и с очередной красивой бумажкой в кармане передника.

– Не стесняйтесь, Алексей. Спрашивайте. – предложил Аарон после минуты молчания, когда они каждый «обслу-

жили» свои фужеры. Слегка ироничного тона с привкусом беспричинного веселья Алексей не мог не уловить. Он расценил это за плохой признак.

Точно – «Что-то прогнило в Датском королевстве...»*

* Цитата из «Гамлета».

– Аарон... Скажите *правду* – где мы? Это – другое... Время? Пространство? Куда меня забросила чёртова «Камера обследования»?!

Аарон, приподняв лёгкой изящной дугой брови, весело и беззаботно рассмеялся:

– А вы умны, Алексей! И кругозор-то ваш, похоже... пошире, чем у простого дизайнера одежды. Большинству на понимание требуется несколько месяцев. Или – лет.

А как вы догадались, что во всём виновата Камера?

– Это-то как раз было нетрудно. – буркнул, набычившись Алексей. Приятно, что его хоть не держат за барана, и не пытаются «втулить» про пресловутый менталитет... – Слишком мощная подстанция, и слишком долгое «сканирование»...

– Да, вы, конечно, правы. Но спрятать подстанцию весьма... Затруднительно. А строить перед, или – над ней чисто «декоративное» здание – накладно. Наши, знаете ли, хозяева, они... Очень экономные и прагматичные люди!

– Да, это я уже заметил. И консервативные к тому же. Не любят перемен...

– Этого не отнять! Да и хорошо. Здесь, в этом Времени,

нам такие и нужны.

– А вы, Аарон... Местный Резидент?

– Ну... Можно меня и так назвать. Вернее – я осуществляю координацию почти всех значимых процессов, событий, и ввозимых вещей, оборудования, и... Специалистов. В Амстердаме.

С вами... Я сразу понял – будет непросто. Вы молоды и наблюдательны. Думаете, я не заметил, как вы внимательно рассматриваете все фасоны – не женщин, которые здесь очень привлекательны, нет! – а именно – *фасоны!* И у вас на языке вертятся абсолютно преждевременные вопросы. Да. В тот момент – они были бы преждевременными.

Зато теперь, когда вы, «так сказать», освоились в среде обитания, и обнаружили кое-какие, назовём их – специфические особенности Социума, вопросы своевременны.

Задавайте же: обещаю отвечать правдиво.

Поскольку скрывать что-либо теперь смысла нет!

Ну вот он и подошёл к черте.

К черте, после которой, он чуял, не будет пути назад. Черте, которая злым Рубиконом поделит его жизнь на – До, и – После... А хочет ли он *действительно* – знать *правду*?!
Хочет.

Он заставил себя разлепить пересохший рот:

– Что это за... Время?

– Это – почти ровно два года *назад* от нашего, обычного.

– И... Как работает эта чёртова Машина Времени?

– Ха-ха-ха... – Аарон снова беззаботно и весело рассмеялся, откинувшись снова на спинку кресла, – нет, она не так называется. Хотя, в-принципе... Для этого как раз и служит.

Создал эту Машину, как вы, наверное, поняли, увидав надпись внутри, Никола Тёсла. (Мы эту надпись не трогаем – она нечто вроде... Священного талисмана!) Постройку закончил в 1938 году. Правда, он строил её не для путешествий во времени. Он хотел проникнуть в Параллельную Реальность.

Ну – мне ли вам объяснять: он был подлинный Гений с большой буквы – читал, как в открытой книге, в Информационном Поле Вселенной... Помните... м-м... Хотя как вы можете помнить... Это же он создал аппарат для дублирования, вплоть до мельчайших подробностей – любых тел – и живых и неживых?

Алексей вздрогнул. Дьявол его раздери!.. А он-то считал фильм «Престиж» дурацкой фантастикой! А вот, оказывается, нет дыма без огня...

– Так вот. Тёсла хотел узнать, чем альтернативные Миры отличаются от нашего, Стандартного, как он его назвал. Вполне, конечно, понятное желание гениального экспериментатора...

Ну вот он и попробовал. Благо, в средствах его спонсор никогда не ограничивал – знал, что отдача будет. И – колоссальная.

Однако тут выявился замечательный побочный эффект: во-первых, попадать можно только в мир, отличающийся от нашего на один, *целый*, хроноквант, (Да, Тёсла доказал таким образом их существование!) а во-вторых... Здесь, из-за каких-то проблем с местной луной, (Ближе она, что ли... И этим как бы замедляет вращение планеты – вот и накопилось... Хм... Отставание!) время Цивилизации как таковой опаздывает по сравнению с нашим. На два года.

Представляете?! Вот это простор, где можно разгуляться!

Сам Тёсла вполне... Заценил. А ещё больше заценил его шеф-покровитель, он же и главный благодетель и меценат: Джон Пирпойнт Моргант. (А ещё бы не заценить: все наличные и безналичные за использование переменного тока, на который у них были взяты Патенты, буквально рекой наполнили банки и... Ну, не важно что они там ему наполняли.)

Вы-то должны понимать: «акула», так сказать, рынка, сразу просчитала. Возможности. И потенциал новых территорий. Догадались? – Аарон кивнул, – Вижу, что догадались.

Всё верно. Моргант просто решил «оборудовать» себе персональную, «так сказать», Вселенную, где всем заправлял бы, и указывал, как и что должно быть – только ОН!!! И построить «Образцовую и Совершенную Цивилизацию»!..

Алексей дёрнулся, будто задела по обнажённому нерву больного зуба. (Внутренне, конечно. На лице сохранил вежливое удивление.)

Сколько фантастики про «параллельные Реальности» и

«Вселенные» он читал, или смотрел боевичков!

Это... Как оно называется-то... А, да – Альтернативная История!

Угораздило же вляпаться.

Хотя то, что он читал, или смотрел, вряд ли поможет – здесь-то!

Здесь придётся расхлёбывать лично, а не читать о чьих-то ужасных морально-этических муках. И глядеть на страшно «динамичные» приключения отважного Главного Героя, старающегося «восстановить справедливость», и кого-то там спасти, плетя заговоры, бегая и стреляя с обеих рук во всех Диктаторов-какашек...

Нет – с «бластером», или «калашом» он точно бегать не собирается! Да и в кого тут стрелять?! В бюрократов? В бюргеров? А в Бамерику, к чёртовым учёным, так просто не вернёшься – кто ему позволит?..

Аарон между тем весьма взбодрённым тоном продолжал:
– И ведь – исполнил! Хоть и был уже... В *очень* почтенном возрасте!

– Пойдите, Аарон... – этот вопрос должен быть задан. Иначе... Аарон подумает, что он не верит. – Я всё же не совсем улавливаю... Как?! Как можно повлиять на что-то **ЗДЕСЬ?!!!**

– Алексей, перестаньте. Вы же видели – этот мир, эта, назовём её всё же, как первооткрыватель – «Земля Вторая» – абсолютно реальна. И подчиняется *абсолютно* тем же физи-

ческим законам! И всем остальным законам – включая и социально-финансовые. Всё здесь – конкретно, материально и прочно! Ну а повлиять...

Знаете, я не открою вам Бамерику, если скажу: с помощью денег – особенно, больших денег! – можно повлиять на что угодно. Вот: наливайте себе, а я вам расскажу. Ну, вкратце, конечно...

Алексей закрыл обратно рот с так и не сорвавшимся вопросом. И сделал, как предлагал Аарон. Правильно. Нечего спешить. Его дело – слушать. А вопросы – только после очередной «лекции». Если появятся.

– В тридцать восьмом году Тёсла испытывал колоссальные трудности после первого же... назовём это – «путешествием». Во-первых, камера жрала, простите за грубое слово, недопустимо много электричества... Кажется, тогда остался на несколько часов без света весь этот самый Денвер, где она располагалась вначале.

Да и мало было пробить «Границу», сдвинувшись на этот самый единичный хроноквант. Главное-то было – вернуться назад! Но там, куда Тёсла попал бы, подстанции наверняка не было бы! Поэтому этот чёртов (Извините!) гений устроил для камеры независимое от Времени и места электроснабжение – то есть, куда бы сферу не забросило, питание продолжало поступать с единого, стационарно установленного, источника.

Нет. – Аарон снова жестом «заткнул» открывшийся было

рот Алексея, – Я не знаю, как это делается. Я же – не инженер! И не физик. Да, думаю, тут и они бы не разобрались. На трезвую голову у этого гения фиг чего вообще поймёшь... Ха-ха.

Словом, когда Тёсла впервые попал сюда, в Реальность-два, он оставался, разумеется, в Бамерике. Камера торчала на поверхности земли. А уж сияние, которым она «озарила», так сказать, всю округу в радиусе добрых ста миль, привлекло массу любопытных.

Вот расспросив понабежавших, Тёсла и понял, что здесь, то есть там, куда он попал, идёт не тридцать восьмой. А – тридцать шестой! Он вначале, как утверждают, растерялся. В том смысле, что машинка-то сработала не совсем так, как он задумал... Но потом понял: не может быть даже параллельных Миров, *абсолютно* во всём идентичных! Совершенных копий. Да и слава богу! А то – как бы он узнал, что попал хоть куда-нибудь, а не остался на месте...

Он вернулся назад. (Кстати – вы верно подметили. Само путешествие длится почти сутки. Ну, по бортовому времени. А хроноквант – это нечто настолько маленькое, настолько неуловимое... Я плохо понимаю – но выражается чем-то там с восемнадцатью нулями после запятой. С другой стороны – кто из наших домохозяек знает, как работает электростанция? И что – мешает это им включать холодильник или утюг?)

И вот уж Тёсла удивился: электричества его чудовище со-

жрало столько, сколько... Большой город. Как раз за двое суток.

Можете представить себе удельную мощность, необходимую для путешествий ещё дальше в прошлое? Какие уж тут динозавры – дай Бог до Наполеона добраться!.. А уж Будущее... Попросту недоступно!

Потому что когда Никола попробовал поменять полярность, (Ну, то есть, двинуться «в другую сторону времени»!) ничего у него не вышло – камера уткнулась в какой-то Барьер. Ну, читали же, наверное, «Конец вечности» Азимова?

Алексей покачал головой – нет, не читал.

– Да и ладно. Смысл тот, что там люди из Будущего якобы оградили себя и свой Социум от посещений варварскими предками – чтобы те чего-нибудь у них... Не нашкодили. Или – не спёрли. Себе же на погибель. Ну а здесь – Тёсла доказал – совсем другое...

Нет там, в этом «направлении», *никакого другого Мира!* Почему? Тёсла не сообщил. Да мало ли: может, в эту конкретную наносекунду Вселенная не народилась. Может, всё взорвалось от некоей катастрофы планетарного масштаба. Может, земля там уже распылена на атомы... Не знаю. Тёсла-то, конечно, точно знал... Но, говорю же – помалкивал себе в усы. Впрочем, что это за Гений – без роковой Тайны!..

Однако своему боссу-финансисту всё про этот Мир подробно рассказал, и объяснил, как смог. Что тут, и как.

Не сомневайтесь: Пирпойнт-то младший – (Даром, что

младший! Не представляю, чего бы сумел наворотить этот мерзавец, не слишком разборчивый в средствах – его папочка!) подумав примерно три секунды, полностью оценил потенциал открытия. И даже выволочки за сожжённое электричество изобретателю не устроил.

Зато задал массу вопросов практического свойства.

Особенно насчёт массы, которую можно перевозить за один такой «скачок» внутри сферы. Ну, Тёсла его и просветил: затраты энергии на перенос *любой* массы внутри сферы неизменны – будь там хоть одно куриное пёрышко, хоть сотни тонн золота... Кстати – вы правильно догадались, Алексей – вижу по вашим глазам!

Вот после того, как Пирпойнт совершил путешествие лично, переговорил со своим, мгновенно врубившимся в его План, «побратимом» – ну, то есть, местным Морганом! – золото он к нему и переправил! А после кризиса, закончившегося там (Ну, то есть – тут, у нас с вами!) буквально три-четыре года назад, золото было очень даже в почёте.

А ещё в большем почёте была бесценная информация: уж Моргант с Земли-один знал, какова динамика ценных бумаг на Рынке, и во что следует немедленно вложить деньги! На местной бирже несколько лет царил та-акой переполох!..

Словом, эта сладкая парочка за три года, то есть, до сорокового, успела прибрать к рукам до шестидесяти процентов всех ценных бумаг в сфере промышленности, и начать контролировать половину всех мировых финансовых струк-

тур... И всё у них шло отлично. Но!

Вмешалась Вторая Мировая. И Моргантам совершенно ни к чему было покушение на их новую собственность в Явропе, завоёванную, можно сказать, «честным» путём, без единого выстрела! Да что я вам буду рассказывать, когда есть люди и поискусней – вот!

Аарон вынул из широкого кармана и выложил на стол весьма потрёпанный чёрный томик в расплзающемся переплёте.

– Это – запрещённый сейчас учебник для восьмого класса. По новейшей истории. Этого мира. Чтобы не смущать умы, и не будоражить людское воображение, история сейчас...

Упразднена. Нигде не преподаётся. Как, кстати, и алгебра. И химия, и физика, и биология, и... Морганты не без оснований надеялись, что людьми «без корней», то есть – без знания о прошлом, и общегуманитарных, так сказать, знаний, управлять будет куда легче.

Всё верно. Так и оказалось. Знания подавляющего большинства населения вокруг вас – на уровне средневековья. Или даже, я бы сказал, чуть ниже. – он постучал ногтем по корочке томика:

– Так что прочтите, чтобы я зря не «расточал перлы своего красноречия». А верней сказать – тут всё дано куда доходчивей, и последовательней, чем я смог бы передать. С этой книгой знакомились и ваши предшественники. – Аарон по-

смотрел весьма выразительно.

Алексей облизал пересохшие губы, снова механически отхлебнув из бокала. Проклятые бамерикосы. Они-таки навязали всему миру свою тупую и ничему не обучающую систему образования, когда человек после школы еле умеет читать. И читать вовсе не хочет, а хочет только комфортно жить, жрать, и... То, что рифмуется с этим словом.

Раньше это называли бездуховностью. Мещанством. Обывательщиной.

Но вот оно и победило на всех фронтах так долго культивируемую в его стране Духовность и «всеобщую грамотность»...

– Аарон. – Алексей вынужден был в очередной раз сглотнуть – в горле всё равно, несмотря на вино, пересохло, – А... что случилось с моими... предшественниками? Где они? Только пожалуйста, – он тоже поднял руку, – не надо говорить, что их всех «перевели в Парис на повышение».

Аарон помрачнел. Если можно так назвать простое «стирание» нарисованной улыбки с натренированного лица. Но всё же ответил:

– Алексей. Я вам отвечу честно. Двое, пожив здесь четыре, и, соответственно, девять лет, покончили с собой. (Кстати, как раз после второго мы и решили – давать всем новоприбывшим ознакомиться с *правдой* по возможности быстрее, до того, как они...)

Один (франзусский, кстати, кутюрье) – запил, и мы са-

ми... определили его в дом для престарелых. Здесь. Сейчас-то он уже... – Аарон воздел глаза к потолку.

– И ещё двое – действительно переехали: один – в Парис, он там теперь заведует фирмой, организующей показы элитной моды. Ушёл, то есть, в топ-менеджеры... А второй теперь кинорежиссёр. Да, вот открыл в себе такие «таланты». Ну, ему там, в Голливуде, неплохо: он переснимает все те фильмы, которые помнит... Успех, кстати, бешенный!

Вот его приходится иногда... Тормозить и корректировать – вы, наверное, заметили: мы стараемся поддерживать здесь несколько патриархальные и мирные нравы!

– Да уж, заметил... Так геев всё-таки *вы* запретили?

– Ну... можно и так сказать. Хотя правильнее всё же – не «запретили». А переориентировали. На «норму». Не скажу, кстати, что оказалось трудно... (Алексей подумал: ещё бы! С технологиями и «методами» *их* Цивилизации!) Словечко «менталитет», наверное, у вас навязло в зубах – но именно его-то мы и стараемся поддерживать на уровне... Скажем так: нравственных устоев девятнадцатого века. Всё как-то чище и приличней!

– А скажите, Аарон... Вот чтобы все... вели себя... Хм-м. *Прилично* – ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ С ЛЮДЬМИ?!!!

На этот раз Аарон молчал куда дольше. Не то, чтобы вопрос снова вспотевшего Алексея застал его врасплох, но... Рассматривая янтарно-коричневую жидкость в бокале, резидент явно думал: можно ли вываливать на голову ценного

работника ещё одну порцию «сразу всего». Не окажутся ли последствия от «правды» хуже, чем от «замалчивания».

Однако всё же ответил. И голос звучал уже спокойно. Без экзальтации:

– Да, я вижу – вы уже догадались и об этом. Как и по тому, что я так долго молчал, сообразили, что попытка соврать окажется бессмысленной. – Аарон вздохнул, глаза поднялись поверх бокала на Алексея. Затем мужчина чуть приподнял руку, произнеся:

– Будем здоровы.

Алексей последовал примеру собеседника, отхлебнув добрый глоток.

– Методику разработал, как ни прискорбно объявлять, врач из концлагеря Майданек. Фамилия его была – Ламм. Даже не «фон» – просто – Ламм. В сорок четвёртом году. Мы её... Позаимствовали. Следы там, на старой Земле, уничтожили. – Аарон снова помолчал, глядя уже не на Алексея, а в окно.

– Смысл воздействия в том, что сразу после рождения младенцу... Делается, как мы его называем, «Профилактический Прокол». Мы везде трубим, что это предохраняет от эпилепсии, болезни Альцгеймера, и прочих неврозов...

Ребёнку вводится острая тонкая игла в определённую область лобных долей мозга, прямо сквозь мягкий ещё череп, и... Ну, неважно – технические детали вам ни к чему.

Это совершенно безопасно, но... Творческий потенциал,

инициатива, агрессивность... И кое-какие ещё проявления яркой индивидуальности – пропадают.

Навсегда. Получаются идеальные... Рабы. Биороботы. (Простите, Алексей – я всё же буду называть вещи своими именами! Иначе вы, как умный человек, можете заподозрить, что я недоговариваю. Или – просто лгу.)

Да, эти люди могут жить как все, хотят жить как все... нормальные. Обыватели.

И отлично работают. Они – вполне квалифицированные работники в любой сфере, так сказать, промышленности и сельского хозяйства... Они отлично обучаются почти любой профессии. Очень послушны. У них и мысли не возникает ослушаться начальства!.. Выразить недовольство своей судьбой или социальным порядком, строем... Но.

Да, всегда и везде бывает эта гадость: зловерное – «Но»...

Естественно, вы уже догадались: да, они абсолютно безопасны и неагрессивны. Но – не могут *создать* НИЧЕГО ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО!!! Ну вот пропадает у них эта самая, волшебная... не знаю как её правильной назвать... Способность. Черта. Талант... Креативность, словом.

Чёрт возьми – из-за этого нам и приходится сейчас импортировать людей со старой Земли! Земли-один. – Аарон чуть задохнулся от слишком бурного спича.

Похоже, это действительно важная проблема. Низвести всех до положения рабов, а потом удивляться – чего это они

«не творят»?!.. Жёлчь подступала к горлу.

Но Алексей...

Молчал, ожидая продолжения. На собеседника он смотрел исподлобья, играя желваками.

Само слово «концлагерь» проняло его до мозга костей – его прадед, польский еврей, погиб в Трешлинке. Так что реальность, где применяют методы нацистских врачей-ублюдков не могла ему слишком сильно понравиться.

– Я знаю, о чём вы сейчас думаете, Алексей. – сказал вдруг Аарон, глядя ему прямо в глаза. Стыда или даже малейших следов раскаяния в расширенных зрачках не было и в помине! – Что мы – варвары. Беспринципные мерзавцы, «кастрировавшие» и лишившие Будущего целый Мир!

Поверьте – это не так.

Мы поступили с этим Миром... *Ещё хуже.* – закушенная до крови губа и побелевшее лицо сказали Алексею, что это правда. Во всяком случае, таковой её считает Аарон.

– Однако давайте продолжим нашу беседу позже. Смысл в ней появится только после прочтения вами вот этого. – он снова похлопал рукой по затёртому томику.

Прощались без ставшей уже почти привычной теплоты.

Алексей обратил внимание, что и сам не слишком сильно сжимает крепкую ладонь, и Аарон не слишком усердствует. Некоторая неловкость где-то в глубине души его «Резидента» всё же ощущалась.

Не улучшили настроения Алексея и слова, вполголоса брошенные через плечо, когда Аарон уже стоял за порогом: – Вы умный человек, Алексей. Не осложняйте же жизнь местным обитателям.

Они-то искренне полагают, что счастливы. И – свободны.

После того, как Алексей закрыл дверь за Аароном, он сделал то, что хотел давно – выключил чёртов бубнящий телевизор.

Прошёл в спальню. Вынул из шкафа с бельём свежую майку и сорочку. Сменил промокшее почти насквозь бельё. (Блинн. Пора стирать!)

Он ощущал почти физическую боль.

Он добивался Правды. А Правда...

Правда...

Она всегда режет по живому.

Когда он вернулся в гостиную, книга лежала посреди столика, словно равнодушно взирая на него. Алексей же ощущал, что содержимое её – похлеще укуса гремучей змеи. И содержит не ведро – а бассейн помоев.

Поэтому оттягивал знакомство до тех пор, пока это не стало неизбежным: его бутылка опустела.

Тогда пришлось включить настенный светильник, и взять томик в отяжелевшую руку. Сказать, что Алексей за этот час многое передумал, невидящим взором вперившись в окно – значило ничего не сказать.

«Учебное пособие по новейшей Истории для 8 класса под редакцией...» – шла одна фамилия главного научного светила, и ещё семь просто авторов. Алексей перевернул титульный лист. Год издания – 1961. «Методику работы с Учебником» он пропустил.

«Глава 1, Параграф 1. Краткое описание политической обстановки, сложившейся в мире накануне Второй Мировой Войны». – он пока просто проглядывал страницы. Отстранённо-заторможенный взгляд просто выхватывал отдельные фразы.

«...коммунистическая Партия империи СССР, под руководством своей жидо-масонской верхушки, так называемого Политбюро, использовала все возможности, чтобы распространять и пропагандировать свою преступную доктрину «власть – неимущим». А очевидные успехи в промышленности, достигнутые усиленной эксплуатацией трудящихся, ослеплённых пропагандой и обещаниями «светлого будущего», позволяли вводить в заблуждение малоимущие слои населения и других стран, создавая видимость растущего благополучия, и реальной возможности такого управления страной абсолютными невеждами в методологии такого управления, и...

...идеологическое влияние, и таким образом стимулировать внутренние центробежные процессы в Правительствах и рабочем движении Центральной Европы, приведшие бы к общемировой социалистической революции. Не гнушаясь

такими грязными методами, как подкуп, шантаж, и не гнушаясь циничным физическим устранением неудобных противников этой доктрины, и несогласных с ней лидеров этих стран, эта империя...

... демократические силы Альянса, наконец, сплотились вокруг признанного лидера оппозиции коммунизму, в лице Канцлера Лармании Адольфа Нитлера, и единым фронтом выступили за всеобщее разоружение в...

Разумеется, вначале последовали мирные инициативы: на Конференции в Гааке был выдвинут Ультиматум.... Делегация Советов под руководством Молоткова покинула... угрожая экономической блокадой. А в случае продолжения санкций – и применением непосредственно военных действий вплоть до вооружённого вторжения в... Критическая зависимость промышленности Явропы от поставок нефти, стали, леса и угля вынудила продолжить переговоры уже в...

...никого не удивило, что на все исключительно цивилизованные инициативы и предложения Западного Альянса последовал грубый и агрессивный ответ: советские бомбардировщики нанесли варварский удар в самое сердце беззащитной Пыльши, разбомбив её столицу Варжаву. При этом погибло более восьми тысяч ни в чём не повинных...

...сопротивление варваров было окончательно сломлено в августе сорок третьего, когда доблестные войска Вермахта в тесном взаимодействии с войсками союзников достигли и преодолели исторически обозначенную границу Явропы и

Азеи – Урельский хребет. Когда были разбомблены, а затем и захвачены основные заводы, производившие вооружения, и уничтожено Правительство, окопавшееся в Ново-Сибирске, организованное сопротивление практически...

...однако вынуждены были ещё три года методично производить зачистку территории от отдельных очагов местного партизанского сопротивления: большевистские фанатики упорно продолжали подстрекать оставшееся местное население, организовывать диверсии, взрывать свои же заводы, и совершать жестокие массовые убийства мирных ларманских колонистов...

... признали допустимым применение химического оружия для полной очистки от партизан, скрывавшихся в девственных лесах Белагуссии и Сибири... К 1949-му году последние очаги организованного сопротивления были практически ликвидированы, и жизненное пространство стало возможно осваивать. Был разработан план по рекультивации и переориентации основных отраслей сельского хозяйства, позволивший за считанные годы спокойно и последовательно повысить урожайность, и увеличить объём продукции в...

...однако имперские интересы Епонских милитаристов, уже практически поголовно истребивших к этому времени мирное население Жайтая, однозначно не позволили решить все эти многочисленные пограничные конфликты мирным путём... Жестокие бои возле печально известного Таталинграда... Потери к 54-му году составляли чудовищную циф-

ру – до 11 миллионов у Объединённых сил Альянса, и до 8 миллионов Епонских солдат. Длина фронта доходила до пяти тысяч километров, и только превосходство в технике позволяло...

Все попытки призвать стороны к переговорам провалились, как и...

...вместо этого стали угрожать объединить свои силы для нападения на суверенную территорию БША, чтобы, по заявлению Главнокомандующего Ешидо Мияки, «Заставить этих чистоплюев ощутить на своей холёной шее сапог доблестного Епонского солдата, и насладиться зрелищем руин их чистеньких городишек»...

...массированный удар новым гуманным оружием... Все эти крупные промышленные центры и города буквально в мгновение ока оказались стёрты с лица земли вместе со всеми жителями и заводами оборонной промышленности... Повторные удары окончательно...

...из-за разрушенной инфраструктуры, эпидемий сибирской язвы, холеры и воцарившегося хаоса, постепенно вымерли, и через точно определённые Международной Организацией Здравоохранения сроки, очищенные от варваров территории снова можно будет заселять – уже гражданами Оплота Демократии и их верными союзниками. Разумеется, только после снабжения колонистов всеми необходимыми прививками...»

Алексей долго пялился на чёрную обложку закрытой книги.

Брехня. Состряпанная по чьему-то политзаказу, удобная, и угодная теперешнему Руководству БША, брехня.

Но – судя по всему, всё равно опасная! Иначе не запретили бы и её...

Господи! Неужели здесь, в этой чёртовой Реальности на месте его Родины и двух третей Азеи и Явропы – радиоактивные и заразные руины?! Это же... Чернобил – но уже Мирового масштаба!

Он снова открыл книгу, перелистал до заднего форзаца. Точно! Вот карта.

Красным закрашено буквально всё на самом большом континенте, Явразии: от тоненькой кромки, оставшейся на побережья – Скендинавия, часть Бальгии и Гелландии, Франзии и Аспании – можно смело абстрагироваться. (Как ещё сохранился чёртов Парис – бомбу, что ли, из ностальгических соображений кто-то из старичков-политиков, вспомнив бурную молодость, пожалел?!)

Можно не сомневаться – на поражённой территории все мертвы. Если не от голода, болезней, и ядов, так от остаточной радиации. А сойдёт она не раньше, чем через ещё лет пятьдесят-сто...

Значит, если он правильно понял, пробежавшись «галопом по явропам», проклятая Лармания победила Россию: «Доблестные войска Вермахта дошли до Урала». Странно.

Как такое вообще могло случиться?

А-а, ну да: Пирпойнт же за два года знал – что и как пойдёт. Мог подкорректировать... Сука подлая. Тварь беспардонная. Свою «Империю» он, видите ли, захотел. Наполеон х...ев!.. С другой стороны, если вспомнить свежайшую историю...

Его родина пала не под ударами *Армий*. А в результате подлого развала *изнутри!*..

О, эти деньги! Всё покупается, продаётся, и... Подкупается.

Получается, Моргант столкнул лбами ССПР, с его коммунистическим режимом, и Ларманию с её фашизмом. А затем и победившую Ларманию – с Епонцами, захватившими себе тоже – «жизненное пространство». В Жайтае.

Ещё бы им не воспользоваться ситуацией: Жайтай в сто раз больше, чем их островки... Да и на Дальний Восток они всегда облизывались.

Захватили. Обосновались. А уже подступает «раса суперарийцев». Вот и встретились. Фанатики-камикадзе, и профессионалы, воюющие «по часам» – в восемь утра начинаем, в шесть – заканчиваем боевые действия...

Не-е-ет, с епонцами так не пойдёт! Достаточно вспомнить уроки Окинувы, и прочих, захваченных после Пирл-Харбор-на островов Тихого океана: даже если епонцев удалось выбить откуда-то – можно не сомневаться: они забрали столько же жизней, сколько потеряли сами... Или – ещё больше.

Догадаться, кто столкнул «победителей» лбами – нетрудно.

Всё та же яврейско-банкирская мафия, которая в своё время создала «национальный Резервный Банк» чтобы диктовать Штатам, а потом – и всему миру, свою волю...

Моргант, главный «глобалист», поучаствовал, само-собой.

Вот его страна всё это время и форсировала строительство перерабатывающих уран предприятий, накапливала ядерный «потенциал», строила авиацию дальнего действия. А когда «мудрые» специалисты по подсчёту «оптимального процента поражения живой силы» из Пендагона рассчитали, что – «Порядок! Концентрация будет достигнута!» – сразу спровоцировали конфликт между азеатами и чёртовыми арийцами...

А что – если Нитлер был ещё жив, чтобы «завести» его – много не надо!

Ну как же: на его «лейбенсраух», жизненное пространство, покушаются какие-то презренные узкоглазые! Пусть и бывшие союзнички...

Вдруг Алексею пришла в голову другая мысль.

Вот, значит, почему тут нет никаких браков между мужчиной и женщиной.

Это ведь Нитлер, сначала у себя, на родине, а затем и в оккупированной Явропе, все браки отменил. А «спариваться» местным (да и Ларманским) женщинам можно было только

с Избранными! То есть – призовыми кобелями-производителями из СС!

У которых «арийские предки» прослежены до 1750 года! И великолепная стать и здоровье!.. (Насчёт мозгов у этих производителей, правда, похуже. Но тут всё компенсирует слепая вера в непогрешимую правоту Вождя!!! И преданность. Личная. Ему же.)

Вот уж чёртова евгеника: предусматривала «улучшение качества человечества в целом»!.. А после разгрома и поголовного вымирания населения этой самой Лармании, Моргант наверняка решил, что для старушки-Явропы эти порядки и традиции очень даже подходят. Причём – без всякого СС. Просто вместо них теперь – Бамерикосы. Или вообще – мужчины. Которые хотят. И пока могут.

Да-а-а, пожалуй, здесь сейчас немного таких наберётся. Инициативных. Назовём вещи своими именами – похотливых. Озабоченных.

Всё им обломили. Лоботомией. И дедушку Фрейда можно выкинуть на помойку – неактуален.

Мысль, мечущаяся, словно капля воды на раскалённой сковородке, снова перескочила.

Интересно всё же – что там с огромной Сиберью? Не может же такого быть, чтобы хоть кто-то в тайге... Или хоть какие-нибудь чукчи в тундре – не сохранились?! Или...

Может?

Но не ехать же проверять, в самом деле?!

Он что, в одиночку возьмётся за восстановление великой расы росичей?.. Особенно – на мёртвых землях. Где если что и растёт – так это, наверное, пшеница в рост слона. И с зёрнами с теннисный мяч... А в листья лопуха можно заворачиваться вместо одеяла.

Алексея передёрнуло – словно получил на голову ушат ледяной воды.

Свинья этот Аарон – как ему после *такого* завтра работать?

А ведь работать всё равно придётся. Подписал на три года. И – о неразглашении...

Он прошёл в ванну. Долго стоял под тугими струями горячей воды, моргая, когда затекало в глаза. Думать и беспокоиться уже не хотелось. Слишком сильный шок он испытал.

Правда, заснул он, хоть и натошак, почти сразу. Может, виновато хорошее вино?

Однако злоупотреблять этим методом снятия стресса... Чревато.

Кабинет хэрра Ванавермайта, освещённый лучами утреннего солнышка, выглядел куда приветливей, чем вечером. Как и сам хозяин.

Алексей с фру Магдой сидели напротив друг друга за столом для совещаний, хэрр хозяин кабинета ещё раз просматривал на экране компа данные, записанные на флэшку фру

Хельгой.

– Неплохо, неплохо, хэрр Алексей. Очень грамотное размещение кроя. Сэкономим до шести процентов ткани... Значит, пара машинок и один оверлок останутся незагруженными? – это уже к фру Магде.

– Да, хэрр Ванавермайт, поскольку партия, согласно вашим указаниям, несколько меньше обычной.

– Ладно, приемлемо. Позаботьтесь распорядиться. Вся организация производственного процесса как всегда – на Дитрихе. Я пришлю его вам. После того, как будут утверждены фасоны размеров сорок восемь и пятьдесят.

Теперь вы, хэрр Алексей. – хэрр Босс перевёл глазищи, казавшиеся огромными из-за стёкол сильных очков, на мастера, – Руководство Корпорации в моём лице ещё раз выражает вам благодарность. За высокий профессионализм и отменное качество представленного вашим Ателье образца. Не сомневайтесь – ваши таланты будут оценены соответствующим образом. – он многозначительно чуть пригнул голову.

Алексей открыл было рот, чтобы поблагодарить и заодно поинтересоваться судьбой молодёжных моделей. Но поймав движение нахмуренных бровей фру Магды справедливо расценил это как тонкий намёк. И заткнулся, скромно потупив голову. И правильно. Босс не закончил:

– Теперь мы рассчитываем, что столь же... совершенными окажутся размеры сорок восемь и пятьдесят... Жду показа не позже... Скажем, конца следующей недели. А сейчас –

ещё раз благодарю, – вежливые кивки обеим, и – не смею задерживать.

В ателье, диктуя фру Магде, что ему понадобится на вторник, Алексей изо всех сил старался выглядеть обычно – деловито и сосредоточенно. Говорил, как автомат – почти не вникая в слова... Но профессионал одержал верх над испуганным беспомощным мальчишкой – заказал всё, что надо.

Девушек-моделей для окончательной доводки и подгонки уже готовых платьев больших размеров звали фру Анне-Лизи и фру Маргаретт. Никакого сравнения с Гудрун, или даже – с Софи и Мими... Ни тени живости или хоть каких-то эмоций в глазах. Прости Господи – ну коровы и коровы!.. Нет, всё у них было пропорционально, и талии имелись там, где им положено... Так что – не коровы. А – тюленихи. Или он – придирается?

Нельзя сказать, что работа с новыми девушками доставила Алексею большое удовлетворение: искры под пальцами не пробегали, даже когда он почти грубо касался сравнительно пухлых тел, одетых в уже сшитые по проектным выкройкам зелёные и красные макеты. Да и мысли всё время возвращались к воскресной беседе...

Может, поэтому в первый день ничего путного и не получилось.

Алексей с перекошенным (Это он случайно увидел в одном из огромных зеркал!) лицом всё отколол и послал... То

есть – отправил всех домой. Включая и фру Магду.

После чего сел за свой стол, сердито отпихнув чертежи и ключки. Обхватил разгорячённую и пустую голову руками. Он не стонал, но очень хотелось. Отчаяние и слёзы клоко-тали в груди, но проявить их ну никак нельзя – крохотные бусинки телекамер понатыканы и во всех углах чёртова Ате-лье...

Так он и сидел с полчаса, моргая, дёргая щекой, и утирая глаза, пока на раздался неторопливый стук каблучков. В ате-лье вошла фру Магда.

Она, с порога поглядев на красные глаза мастера, сразу на-правилась к сейфу. Открыла нижнее, совсем маленькое от-деление. (Раньше Алексей никогда не видал, чтоб оно откры-валось, и даже не предполагал, *что* там могут храниться за секреты, которые ему знать не положено.)

Фру Магда извлекла оттуда початую бутылку хорошего коньяка и две рюмки.

Первую выпили молча, даже не чокнувшись. Вторую – «за здоровье». Третью, как про себя усмехнулся Алексей – тра-диционно – за Женщин!:

– За вас, фру Магда! – фру Магда, наливавшая недог-нувшей рукой ему – полную, себе – половину, кивнула всё так же молча.

Когда в бутылке ничего не осталось, «хэрр» Алексей кив-нул:

– Спасибо. Помогло. Пусть всегда там хранится такое... –

он кивнул на сейф, – Полезное лекарство. Фру Магда... Вы до дому-то доберётесь?

– Да. Мне идти двести шагов. А вам я вызову машину Босса.

Вторник прошёл... Суетливо и, если можно это *так* назвать, бессмысленно.

К среде он каким-то образом собрался, и пришёл в норму. Конечно, ловил удивлённо-недоумевающие переглядывания «его девочек» между собой за спиной, но работал, стиснув зубы, и старательно. Правда, никому пока не улыбался.

Но только к четвергу, выпавшись, и немного успокоившись, смог вести себя как всегда – то есть ругался. Ворчал и капризничал. Придирался. Фру Хельга однажды сердито ущипнула его – когда он отчитывал «не так стоящую» Анне-Лизи. А фру Магда даже заботливо потрогала лоб – не заболел ли?!

Неделя выдалась суматошной и какой-то скоротечной.

Однако пятничный «показ» прошёл очень даже на уровне – его женщины сплочённым «боевым» подразделением помогли преодолеть и этот Рубеж. Если так можно назвать уже почти механическую работу – платья сидели на Анни и Марго, как он их уже называл, конечно, не столь эффектно, как на стройных Гудрун, и Мими и Софи, но здесь от него ожидали только чёткой посадки, а не «выпендрежа» с «новым видением»...

Заказ на изготовление Промышленной партии больших размеров фасона начальство разместило на «других предприятиях». Как понял Алексей, ничего про эти предприятия он никогда не узнает... Соображения секретности.

Субботу и воскресенье Алексей посвятил изучению томика и критическому осмыслению почерпнутого, под звуковой фон всё того же футбола...

Плохо. Никаких реальных возможностей для помощи тем, кто мог бы как-то сохраниться в убежищах, или выжить на отравленных и заражённых территориях, он не увидел. Как, собственно, и самой возможности. Там выжить.

Зато узнал, как Нитлер смог выиграть войну: киллер убил маршала Жухова накануне вторжения. Некому стало безжалостной рукой и трезвым мышлением организовать оборону, где все стояли бы насмерть... Запугал всех своих генералов дедушка Таталин, и никто не мог не то, что возразить глупым приказам – а и просто – пикнуть.

Головы полетели...

Правда, когда «Гений от стратегии» взял всё руководство на себя, дела пошли – хуже некуда! Но обвинять в просчётах и потерях теперь стало некого. Хотя дедушка, конечно, нашёл – кого. Командиров на местах...

Тридцать седьмой год повторился, и руководить Армией стало некому – даже сержанты и старшины перебежали к врагу: там, у ларманцев, хотя бы оставались шансы пожить пару

лет. Пусть и в Концлагере.

Поэтому в сорок втором, когда войска Вермахта докатились до Урела, Отец Народов поступил честно. Покончил с собой. В бункере под Новозибирском.

Так сказать, с точностью до наоборот...

Вечер воскресенья Алексей провёл в каком-то речном трамвайчике – плавал по мутным и пахнущим тиной, рыбой, и прелью каналам, пялился всё на те же разноцветные фасады, заросшие вьюнком и плющом, и вполуха слушал высокопарное восхваление достоинств исторических достопримечательностей крохотного буржуазного мирка.

Лёг в одиннадцать – завтра с утра снова получать «Ценные Указания...»

Он наконец почувствовал, как перевёрнутые мозги хотя бы частично «вернулись домой»: словно прошло похмелье от ощущения своего бессилия, гнева и отчаяния...

– Вот – второй образец, который вам предстоит... проработать. И воплотить. – губы, как обычно чуть приподнявшие кончики рта, показали что Босс изволит быть доволен, и не сомневается... и т.д. И точно, – Не сомневаюсь, что к его изготовлению вы отнесётесь так же творчески, как к первому. Единственно пожелание – чтобы... изделий в ином *стиле* было не более... Двух. – умудрённая голова чуть качнулась, – Вам всё понятно, хэrr Мастер?

– Да, хэrr Ванавермайт, всё понятно. – Алексей поспе-

шил взять с полированной поверхности стола пухлый заклеенный конверт, и восприняв вежливую улыбку как прощальную, поспешил поблагодарить за оказанное доверие, высокую оценку работы Ателье, и заверить, что они всем коллективом отнесутся максимально добросовестно, и работать будут кропотливо и... И т.д.

После чего они с фру Магдой удалились.

– Счастливчик вы, хэrr Алексейс. – прокомментировала фру Магда, когда они, традиционно пешком, уже прошли шагов двести в сторону Ателье. По тону её невозможно было понять, что именно она имеет в виду. То ли то, что у него не вычли из зарплаты, то ли – снисходительно-спокойное отношение к простою части оборудования...

– Почему, фру Магда? – он недоумённо взглянул на неспешно идущую рядом женщину. Но по её неизменному спокойно-деловому виду догадаться о мыслях, обуревающих пожилую помощницу, было совершенно невозможно.

– Ну, во-первых, потому, что не получили в прошлый раз традиционный нагоняй за «разбазаривание» материалов, и рабочего времени сотрудников... А во-вторых, конечно... Потому, что вы... Не видите препятствий!

Я объясню. – повернула она лицо с непривычно широко распахнутыми глазами к открывшему было рот остановившемуся Алексею.

– Возьмём, к примеру, меня. – они снова неторопливо

двинулись вперёд.

– Как вы наверняка уже догадались, я прекрасно могу воспроизвести любой фасон для любой модели. – Алексей автоматически кивнул, стараясь не перебивать, – И я так уже делала. С помощью фру Хельги, конечно. И фру Криспин. Ну, когда у нас по каким-то причинам не было Мастера – рабочий процесс тормозить нельзя. «Колёса должны крутиться», как говорит Глава Корпорации.

Дело в другом. Мои платья – стандарт. То есть, они точно воспроизводили все особенности кроя, посадки, отделки и тому подобную ерунду. Но я не обольщаюсь – я же видела, что это – не живая вещь, а просто... бледная, безликая копия. – она снова повернулась к нему, и Алексей с содроганием увидел на глазах слёзы, и услышал в голосе надрыв!

– Я – не Мастер! Я даже не... Помощник Мастера! Я, я... Просто – копировщица!

Могу скопировать. Да и Хельга может – сама!.. Да даже Криспин, вторая закройщица, может – не смотрите, что она такая тихая и незаметная!

Но ни в моей модели, ни в модели Хельги, или кого-нибудь ещё из нашего Ателье никогда не было... Да, боюсь, и не будет – ну, вот *этого* – искры настоящей Жизни!

Передо мной... да и всеми нами здесь – словно стоит огромная бетонная стена! Не перепрыгнуть, не обойти!

И мы можем хоть всю жизнь биться об неё лбами – и не пробить!

Ну не дано нам вот *этого* – сделать модель фасона – ФА-СОНОМ! А только – жалкой копией «исходного образца!..» Да что я вам объясняю: вы отлично знаете, что хоть вы и почти мальчик – извините! Уж будем называть вещи своими именами! – а не видите, не ощущаете этой стены! Для вас её попросту – *не существует!* И со всеми вашими ругательствами, ворчанием, высунутым языком, и пылом, вы – словно живёте в другом, *своём*, мире... И ведь только он, этот ваш мир – настоящий!

Женщина опустила голову, и достала из сумки платок. Промокнула глаза. Шмыгнула носом. Алексей шёл рядом и молчал.

У него самого глаза были на мокром месте – ДА!!!

Он-то понимал...

Понимал, что если отобрать у человека свободу, жену, дом, родину, прошлое, И ВЕСЬ ПРИВЫЧНЫЙ МИР, (Как и произошло сейчас с ним!) – да что угодно! – человек всё равно останется *человеком!* Потому что – при нём его ЛИЧНОСТЬ!

Его индивидуальность, память, таланты и привычки. Опыт. Ну... Словом – он сам! Как сформулировать? Способность к творчеству? Пресловутая «Креативность»?..

Но... Нет, не в праве он «раскрывать» кому бы то ни было здесь глаза.

На то, чего их всех на самом деле, лишили.

Но ведь главного всё же не лишили – осознания катастро-

фической нехватки своих, варварски отобранных, украденных возможностей и способностей!..

Как не вспомнить «Проданный смех!..»

Пусть фру Магда и не может понять, чего именно ей, да и остальным девочкам недостаёт – но она отлично знает, чувствует сердцем, что им всё же *чего-то недостаёт!*

Того, что есть в меняющихся, словно перчатки, сердитых, добрых, вредных и капризных, но почти никогда – не равнодушных к *делу*, Мастерах.

Инициативы. Агрессии. Желания сделать именно *по-своему*... Злости. Именно – жёсткой спортивной злости.

Это, наверное, всё же из-за внутреннего посыла, завышенных амбиций, комплексов, стремления во что бы то ни стало что-то доказать другим, а в первую очередь – себе, творческие натуры и творят! Кто-то сидит в его груди, (А вовсе – не в мозгу!) кто заставляет его сделать вот *так*, а не вот так – как *должно* быть, а не так, как задано стандартом и «Инструкцией»...

Или...

Нет, не может он так вот чётко сформулировать, почему он, кажется, понимает то, что творится уже чёрт его знает сколько времени, в душе этой (Да наверняка и других умных людей!) женщины... Но сказать...

Нет, он не скажет.

– Хэрр Алексей! Вы плачете?!?! О, простите! Я вовсе не хотела напрашиваться на сочувствие! – фру Магда, уже чуть

улыбаясь, со смущённым видом протянула ему свой мокрый платок, – Вытрите скорей! Не дай бог, на вахте заметят!

Алексей поспешил убрать из уголков глаз влагу, которая почему-то текла по щекам, проложив мокрые дорожки, и вздохнув, вернул платок. У него был, разумеется, свой, но он даже не подумал достать его, поняв, что обидит доверившуюся ему женщину. Да, она действительно открыла ему душу... Ну, или часть души. А он...

А он свинья.

Он отлично знает, в чём дело.

Но не скажет. И ничем не поможет.

Нет, нельзя ни помочь, ни открыть «Правду» этим несчастным. Обездоленным. Лишённым своего «Я», своего... таланта. Агрессивности. Шила в...

Своей Индивидуальности.

Если и сказать – они счастливей уж точно не станут... Но и промолчать...

– Спасибо, фру Магда. Почему-то я чувствую в вас свою мать. Она... Тоже вытирала мне слёзы обид. А обидно мне, – поспешил он поправиться, видя готовый сорваться вопрос, – за вас. Был бы я – Богом, я бы всем раздал *этого*... Правда-правда, всем-всем!..

Я... И сам иногда не всё в себе понимаю. Но вот так уж устроено: иногда даже в отличных условиях, когда сыт, здоров, и всё, вроде, в порядке... Начинаешь что-то делать – а оно не идёт! И точка!

А бывает – злишься на весь мир, в животе пусто, всё болит, и на душе – мерзость всякая. А станешь перед манекеном, и... Вдруг получается. (Тьфу-тьфу!..) Может, это какие-то магнитные бури на солнце так на нас влияют?..

Фру Магда хмыкнула. Покачала головой:

– Нет, хэrr Алексейс. Это – только что-то там. Внутри. У вас – есть, у нас – нет.

– Да нет, фру Магда. У вас тоже наверняка есть. Но... Похоже, вы выбрали не совсем то ремесло. Профессию. Может, стань вы, например, писательницей – и вашими книгами зачитывались бы все дети мира!

Фру Магда... рассмеялась. Хотя и не весело, но – открыто.

– Нет, хэrr Алексейс. Тут у нас профессию не выбирают. Её – *распределяют*. Наставники. Ещё в детстве, в Домах-интернатах.

– Но... как? Как можно дать человеку профессию – на всю жизнь, не спросив его?

Фру Магда взглянула на него по-настоящему удивлённо. Сказала:

– Хэrr Алексейс. Вы пытаетесь мне доказать, что у вас – по-другому? Что у вас Наставники не решают всё за ребёнка ещё к двенадцати годам, дав ему Предопределение?

Алексей... Почувствовал, что сморозил глупость. Он снова на тонком льду.

Как бы теперь выпутаться потехничней...

С другой стороны, раз *здесь* его страны не существует, (А

фру Магда вряд ли об этом знает – историю же запретили!) можно врать смело. И – всё, что угодно.

– У нас, фру Магда, вначале дети учат средний... Ну, то есть – получают обязательный набор общечеловеческих, так сказать, знаний. Думаю у вас так же: ну, чтение, письмо, затем – *грамотное* письмо... Арифметика, рисование, – он старался не брякнуть такого, что вызвало бы удивление, – Хоровое пение... Чтобы проверить слух и голос. – пока фру Магда согласно кивала. Значит, порядок – он угадал с предметами в этих... Домах.

– И только когда всё освоено, и освоено хорошо, (Ах, если бы!..) уже лет в четырнадцать-пятнадцать, дети *сами* принимают решение, чем заниматься – и идут в специальные... Ну, Мастерские, где их учат основам, а затем – и тонкостям каждой профессии. – Алексей решил не говорить, что решение зависит и от мнения родителей. Ну вот нет здесь такого понятия – родители. Дети – питомцы Государства! Как ни дико это звучит, похоже, придётся к этому привыкнуть.

– А-а, поняла... Ну, в принципе, и у нас почти так же. Только решение о профессиональной области занятий принимают на два года раньше. И Наставник, конечно, смотрит – в каком из *наших* обязательных, ну – общеобразовательных, как вы их назвали – предметов ребёнок успевает лучше, чем в остальных... А вот самих предметов у нас куда больше – ещё и физкультура, и труд – для девочек – свой, для мальчиков – свой. – теперь уже Алексей согласно кивал, да, мол,

всё это есть и у нас...

– И как вы, наверняка, догадались, у девочек – приготовление пищи, домоводство, пошив одежды, работа на конвейере – на каком-нибудь заводе, по два-три часа в день – проверить, может, кому-то что-то... И ведь находят – ну, Наставники, то есть – находят тех, кому нравится... Вот таких и определяют. Туда, где им комфортно. Понравилось. Всё понятно. И всё получается.

– Что, и вот так определяют – *на всю жизнь*?!

– Ну... Обычно – да. Можно, конечно, при желании переучиться на кого-то другого. Но ведь обучение стоит денег, и всё время обучения надо на что-то жить: есть, одеваться, приобретать инструменты – для новой работы, оплачивать квартиру... Я знаю таких. Они... долго откладывали, копили – но всё же поменяли профессию.

– И... Много их?

– Нет, конечно. Я знаю всего троих – двух женщин и одного мужчину. Женщины ушли от нас на завод электроники. Теперь собирают телевизоры, (Ну как же, вспомнил Алексей – всё тот же «Пхиллипс» в его номере!) работают на конвейере. Очень кропотливый труд. Требуется полной концентрации внимания. И отличного зрения. Но – хорошо оплачиваемый. Мужчина же пошёл в автомеханики. Грузовики и тягачи чинит. А был – авиационным техником. Но его сильно раздражал грохот от самолётов... С машинами ему – полегче.

– Вот ещё что, фру Магда... Извините за вопрос некста-

ти... А почему здесь, ну, в Гелландии, так мало этих самых машин?

– Мало? – фру Магда явно опять удивилась. – Да их полно! Но здесь, в городе, их почти не увидишь – они же, в основном, вывозят рыбу, зерно... кукурузу... цветы. Да и всё, что растёт в польдерах – на склады и холодильники в портах. А оттуда всё это уходит на продажу за океан. Так что и слава Богу, что они здесь хоть керосином не воняют!

Алексей сразу многое понял из такого ответа.

Бизнес Гелландии – поставки рыбы и сельхозпродукции. В те же БША. Значит, выбросов свинца с выхлопом должно быть поменьше! Легковушек, да ещё частных – минимум. Это – роскошь. Очевидно, только большие Боссы, да миллионеры (ну, или Резиденты...) могут себе такое позволить. Всё же он спросил:

– Фру Магда. А легковая машина... Она здесь очень дорого стоит?

– О, да... Дорого. Мне, чтоб купить, пришлось бы работать лет двадцать. Да ещё при этом ничего не есть.

– Ох!.. А, скажем, билет на самолёт? Ну, чтобы съездить посмотреть другие страны?

– Да что вы сегодня, честное слово, хэрр Алексей! Мне такое и в голову не пришло бы!..

– А как же все эти... Заморские туристы, их же полно там, в Центре?..

– А-а, вот вы о чём... Да, они, как уверяет Муниципали-

тет, здорово поддерживают нашу экономику... Но вот откуда они берут деньги – ума не приложу! И, кстати, только очень малая часть летает на этих самых самолётах... Все нормальные предпочитают плавать на экспресс-лайнерах. На парходах, стало быть. Дешевле впятеро. Да и океан... – женщина опять вздохнула, и он понял, что прогулка на круизном красавце-лайнере тоже относится для неё к числу несбыточных мечтаний.

Алексей решил не лезть туда, где очень легко можно сболтнуть лишнего – тем более они дошли. Охранник раскланивался с Алексеем уже как со старым знакомым. Привык. Или – докатились слухи о том, что новый Мастер – в фаворе?..

– Хэrr Алексей. Мы фасон сегодня посмотрим? – фру Магда подошла к сейфу, любовно оперевшись о серую громадину локтем.

– Конечно! А как вы догадались, что я?.. – он спрашивал, уже предвидя ответ.

– Хе-хе... Что же я, молодой человек, не вижу, как у вас ус дёргается от вожделения?!

Они беззаботно рассмеялись. Алексей вскрыл конверт, выложил содержимое на стол. Фру Магда поработала с софитами.

Так. Похоже... Да нет – точно: Сэммиюэль Чернанс. Позапрошлый сезон весна-лето. Модель – Анабелла Баликова. (Уж её-то лицо трудно с чьим-то перепутать!) А вот где

проходил тогда показ коллекции, Алексей не помнил. Да и не суть.

Поднеся традиционно великолепные фотографии поближе к софиту, он придирчиво рассматривал сложные вычурные линии. Вот уж от кого он не в восторге – так это от Сэмюэля. Хотя... Можно воспринимать это как своеобразный вызов! Сможет ли он «вдохнуть» Жизнь в это чудачество?..

– Фру Магда. На завтра нам понадобятся: фру Гудрун, фру Хельга, как всегда, закройщица... – пока он перечислял, фру Магда, чуть кивая, записывала. Алексей отметил, что блокнотик-то у неё – новый. Похоже – на каждую модель – будет свой. Да и правильно. Чтобы легче было найти всё необходимое по процессу конструирования...

В двенадцать к ним в Ателье поднялся симпатичный молодой человек, которого фру Магда представила как Дитриха. Алексей не без подозрения и некоей беспричинной ревности пожал очередную мускулисто-плотную ладонь, и заверил, что и ему «очень приятно».

Правда, вплотную Дитрихом фру Магда занялась сама. Алексей только иногда уточнял детали – когда она к нему обращалась. Вопросы касались почти исключительно организации работы швейного цеха, и тонкостей фактуры ткани, сорта и толщины ниток, длин молний и прочих характеристик фурнитуры. Особых отличий для собственно процесса производства разных размеров не имелось.

Поэтому буквально через пятнадцать минут Дитрих выяснил всё, что ему было нужно, забрал две флэшки с данными о материалах, выкройках, и с пояснениями по процессу собственно раскроя и пошива. Пристроил под мышку огромный пакет с готовыми лекалами. И отбыл, вежливо попрощавшись.

Алексей почесал многострадальный затылок:

– Этот хэrr Дитрих... Он такой молодой!

– Ничего. Зато – лучший менеджер по организации именно *процесса* выпуска массовых серий. Гений, так сказать, логистики. Кроме того, со временем, надеюсь, он постареет. – фру Магда ехидно ухмыльнулась, видя неподдельное удивление Алексея, – Ему – тридцать три. Просто он хорошо сохранился. Ведёт «здоровый» образ жизни.

– А... Э-э... В каком смысле – здоровый? – Алексей удивился ещё сильнее.

– В прямом. Не пьёт, не курит. Регулярно бегает. На стадионе. Случайными связями... не увлекается. – фру Магда сделала такое движение уголком рта, что Алексей понял, во сколько реально его помощница оценивает этот самый «здоровый образ жизни», – Словом – посвятил себя карьере. И, похоже, дело будет – скоро зам. хэрра Ванавермайта уходит на заслуженный отдых... И уж я-то могу предположить, кто сядет на его место. – фру Магда словно обвинявшая в чём-то предосудительном карьериста Дитриха, теперь уже очень сердито поджала губы.

– О-о! А сколько же лет самому хэрру Ванавермайту?

– Хэрр Алексейс! Фу, как вам не совестно!

«Хэрр Алексейс» действительно почувствовал неловкость почувствовал, как губы вытянулись в трубочку, и наклонил голову, чтоб скрыть это. Фру Магда фыркнула:

– Шестьдесят два. Но, как вы догадались, здесь не принято спрашивать о...

– Понял. Извиняюсь. Что поделаешь – порочная старая привычка с родины... Но я обещаю исправиться. Правда-правда!

– Хитрец вы, хэрр Алексейс. А ещё – подлиза. Знаете, как уважить... Пожилую женщину. Ни на вот столько вы уже не исправитесь. – фру Магда традиционно показала кончик ногтя, – Но это и хорошо. Не будь вы таким занудой, раздолбаем и хамлом, вряд ли вы смогли бы...

– Чтоб мне сдохнуть, фру Магда, вот чует моё сердце, что вы – правы!

Совместно пообедать фру заместительница отказалась, сославшись на диету.

Алексей невольно удивлённо осмотрел ещё раз её плотную ладную фигуру. Вот уж не верится, что ей нужно соблюдать какую-то... Впрочем, может и надо. Встретиться договорились как обычно – в полдевятого во вторник.

Алексея снова занесло в кафе с булочками. Его уже узнавали от порога, и бармен сам вытаскивал пакеты со сдобой,

не дожидаясь, когда Алексей подойдёт ближе.

Официантка со знанием ангальского как постоянному клиенту принесла чай даже быстрее обычного. Алексей поблагодарил, старательно сдерживая губы и глаза. Улыбаться ему теперь можно... Ну, примерно пару раз в месяц. Конечно, если он не хочет превратиться в безмозглую, и замедленную, словно хамелеон и в движениях и в мыслях – сексуально пресыщенную развалину.

Он давно заметил – вначале бурные эмоции, связанные с сексом, возбуждают его «так сказать» творческие порывы. А затем – мешают, отвлекая мозг ненужными ассоциациями. Странно, да? Но вот так уж он устроен...

От сдачи мелочью он как всегда отказался. Женщина поблагодарила. Он тоже. Хозяину кивнул, как старому знакомому.

Дома часов в пять он заказал обед в номер. Рагу, которое сегодня оказалось в меню, взял даже две порции. Как он и подозревал, всё приносили просто из соседнего ресторана, в самом же отеле была лишь комната, где заваривали чай и кофе. Растворимый.

Съел всё он с завидным аппетитом. В книгу, спрятанную от греха (и от Труды и её сестры) подальше, на дно сумки, под вкладыш, он решил пока больше не заглядывать. Основные моменты истории он ухватил, а частности – могут и подождать. Что ему сейчас меньше всего надо – так это посторонние мысли. Пусть подсознание пока лучше «переварива-

ет» новый фасон.

Сегодня не раздражал даже чёртов футбол. Алексей знал за собой такую особенность – под включённый звуковой и видеодфон думается даже лучше: словно кто-то там, внутри его живота, перебирает варианты, подбирает материалы. Готовится к воспроизводству задания в материи... Он мог бы поспорить, что этот *кто-то* – вовсе не он сам.

Во всяком случае, не такой, как он в нормальном состоянии. Однажды кто-то на курсе, ещё во время учёбы, сказал ему, что у него трясутся руки, когда он работает, увлёкшись.

Может, и так. Да, наверное, трясутся. А вот сознание этот процесс «трясучки» не контролирует! Как и дрожь в кончиках пальцев... Да и слава Богу!

Если бы он пытался хоть чего-то контролировать в работе собственных рук, и ещё задумывался об этом – фиг бы хоть что-то у него... Хм.

Одно выводило Алексея из себя: альтернативная Реальность, в которой он вынужден находиться и работать по Контракту, не слишком-то гуманна по отношению к своим жителям. Простым жителям. Похоже, основной массе работников денег хватает только-только свести концы с концами!

А вот как устроился Главный Деспот-создатель, хорошо бы выяснить. Для осмысления. Какой «сверхцели» тот пытался добиться в персональной Вселенной.

Положения Бога?

Вроде, нет. Ему до сих пор не попадалось ни одного пла-

ката с чьим-то «обожествляемым» лицом – хотя бы в том же телевизоре. Нет, скорее всего Хозяин марионеточного театра предпочитает как всегда за верёвочки дёргать, не высываясь из-за кулис...

Расстраивало (мягко говоря) и «мозговое кастрирование» лишённых ещё и родительской любви, детишек. Громадным не то что камнем, а – скалой, на сердце лежало запрещённое им самим к осознанию и обдумыванию, отсутствие его народа в списке оставленных для нужд Империи Морганта...

Что же, получается, все нефте-газовые богатства Сибири сейчас лежат невскрытыми? А откуда тогда берут нефть? Из залежей стран среднего и ближнего Востока? Похоже. Разумеется, в тепле всё это добывать и дешевле и проще. И никто не протестует – поскольку недовольство Господами Мировыми Полицейскими можно выражать лишь шевелением большого пальца на правой ноге – оружия, или надёжного ракетного щита наверняка ни у кого нет! Во всяком случае, такого, что мог бы предотвратить ядерные удары.

Да – вот ещё один страшный вопрос: что же стало со всеми этими крохотными странами, в его мире – миллионерами, живущими только на проценты с чёрного золота: Арабскими Емератами, Кататом, Кувейном и прочими?! Неужели...

Их территории захвачены, как Виндия когда-то Ангалией, и превращены к банальные Колонии? Вот об этом, конечно, надо будет почитать. Но... Потом.

Он встал с кресла, и снова заходил по комнате. Наблюда-

телям за мониторами он не завидовал: тупо смотреть, как он перемещается из угла в угол, должно быть крайне утомительно, и поминутно должно ещё и напрягать: а вдруг он что-то сделает с камерами, к которым подходит почти вплотную, да ещё и сердито в них поглядывая? Впрочем, он не столько сердился за продолжающееся вторжение в «частную жизнь», сколько прикидывал: сколько же человек задействовано, чтобы «творец», с такими сложностями и затратами доставленный сюда, «окупился», и продуктивно работал.

А в том, чтобы он работал именно – продуктивно, заинтересованы явно на самых «Верхах». Иначе с чего бы все эти, так кстати сделанные, пояснения, и даже учебник? Разве не для того, чтобы он быстрее и как можно безопасней «перебесился», оставил надежду, и попытался отвлечься и забыться только в работе?!

Нечто вроде прививки вакцины...

Ностальгия и страх в облегчённо-невидимом варианте.

Хотя, если он попросит, наверняка ему покажут и материалы: фотографии радиоактивных, обезличенных ливнями и снегами, руин... Картины разора и запустения когда-то цветущих городов его народа. Стада оленей, пасущихся в этих поросших гигантской мутировавшей травой, руинах. Гигантские вороны, обожравшиеся в своё время мертвечины, и гнусно каркающие в дремучих и наступающих на проплешины бывших городов, и бывшие пашни, лесах и тайге. Пепел от сгоревших деревень, с нелепо торчащими трубами

старинных печей...

Интересно, в Епонии-то осталось хотя бы это?..

Нет, как ни странно, по здравом размышлении оказалось, что его не так сильно страшила судьба родины *здесь* – он же знал, что там, в сутках езды в камере Теслы, живёт и прекрасно развивается его привычный, будничный Мир. С пусть не совсем процветающей, но вполне самостоятельной и могучей Россией. Охраняемой Армией. С ракетно-ядерным вооружением.

То есть там – чёртов Моргант не смог противопоставить *реальности* ни-че-го!

Потому что посмотрел, наверное, на местном примере, как оно будет, и какую цену придётся заплатить... Так что хорошо, что он предпочёл переправить свои деньги сюда, и обустроиться здесь со своим «визави», а не наоборот: деньги местного миллиардера – отправить в *их* мир! С другой стороны... Это решение – логично.

Именно здесь же фактическое время – отстаёт. И позволяет корректировать...

Вдруг страшная мысль пронзила Алексея с макушки до кончиков пяток! Он остановился и испуганно глянул в окно.

Кто ему сказал, что *этого* не произошло?!

Может, он-то и жил в Альтернативном Мире, а здесь – *настоящий*?!!!

Да и в любом случае: его мнение и оценка – субъективны!

А для местных жителей *их* реальность – ЕДИНСТВЕННО

НАСТОЯЩАЯ!!! Они и не знают, что возможны другие... Да и он сам – до недавнего времени не знал.

А понравилось бы ему, если бы он узнал что-то вот *такое* про *свой* Мир?!

Смог бы он после этого сохранить здравым рассудок?..

Какой там к дьяволу – Гаакский Трибунал по правам человека!.. Тут, получается, лишили нормальной жизни и Будущего целую Планету!!! Это – для Межгалактического... или – Межвременного Трибунала по правам... Гуманоидов.

Если б таковые суды существовали.

А так – кто будет судить проклятого монстра, уничтожившего не то, что несколько миллионов, как маньяк-ариец во вторую Мировую – а несколько *Миллиардов*!

И ведь – сошло с рук!

Он слышал, конечно, теориейку про «золотой миллиард», да и фантасты часто используют эту идею: выжило, мол, только то число людей, которое необходимо для удовлетворения нужд нескольких миллионов «избранных Верховных»: те как сыр в масле катаются, в то время как остальные рабы «ишачат» в поте лица за корку хлеба. А ведь...

Здесь так и есть!

Жизнь стоит буквально гроши. И зарплаты у местных – грошовые. (Уж он-то знает!) А вот если кто и шикует, и летает на самолётах, и может позволить себе турпоездки по экзотическим местам Явропы – так это...

Бамерикосы.

Как это понятно. Если бы такая возможность, как у староро-го Бамериканского бандита с фамилией знаменитого пирата оказалась у... Скажем, арабского шейха – весь мир работал бы на арабов. А если у жайтайца – на жайтайцев...

Повезло мерзавцу Морганту, что серб Тёсла переехал в чёртовы БША... Видать, привлекли... Богатыми возможностями.

Для самореализации. И технической базой... (Он снова невольно дёрнул щекой.)

Конечно, не ему осуждать учёного. Пусть Оппенгаймер когда-то и терзался муками совести... Но – уже *после* того, как Бомба оказалась построена! И – взорвана.

А если верить тому, что тунгусский метеорит – на самом деле просто очередное испытание Тесловского способа передачи энергии без проводов... Да, масштабные эксперименты – как раз в его духе. А уж тут – куда ещё масштабней!..

Может, поэтому и покончил с собой кто-то из предыдущих Мастеров – не охватил смысла перемен... Впрочем – может, так поступали и не только мастера.

И, может, как раз потому, что охватили.

Разве можно верить Аарону? Тот – заинтересованное лицо. Ведь наверняка не только для Высокой моды вывозят сюда «творцов».

Кто-то должен здесь, на месте, организовать производство тех же телевизоров, холодильников, грузовиков, легковушек, кораблей и самолётов – всего того, что явно в основ-

ном предназначено для БША, а изготавливается здесь – в полунищей Явропе, ставшей вместо республик бывшего СССР, поставщицей дешёвой рабочей силы. Исторически высококвалифицированной к тому же... И дисциплинированно-порочной.

А что: очень грамотно. С точки зрения рационального планирования Мировой экономики.

Атмосферу Бамерики дымом заводов не портим, свои нефтяные и прочие природные ресурсы – не тратим, а нагло хапаем то, до чего дотянулись загребущие ручки. По которым теперь дать как следует некому! Небось и вся Южная Бамерика – сплошь банановые республики!.. Под управлением диктаторов-марионеток.

Алексей остановился, и заставил себя перестать сжимать кулаки и скрежетать зубами.

Вначале нужно всё это и многое другое, действительно – выяснить. И не из крикливо-пропагандистского учебника. А у людей. В Архивах. (Хм! Если таковые сохранились!)

С другой стороны – зачем ему всё это выяснять? Он что – начнёт создавать здесь подпольные ячейки сопротивления оккупантам-эксплуататорам, и поведёт их членов на баррикады?! «Восстановим историческую Справедливость»? «Свободу – людям и мозгам»?

Бред.

Через три года заканчивается его официальный Контракт. И вот тогда он, скорее всего, тихо и мирно, поджав хвост, и

засунув язык туда, где солнце не светило, покинет этот мир, забрав «не пахнувшие» деньги, и уедет домой. Организовывать своё с...аное Ателье. А дома...

Просто – промолчит о том, где был и что видел, и не станет никого призывать «ехать спасать угнетаемое Человечество». Где и как заработал деньги – сочинит какую-нибудь сказочку. Да этого, собственно, от него все и ждут. Чтобы он сделал своё дело, и отвалил. И не путался под ногами.

Разве что, «пленившись возможностями для творчества», да и просто – *возможностями*, решит остаться, и... Стать менеджером по приказам. Или – ещё чему...

А ведь это наверняка – крючок.

На который попался кое-кто из предыдущих, доставленных сюда спецов.

Перспективы именно *здесь*, со всеми полученными *там* знаниями и способностями – действительно самые радужные. Если можно так сказать о ещё более наглom ограблении несчастных рабов... Потому что растрясти, или «развести» на деньги их Хозяев, вряд ли удастся.

А вот готов ли он *отказаться* от такого?

Ведь он, как никто, понимает, на что способен реально целеустремлённый, агрессивный и... талантливый человек здесь, в этом... этом... Мире пустых зеркал!

Где вместо людей – только слабые, безвольные тени!

Лишённые творческой жилки. Амбиций. Стремлений. И нормальной человеческой агрессивности.

Нетрудно вычислить – всё тот же Дитрих, «гений логистики», наверняка прозябал там, «дома», в какой-нибудь заштатной фирмочке, производящей скажем, кошачий корм... Попался с потрохами! Пыхтит, старается. Сковырнёт старичка, уж как пить дать!..

Алексей двинулся в ванну, на ходу срывая с себя вновь пропотевшую одежду.

Одним из негласных Королей этого мира становиться...
Стыдно.

Но что станет с этим стыдом через три года?..

Предвидеть невозможно. Самая непредсказуемая натура – у Художников.

Иначе – какие же они Художники?!

Гудрун он пару раз всё-таки уколол. Хоть и старался вести себя посдержанней.

Девушка и не пикнула, но укоризненно смотрела на него большими выразительными глазами лани, на которую охотятся, и загоняли – дальше некуда. Алексей именно так о них теперь и думал – действительно, очень большие относительно лица глаза. Влажные, глубокие. Печальные. Похоже, от него зависит сделать их выражение другим...

Или – нет?

Процедуру накалывания на новое, туго облегающее трико, деталей, прилаживаемых Алексеем, фру Криспин и фру Хельгой, Гудрун выносила традиционно мужественно: стоя-

ла, замерев как статуя. Только моргала. Странно. Алексею к концу дня, когда первый вариант оказался практически готов, стало её опять... Жалко.

Да и красива она – без дураков. А, главное – не болтлива, словно трещотка, что раздражало его там, дома, больше всего. Вот видно же: девица из Тьмутараканово, приехавшая «покорять» Столицу – тупа, как пробка. Из образования – умеет только читать. Да и то – чуть ли не по слогам. Но!

Мнит себя – будущей Королевой Подиумов. (Вот уж когда про «амбиции» думаешь нехорошо! Особенно – амбиции *таких!*..)

Р-р-р! – его опять передёрнуло. А Гудрун...

Чувствуя себя действительно опустошённым, он надумал – и тепло улыбнулся ей.

На ответную улыбку, расплывшуюся по всему милому лицу, смотреть было не просто стыдно, а – жутко стыдно. Больно. Причём вовсе не от того, что фру Магда, фру Хельга и фру закройщица (Фу ты, чёрт – опять забыл как её зовут! А, фру Криспин!) понимающе переглянулись.

А от того, что кроме жалости и... Хм. Признаемся хоть сами себе – похоти, он почти ничего и не испытывал!.. Вроде бы. Или – нет?!

Сегодня они просто ушли вместе сразу после работы. Алексей предложил поесть булочек. Гудрун отказалась – «Сдоба есть не можно! Надо сохранять фигура стройный!» Алексей фыркнул. И приобнял «фигуру» за талию. Нет, не

то, чтобы там имелся жирок... Но и костлявой палкой его «девушка» вовсе не была!

В номере они вели себя на этот раз куда сдержанней: одежду по полу не раскидывали. И в ванной «работали» гораздо вдумчивей и нежней – не то, что в прошлый раз, когда Алексею казалось, что они почти дерутся...

Он бережно обработал мочалкой всё восхитительное тело – снова вдумчиво изучал каждый изгиб, каждую линию. Завтра эти линии он должен подчеркнуть, а вот эти – спрятать... Ладно – это – только завтра! А сегодня он нагло всем этим воспользуется... Для успокоения мятущегося духа маленького беспомощного мальчика, опять получившего тройку... И которого дома ждёт неотвратимая...

Нет – прочь эти воспоминания: они царапают душу почище когтистой лапы тигра!

Проводя и мыльной дорожкой мочалки, и рукой, по бархатистой коже, он возбудился даже сильнее, чем тогда! В качестве покорной жертвы, которую она изображала сегодня, его дама, словно обессилена оперевшаяся руками на стену, выложенную кафелем, заводила его куда сильнее! Может, он подсознательный садист?!..

А кто его остановит?!

Сегодня ему хочется – вот так!..

К ужину он заказал и бутылку вина. Того самого, что по-

навилось мягким послевкусием. Гудрун от вина отказалась – «потом болеть голова». Он потягивал напиток французских виноделов неторопливо, скорее, просто запивая им пищу. Его партнёрша лишь слегка поклевала из своих тарелок. Посетовав на всё те же «правила». Странно. А вот раньше, в их столовой, они ей почему-то не мешали... Алексея заинтересовало.

– А как ты вообще попала в модели?

– Ну... Это быть в детство. Я, и ещё три девочка с наш выпуск. Подходить фигура. Нас забрать специальный... За-вод?.. Как это сказать...

– Агенство? – попробовал прийти на помощь Алексей.

– Нет. Ну, как спортсменов обучать!

– А-а, База!

– Ну... Да – база, Лагерь, «Сенчури моделс»!

– И там вас...

– Да, там нас учить. Ходить. Стоять. Говорить ангальский. Держать спина и грудь. Всегда! Кушать – только диета. (Ага! Вот почему ей можно есть то, что готовят в столовой!) Каждый день – бегать пять километр. Плавать полчаса. Аэробика под музык. Это... как это... Ассана йога. – Ого! Алексей догадался, что йога как раз и дала все эти... Милые линии. Стать. Осанку и посадку головки. А всё остальное – развило динамизм, энергетику движения. Да, это не могло не ощущаться.

А воспитание-то... Как в военном училище. Для солдат

спецподразделений.

Впрочем, разве модели – не спецназ Моды?!

– И... Сколько времени вас там... Учили?

– О-о, шесть лет! Потом – семь лет модельный бизнес. Три год – Парис. Два – Дондон. И два – Хамбурх. И три неделя – здесь. – Гудрун с сожалением пошлёпала себя по... мягкому месту. – Линия опуститься, меня браковать для Париский и Хамбурхский Ателье!

Вот это да! Чёртовы Парисские кутюрье посчитали, что у Гудрун слишком отвислая ...!

А на его вкус – в самый раз! Это он и поспешил подтвердить и словом и делом.

За что получил море удовольствия от благодарной любительницы ласк и комплиментов.

Однако в глубине души ему было... Всё ещё немного стыдно: чуть подпорченную линию продолжения спины он заметил ещё при первой встрече – когда девушка только забралась на тумбу... Зато дурацких комплексов по этому поводу он точно не испытывал – им и вправду нашлось чем занять это самое... Продолжение спины!

Чтобы не чувствовало себя невостребованным!

В двенадцать он опять проснулся – да что же это такое! Становится прямо дурацкой традицией!..

Чёртовы часы снова отбивали торжественно-монументальные гулкие удары. Бедные туристы... Впрочем, были бы

бедные – не оказались бы здесь. Можно представить, какие у них пенсии и социальные выплаты! За счёт самого банального... грабежа.

Память постоянно возвращалась к их с Гудрун разговору.

– А ты не хотела бы пойти дальше?

– Не понять, Алексейс. Мы куда-то идти? Сейчас? – глаза даже открылись шире.

Ругаясь про себя, он поспешил уточнить:

– Нет, не так. Я имел в виду – не можешь же ты оставаться моделью вечно? Какая-то цель в жизни, наверное, есть и у тебя? Ну, там – директор Ателье, Менеджер показов, или... Ну хотя бы помощница Мастера?

– Хэrr Алексейс... Я опять не понять. Я хотеть быть вся жизнь – одна работа. У меня нет деньги снова учёба. Да я и не хотеть... – губки сложились в трубочку, – Если я... сделать маленький ребёнок, ну... – она показала, вода кистями вокруг животика, – мне Государство платить пенсия. До смерть. Можно работать, можно – ничего не делать! Хорошо!

Алексей было опешил. Потом до него дошло. Ну да – амбиции и целеустремлённость – только у «приезжих». У него, Дитриха, Аарона...

А вот интересно: женщин-специалисток сюда импортируют? Или, во избежание недоразумений – только мужчин? А то он знает пару-тройку «эмансипированных» дам, которые по этим самым амбициям и беспринципности заткнут за по-

яс любого Дитриха! Да что там – хоть по трупам пойдут!.. Столица России такими, ох, богата! Наверное, виновата специфика местной жизни. Закаляет...

– А-га... Значит, ты поэтому не предохраняешься? – до него дошло, что он ни разу не видел, чтоб Гудрун ела какие-либо таблетки, или что-то ещё делала для... Предотвращения. Не говоря уж о том, чтобы просила его об использовании...

– Да. Я хотеть, чтобы это быть твой ребёнок. – её губы тронула довольная улыбка. Боже! Похоже, женщины здесь реально не могут не то что врать, а и просто – скрывать свои чувства и желания! – Ты – это... как это... Элитный мужчина. Мастер! Профессионал. – во взгляде, брошенном на него ощущалась и гордость за него, «Мастера», и за неё – что сумела «уговорить», – Твой... э-э... кровь передаться и мой ребёнок. Получаться хороший специалист. Заработать много деньги. Потом, после учёба. Хорошо!

Взгляд его «девушки» прямо-таки лучился осознанием почти успешно завершённой главной функции женской жизни здесь, в Гелландии. Да и всей Явропе.

Интересно: в штатах – так же?..

Очень похоже. Все эти пресыщенно-сытые рожи туристов вновь вставали в услужливо запомнившей их памяти... А ещё бы не запомнить: если здесь местных жителей ничего не стоило вычислить по услужливо-деловито-озабоченному выражению, и строгой деловой одежде, бамерикосы пря-

мо-таки лучились праздным бездельем и пренебрежительным отношением к своему внешнему виду: носили застиранные футболки, вылинявшие кофточки, неглаженные бермуды, а то – и вовсе семейные трусы...

Словно приехали не к людям, а пришли в... зоопарк. А зверям можно показываться в любом виде: не стыдно!

Да, правильно: если бы не пропаганда туризма, и не соображения Престижа, (Ну как же – «вон, Джонс съездил – а я, такой красивый и состоятельный, что – хуже?!») который определяет всю жизнь даже тамошнего, «домашнего», Бамерикосского (да и не только!) обывателя, чёртовы пенсионеры так бы и просиживали весь остаток жизни перед ящиком с волшебными картинками... (А интересно – что им-то показывают?!.. Сериалы? Шоу типа Патлаховского, или «Кривого эфира» – про скандалы у кого-то-там?.. Мелодрамы?) Нет, таким даже не нужны мозговые операции...

Они и сами по себе достаточно тупы и самодовольны. Самодостаточны!

Алексей перевёл взгляд с чёрно-серого в полумраке потолка на партнёршу.

Сопит, бедняжка, отвернувшись к стенке.

«А ведь мне будет её не хватать!» – пронеслась мысль, вонзившись в сердце острой занозой. Он почему-то проникся уверенностью, что вот сегодня, когда они с, «так сказать», чувством, толком и расстановкой, наслаждались друг другом – да, обстановка и настрой были именно теми – когда девуш-

ка может. Забеременеть. Если – уже не...

Другая мысль ударила ещё сильнее: допустит ли он, чтобы *их* ребёнка сдали в «Дом-интернат»?! А с другой стороны – как же он этого *не* допустит?

Браков здесь нет. Гудрун... Вряд ли согласится терпеть дома нечто пищащее, не дающее покоя ни днём ни ночью, постоянно пачкающее памперсы, и жутко портящее воздух в квартире! И ещё портящее... форму груди!

Ну не брать же ему на себя ещё и материнские обязанности – работать станет невозможно!

Нет, подрывать устои местного, воспитанного если не в равнодушии, то – в прагматичном отношении к вопросам воспитания детей, Общества, он не станет. Глупо. Опять-таки – со своим Уставом, да в чужой монастырь... Так что с ребёнком придётся расстаться. Вероятней всего, навсегда.

И, самое плохое, вызывающее буквально зубовой скрежет, осознание: помешать превращению сына или дочери в безропотно-равнодушный винтик, абсолютно нереально!

Снова изучая плавные изящные линии бёдер и ног, мягко намеченные одеялом, он и злился, и любовался.

Вот чёртова натура – он понимает мерзкую двойственность своего положения. Бессмысленность и бесперспективность их «романа». Дикость всего, творящегося здесь...

Но это не мешает ему наслаждаться совершенством тела своей... «Элитной самки». Что же до её ума... Хм. Вот именно – Хм!

Впрочем – он-то достаточно умён, чтобы понять: только он делает из происходящего проблему.

Его партнёрша... Да и вообще все здесь – не заморачиваются разными «высокими материями» типа семейного долга, ответственностью перед детьми, служению Отечеству... А просто живут. Работая в меру скромных (Более чем!..) возможностей, и просто...

Да, живя. Как живут овцы на ферме. Куры на птицефабрике. Свиньи в...

Чёрт. Куда это его повело... Нет, они – не свиньи. Они – рабы. Которые даже не осознают своего унижительного положения и статуса. И такими их сделала политика проклятого хамла с мешком денег, решившего... Что?

А ведь если разобраться, он даже и не знает, какие цели мог ставить себе Моргант. Вернее – Морганты, учитывая, что их здесь оказалось два. Да и их наследники...

Может, вот такое, гипертрофированно стабильное и предсказуемо-управляемое Общество, как раз и воплощает в себе всё ту же пресловутую *Утопию*?!

А что: все работают. Никто не сачкует. Никто никого не грабит, насилует, завоёвывает, пилит, подсиживает... Да никто даже банально не скандалит! Ну, он, во всяком случае, ни разу не слышал. Нигде и ни от кого даже признаков недовольства – ни другими людьми, ни уж тем более – своим карьерным положением. Или политическим Строем...

Все счастливы в меру местного менталитета!

Вот именно – *местного* менталитета!

Интересно всё же посмотреть на жизнь в БША. Жаль, три года выезжать никуда больше чем на сутки нельзя...

А ничего. Вот будет у него через три года конец Контракта – он слетает... Пусть даже придётся отдать за билеты все заработанные деньги. Плевать. Ателье там, дома, перебьётся! Он разберётся.

То есть, он надеется, что разберётся, кто и зачем здесь дёргает за ниточки, и вращает колёса. Истории. Ха-ха.

Под утро Гудрун снова еле растолкала его – ему опять приснился кошмар.

Словно огромный каток разравнивает и укатывает свежеуложенный дымящийся асфальт прямо перед ним, а он, словно муха на липучке, завяз в тягуче-обжигающей обсидианово-чёрно блестящей и воняющей гудроном массе по колено, и продолжает погружаться... А неумолимая ревущая машина всё ближе, ближе – и вот уже неумолимо надвигающееся раскалённое колесо-даватель над самой головой!

Сейчас его главное достояние – мозг! – расплющит и выдавит через уши!..

– Алексейс! – в голосе перепуганной бедняжки сквозила подлинная боль, – Как мы спать вместе, вы... Болеть! Спать кошмар! – она-таки выучила это слово по-русски, так как Алексей чуял, что «бэд дрим» не звучит столь ёмко.

Он фыркнул. Покачал головой, глядя по шелковистым во-

лосам. Голосу постарался придать всё то, что, как ни странно, испытывал к этой фактически био-роботихе:

– Нет-нет, солнышко моё. Это не так. Без тебя мои кошмары куда хуже! И страшнее! Так что я рад, что ты вовремя меня будишь!

Гудрун помаргивала на него своими «фарами машины», действительно раскрывшимися от испуга в пол-лица, слёзы сами катились из них. Алексей...

Почуял, как сердце снова сжимает чья-то стальная рука.

Ну он и свинья! Но – не говорить же этой малышке, что она – продукт чужой злобной воли, так организовавшей здесь всё, вплоть до мышления, что женщина стала... Игрушкой. Инкубатором. Рабыней – в руках не то что Мужчины, (Это было бы просто возвращением к мусульманству!) а – Капитала!

Золото ещё раз доказало, что его обладатель может делать...

Да – буквально всё. Что хочет. А затем борзые баснописцы и сочинители Легенд из СМИ преподнесут это как непреложную истину, единственную возможную данность, Всеобщее Благо, радение о Человечестве. И всю остальную демагогическую чушь.

– Спасибо, солнышко моё... Я так рад, что мы встретились!

– Я тоже рад... Алексей! А ведь мы проспать! Ты забыть сказать портье разбудить нас!

Смеялись они уже вполне весело.

Фру Магда снова молча ухмылялась в усы, (Бессовестная коза!) фру Хельга только поджимала губы на его ворчание и пыхтение. Закройщица просто делала своё дело.

Но к вечеру первая, исходная, зелёная модель платья, оказалась полностью готова. Алексей чувствовал, несмотря ни на что, законную гордость. О том, что он снова может её ощутить, недвусмысленно сказал сердито-восхищённый взгляд художницы, снова как бы заломившей одну бровь.

Однако в этот раз фру Хельга не спешила высказывать восторги – по опыту работы с «мастером» знала, что возни-то больше всего будет как раз со вторым, красным, рабочим образцом.

И точно: с ним Алексей возился ещё три дня, так, что обрезками и обрывками красной ткани была засыпана вся мастерская, а Гудрун – уж на что терпеливое создание! – сказала, что судороги сводят икры. Алексей сопел, отмалчивался, высовывал язык, и старался только не ругаться вслух...

К исходным зелёным выкройкам пришлось полностью возвращаться два раза.

Однако в пятницу, получая от довольно сверкающей лучезарно ясным взором фру Магды очередной пухлый конверт, он чувствовал, что старался не зря. Платье сидело так, как он ему наметил. И «отвислый зад» манекенщицы заметно абсолютно не было.

– Фру Магда. На понедельник мне понадобятся наши «нука, вот ты!», и «эй, девушка!» – он подмигнул.

Фру Магда не придумала ничего лучше, как дать ему солидного тумака. Алексей радостно заржал. Фру Магда соизволила тоже покурахтаться. Оба довольно переглядывались.

– Хэрр Алексейс. Я уже вам говорила... Что вы на редкость обаятельное хамло. Девушек зовут Софи и Мими. – Алексей кивнул. Он отлично помнил и сам, – Они будут.

На выходные они с Гудрун выбрались в какой-то пригород. Алексею уже нравились прогулки по мутным и заросшим зелёной ряской каналам на речном трамвайчике. Гудрун только морщила носик от запаха «Противный... э-э... болото?.. Ну, вонять, очень! И рыба!» Вид всех этих домов, фактически превращённых в мини-пристани для разгрузки всё тех же товаров с кораблей и шлюпок, поражал Алексея в который раз.

Нет, вовсе не за счёт украшательств: вон, во многих стенах наверху ещё сохранились балки с крюками и блоками! Даром, что ли, Гелландия была в своё время второй после Владычицы морей по размеру торгового флота и товарооборота, Державой!.. Правда, сейчас-то никто ничего не разгружает. Но плавает. И торгует...

Впрочем, сейчас и эта самая «Владычица морей» Ангалия явно не процветает, и не диктует всему миру свою... А диктует её страна помоложе и понаглей. Потому что все (или – почти все) деньги мира – у неё.

Ресторанчик, где они очень даже мило посидели, поев отменных лангустов, и ещё массу свежайших морепродуктов, назывался «У Петра». Вряд ли, конечно, это имело отношение к великому Царю, но Алексею было приятно. Да и сам интерьер отличался уютной консервативностью: все эти сетки, развешенные по углам, стилизованные (А может – и нет!) колёса от телег в виде люстр, штурвалы и фотографии парусников в рамках чёрного дерева по стенкам... Он так ничего и не спросил у хозяина насчёт происхождения названия. В следующий раз. Или – никогда, чтобы не разрушать милого впечатления...

Гудрун причмокивала, и ела без колебаний – от морепродуктов не потолстеешь! Другое дело, что с её зарплатой не часто себе такое можно позволить. Алексей и радовался, что сделал приятное «своей девушке», и злился на всё того же эксплуататора-прохиндея.

– А где ещё, кроме Париса, Ландона и Хамбурха ты бывала?

Вначале она, вроде, не поняла вопроса. Затем несколько растерянно ответила:

– Нигде. А – зачем я где-то ещё бывать? Там где нет работа, я не бывать!

Алексея снова резануло по сердцу. Девушка не представляет себе, что есть на свете такое чувство, как любопытство, тяга к прекрасному, новым местам. Людям... Словом то, из-за чего и посещают все эти музеи, блошинные рынки и чужие

страны... Вон, как он – взял, и поехал посмотреть Гелландию.

Ну вот и посмотрел.

Настроение начало портиться. Но он постарался Гудрун этого не показать, рассказав про своё обучение. И про женщин на курсе. А зря. Гудрун не поняла, как это женщины могут быть друг другу соперницами и конкурентками, если у всех «Общий дело. Работа же один?». Вот хорошо, что не успел слишком подробно углубиться в тему. И рассказать, как режут ножницами дипломные модели конкурентки, когда никто не видит, и даже мажут платье изнутри феналгоном, чтобы...

Нет, Гудрун такого точно не поймёт. Да и представить не сможет.

Да и никто в его Ателье не сможет. А хорошо это или плохо...

Он оказался в растерянности. Но пришлось признать – да, в *его* Ателье сотрудницам и в голову не могло прийти навредить своему Мастеру. Или друг другу... Или – делу!

Чёртов Моргант. Вот загадал задачку!

Когда он расплатился по традиционному крохотному счёту, и они встали, Гудрун вдруг сказала:

– Алексейс! Сегодня я должен... Идти мой дом.

– Зачем, солнышко?

– Там жить мой... Флауэ. Надо поливать. – вот это да! У его девушки есть цветы! Хм-м... А интересно – можно ли

ему посмотреть? Вот и надо спросить.

– Гудрун. А можно мне пойти с тобой? Хочу посмотреть твой Флауэ.

Ни секунды колебания или смущения:

– Конечно! Я рад, что ты хочешь смотреть!..

Поскольку велосипедов у них всё ещё не было, до дома Гудрун дошли пешком. Правда, быстро – за полчаса. Потому что здесь, в Омстердаме, всё – рядом. И даже в выходные не было ни толкотни, ни суеты... Вероятно, все, кто работали – просто отдыхали. А ходили по улицам только всё те же туристы. Мать их...

Дом, в принципе, ничем не отличался от Алексеевского отеля. И даже портье как будто был ксерокопией его знакомого. Стандарт они тут, что ли, приняли – на солидных, всё понимающих, всё видящих, и всегда молчащих мужчин неопределённого возраста?..

Здание явно перестраивали и перепланировывали внутри много раз. Кое-где остались выступы от бывших стен. А-а, вот в чём дело – квартир на этаже старались втиснуть побольше. Хм-м... Ну правильно: здесь же все – сами по себе!

Комнатка Гудрун оказалась совсем крохотной – только поместиться кровати, (Правда, двуспальной!) шкафу, и столу с парой стульев. Весёленькие обои в голубых и розовых цветочках выгодно отличали её от равнодушно однотонных стен номера Алексея.

Мило. Как раз для девушки... под тридцать.

Предмет беспокойства Гудрун стоял на подоконнике, занимая его весь. Раскидистые лапчатые листья сочного тёмно-зелёного окраса в длину превосходили его руку. Алексей подошёл и потрогал. Ух ты!.. Изнанка листьев оказалась нежно-розовой! Красивое сочетание. Совсем как иной человек: снаружи ершистый и колючий. А внутри...

Он промолчал.

Гудрун вернулась из ванны, куда прошла, с маленьким графином в руке – она, только войдя, сразу сгребла его со стола. Алексей не мог не поразиться одухотворённому выражению на её лице, когда она, кажется, по-норвейски, стала что-то приговаривать, поливая понемногу. И ожидая, пока впитается очередная порция.

– Это я просить мой маленький не сердить на мой! – короткий взгляд на Алексея, – Он один стоять тут... О-о, почти неделя! Хорошо, он привыкать долго быть без вода. И я.

Алексей сглотнул. У Гудрун есть, оказывается, хоть один друг в этом равнодушно-потребительском мире... Который терпеливо ждёт и... молчит. Но хотя бы своим присутствием помогает преодолеть...

Проблемы. Тоску. Одиночество.

А у него?

У него такого друга не было даже дома... Он – одиночка. Боится длительных связей. Ответственности за других. Предательства. «Разборок» в стиле Патлаховских...

Да много чего ещё.

– Гудрун. Если хочешь – мы можем взять твой Фрауэ ко мне. Тогда легче будет ухаживать.

Только через полминуты до неё дошло. Дошло, что означают его слова.

На глаза девушки навернулись слёзы, голос звучал неуверенно:

– Алексей! Ты правда это хочешь?

– Да. Да, чёрт возьми!..

Цветок назывался «Рэу», и нести его оказалось неудобно. Алексею пятикилограммовый горшок отдал и оттянул все руки, Гудрун же тащила корытце-подставку, что-то легкомысленно щебеча всю дорогу. Алексей помалкивал.

Хоть *его* портье посмотрел на него как на идиота, Алексей затаскивал Флауэ в лифт не без чувства самодовольства и гордости.

Вечером они снова нежно любили друг друга.

Всё воскресенье Гудрун отлёживалась. Алексей...

Подумал, что если не хочет выкидыша, надо сбавить обороты. Поэтому и еду заказал без острых специй, которые любил сам. И покалорийней. Весь день он ходил из угла в угол по гостиной, сказав Гудрун, что ему надо обдумать детали кроя.

Собственно, это была правда. Обдумать надо бы.

Но почему-то лезли в голову совсем другие вещи.

Если он наймёт частный самолёт, (Должны же здесь быть такие!) и их даже доставят в самое сердце Сибири... Сможет ли он, чёртов горожанин, добыть пищи на них троих... Да и потом – когда его «племя» увеличится? И можно ли *так* возродить целую Нацию?

Обсосав идею со всех сторон, он с сожалением оказался вынужден признать: бред.

Никто ему не даст «возрождать» чего бы то ни было в глуши радиоактивной тайги... Просто отследят и пристрелят. Разве что вырезать чёртов маячок в икре...

Он невольно опустил взгляд вниз: да, он догадался, ещё когда пришёл в себя там, в бело-хромированном кабинете, после «сканнера», что на икре – вовсе не комариный укус. А вбитый ему в тело передатчик. Чтобы всегда можно было легко отследить его перемещения в этом мире, где нет чёртовых предательских мобильников, делающих жизнь своих обладателей абсолютно прозрачной для спецслужб любой державы...

Нет, так не пойдёт.

– Солнце моё, подожди меня пару часов, ладно? Только не волнуйся. И никуда не уходи. Мне нужно кое-что уладить! Вернусь – поужинаем!

Гудрун... Даже не сопротивлялась! В-смысле, не задавала дурацких вопросов, и не порывалась пойти с ним. А уж что такое «воинствующее» женское любопытство, он испытал на собственной шкуре неоднократно.

Хм-м... А старик-то Моргант...

Может, и не такая свинья!

Трубку Аарон снял после первого же сигнала – догадался, наверное. Ну, он же как-то получает видео– и аудио всего, происходящего в номере!..

– Здравствуйте, хэrr Алексей!.. Встретиться?.. Разумеется... Я заеду за вами – если подождёте минут пять.

Ждать пришлось, конечно, десять, но Алексей потратил время не впустую: сформулировал вопросы конкретней.

– Куда поедет, хэrr Алексей? – в тоне резидента не было и следа обычной весёлой беззаботности. Только глаза... Лучились привычной хитрецей.

– К вам, в операторскую, если не возражаете. Я хотел бы наконец увидеть, как выглядит моя спальня на ваших чёртовых мониторах.

Хэrr Аарон даже не сделал попытки попротестовать. Ну правильно – Алексей давно дал понять, что знает о наблюдении. Только что язык в камеры не показывал...

Операторская представляла собой огромную комнату в подвале не то склада, не то бывшего маленького завода. За пультами сидело трое молодых и крепких парней в серых костюмах. И ещё трое – в чёрном трико. Ага, подумал Алексей – «отряд оперативного реагирования». Если что, такие и голову свернут нарушителю режима работы. Если другие способы и средства воздействия окажутся... недейственными.

Но до этого (пока, во всяком случае) не хотелось бы доводить.

Да, здесь были и мониторы на огромной стене напротив пультов, за которыми сидели дюжие «хлопцы», и огромная карта Омстердама с точечками огоньков в разных углах. Алексей насчитал пять.

Один из них – почти на окраине города. Как раз там, куда они и приехали, как нетрудно догадаться, на быстрой спортивной машине Аарона.

Его огонёк.

– Идёмте в кабинет. Пусть дежурная смена работает. – Аарон впервые не напускал бодрости и оптимизма в голос, а держался как и Алексей – спокойно и деловито.

В кабинете оба сели за стол: Аарон в кресле у сейфа – вот уж без этого оборудования никуда! – Алексей напротив.

– Выпьете чего-нибудь? – Аарон показал на несколько бутылок в маленьком баре.

– Благодарю. Нет. – хотя в горле несколько пересохло, затуманивать мозг Алексей не хотел.

– Прошу. – Аарон слегка откинулся в кресле, предоставив Алексею возможность удовлетворить своё любопытство. Или – выразить свой гнев.

– Что будет с моим... Нашим ребёнком?

– О-о! Хм-м... Я мог бы догадаться. – Аарон откинулся ещё дальше, (так что Алексей заопасался, как бы тот не грохнулся на спину) и сцепил руки за затылком:

– Алексей. (Ого! Он впервые назвал его имя чётко, без «налёта» акцента! А это что-то, да значит!) Вы для кутюрье как-то уж чересчур умны! Вы, случаем, не умело внедрённый к нам агент? – Аарон беззлобно рассмеялся. Затем опять посерьёзнул.

– Да, я понимаю, сейчас, когда у вас... намечаются, скажем так: определённые перемены в жизни, вы просто обязаны... Хм. Позаботиться о будущем.

Порадую. Разумеется, *вашего* ребёнка в «Дом» здесь не заберут. И «прокол», разумеется, не сделают. Это было бы... Слишком непрактично. Расточительно!

Политика Корпорации состоит в том, чтобы постепенно, после гигантских глупостей, пусть неумышленно, но совершённых здесь, методично вернуть всё на свои места. В частности, нам *очень* нужны люди с *врождённой* способностью к творческому мышлению. И целеустремлённостью в достижении намеченных целей.

Экспортировать их из того, основного, мира, как вы, наверное, уже догадались – крайне дорого. И опасно. Камера работает уже около восьмидесяти лет. А как чинить её, если, не дай бог, что случится... К сожалению, никому не известно. Конечно, может, наши умники со временем и смогут разобраться... Но пока она такая – единственная.

Так что мы стремимся организовать производство креативных людей, так сказать, на месте. Для этого, как вы, возможно, уже догадались, мы всех... Детей, полученных от та-

ких вот, как вы, специалистов, отбираем. Из всех оставшихся стран.

И переправляем в БША. В *тамошние* Интернаты.

Они – совсем не такие, как здесь. То есть – там ребёнок имеет возможность – да, *сам* выбрать будущую профессию. Поле деятельности. Место, или область, где захочет проявить свои наследственные... Или какие-то другие, таланты. Разумеется, если его отец окажется устойчивым к стрессам.

Так как Аарон замолчал, дав возможность Алексею обдумать сказанное, тот быстро понял, какого вопроса от него ждут:

– То есть, если отец сделает какую-нибудь глупость... Вроде самоубийства... Или сопьётся... Или – не дай Моргант! – выступит против «политики Корпорации»...

– Совершенно верно. – хищной улыбки его визави теперь не скрывал, впрочем, быстро вернув лицу непроницаемое выражение, – Вся генерация его отпрысков, вне зависимости от её талантов и способностей, будет признана «рискованной», и соответственно, подвергнется...

– Лоботомии! – Алексей сказал это равнодушно. Но чего ему это стоило!..

Вот тебе и кнут и пряник! Их дети – заложники «примерного» поведения папочки!..

Н-да, «революция»-то, похоже, отменяется... Впрочем, поживём – увидим!

– Ну, зачем же так грубо. К настоящей лоботомии *наша*

Операция почти никакого отношения не имеет. Она просто... ликвидирует возможность агрессии в отношении других людей! Вы же умный человек, Алексей. Начитанный. Попадалось «Возвращение со звёзд» Станислава Лема?

– Нет. – Алексей закусил губу. Мог ведь прочесть – посчитал скучным старьём... Баран.

– Ну, я вам вкратце сюжет-то... Впрочем, сюжет как раз неважен. Там главное – Идея.

Герои-космопроходчики скитаются по планетам чужих систем. Чтоб обогатить земную науку Знаниями и... всем, чем там можно обогатиться. Неважно. Главное – возвращение, как и указано в названии.

Словом, вот прилетают эти самые отважные космопроходчики на землю со всеми своими шрамами, подвигами, и образцами камушков через сто с небольшим лет... Ну, там, парадоксы Эйнштейна и всё такое – сами они постарели всего на десять.

А на земле – рай! В буквальном смысле – рай! Всё тяжёлую и нудную работу по изготовлению товаров и продуктов, полностью обеспечивающую всё Общество, делают роботы. Сами люди только...

Развлекаются. Катаются на каруселях в сотнях суперпарков, смотрят кино. Переживают приключения. Суррогатные, разумеется – всё вокруг безопасно до тошноты!

Любят друг друга. Нет, не в том смысле, что – любят, а в смысле секса. Лёгкого, ни к чему не обязывающего. Став-

шего чем-то вроде дополнительного развлечения.

Ну так вот – отважным космонавтам это, конечно, непонятно. Как же так: человек – и вдруг – неагрессивен?! Без амбиций, карьеризма, зависти, ненависти, подлости... Перезитков первобытной дикости, короче.

А дело в Социальной Революции. Всех новорождённых «бетризируют».

То есть – вкатывают некую химическую прививку, которая пожизненно подавляет центры мозга, как раз и отвечающие за всё это безобразие... Агрессию. Стремление к поиску. Амбициозность. Ну и так далее – по всему списку, что отличает нас от животных.

Так что, поняв суть произошедшего, главный герой справедливо считает, что человечеству «кастрировали» мозг. И душу. Вам ведь наверняка приходило в голову, что мы здесь проделали то же самое? Ну вот видите...

Словом, тамошнее Правительство, видя, что сто лет идиллической жизни привели только к тому, что у них на попечении оказалось стадо безмозглых и ленивых баранов-сибаритов, начинает искать способы вернуть «дух стремлений к переменам и открытиям»... Ну, собственно, для таких открытий, и полётов снова в космос, они и планируют использовать вернувшихся космонавтов – те же профессионалы! И – без прививок!

А вот проблему отказа от «бетризации» это самое Правительство даже не рассматривает! Как потенциально очень

опасную, буквально – означающую возврат к дикости и варварству. Когда все были каннибалами-убийцами... Почти.

Мы смотрим несколько шире. Для нас нет такого понятия: «общая масса баранов».

К каждому нужно подходить индивидуально. Ладно, можно пережить то, что почти отсутствуют армия и полиция – здесь уже не происходит войн и преступлений. Поэтому все тюрьмы сейчас отданы под «Дома».

А вот то, что нет личностей, способных в критический момент взять на себя ответственность, и руководить этой самой толпой... Вызывает беспокойство.

Да – я не оговорился. Камера Теслы, безусловно, скоро сторит – запашок пробитой изоляции с каждым запуском всё сильнее, несмотря даже на охлаждение жидким гелием.

И с чем мы тогда здесь останемся?

Вот именно. С Социумом на грани техногенной катастрофы.

Так что, извините, Алексей – если надумаете остаться здесь после окончания Контракта – вам и вашей избраннице Корпорация *гарантирует* проживание в большом и удобном доме. В БША. Непыльную чисто номинальную работу, и материальное благополучие до самой смерти. Плюс гарантия безопасности и отличного образования для всех *ваших* детей – перетрахай и обрюхать вы хоть пол Гелландии, или БША! – слова, срывавшиеся с уст резидента были нарочито грубы – очевидно, чтоб Алексей поверил в то, что тот гово-

рит. Алексей поверил бы и без этого – кое о чём он уже догадывался и сам...

– Я ничего не утрирую. И не скрываю: вы для нас *очень* важны! Как и четыре остальных Пришельца, находящихся сейчас здесь, в Омстердаме... И ещё нескольких сотен, не дающих сдохнуть промышленности в Явропе, и там, в Штатах...

И вот ещё что. Старик Моргант, когда увидел, что вернуть джина мировой бойни назад, в бутылку, не получается, всё-таки отдал Приказ о бомбёжке... И повесился.

Согласно его завещанию всех его детей от местных женщин... Оперировали.

И этот принцип теперь соблюдается буквально свято: нам здесь в *Руководстве* морально неустойчивые, и плохо... Планирующие – не нужны! Вот лично вы нам сразу показались... Даже слишком умным. Потенциально опасным. Видите – я не скрываю нашей небезосновательной настороженности в отношении «Творцов со склонностью к самостоятельному мышлению».

Однако неудачные опыты с предыдущими Мастерами показали, что лучше всё же поумнее и посамостоятельней, чем побанальней и подобросовестней...

Скрупулёзных добросовестных исполнителей у нас и здесь хватает. Посредственной серости, несмотря на их послушание и прилежание, мы теперь не перевозим сюда.

Это в феодальном... Или – в азиатском менталитете

(Алексей скрипнул зубами при набившем оскомину слове) лояльность к хозяину превалирует над деловыми качествами. Это там окружают себя родственниками и лизоблюдскими прихлебателями, не умеющими ничего, кроме подхалимажа... Поэтому развития там почти и не происходит.

Мы здесь себе такого позволить не можем – общественная и хозяйственная деятельность и так на точке замерзания! Про «передовые научные достижения» уже молчу – дай Бог закрепиться на уровне восьмидесятых... Никто из оперированных не способен открыть даже частную сапожную мастерскую – ведь для этого нужно проявить инициативу и напористость! Нужны личности. Желательно – хорошо знающие, к чему стремятся, яркие.

А яркая личность не может быть Творцом, если не чувствует самостоятельности.

Вот поэтому я ничего не скрываю от вас, Алексей. Вам достаточно только пожелать – и Гудрун, Мими, Софи, и ещё десятки понравившихся вам женщин будут обеспечены отличной пенсией – только подарите им... и нам... Ваших детей!

За мыслью резидента следить оказалось совсем не сложно. Да он наверняка специально так и говорил, чтобы не возникало недомолвок и двусмысленности.

Карты открыты. Можно торговаться. Вместо этого Алексей спросил:

– Гудрун мне вы подсунули?

– Алексей, прошу вас... Не «подсунули», а «избрали». Разумеется, она попала к вам первой не случайно. Уж наши психологи там, дома, изучали... Ваши предпочтения. Любимые книги. И все рекомендации, вещи, и массу всего остального переслали тем же рейсом, что и вас – только под настилом, в нижнем отсеке. Ну, вы наверняка уже... Н-да.

И это, кстати, входит в те усилия, которые мы готовы приложить для *своих* людей! И, между прочим, тут, в «посылке из Дома», вас ожидают и любимые книги, и разные другие приятные мелочи. Сможете забрать в любое время.

– То есть, сыр в мышеловку помещён строго по науке...

– Не нужно иронизировать. Я ведь уже сказал: мы уже *очень* хорошо понимаем, насколько ценен *любой* талантливый человек – неважно, в какой области он талантлив!

Вспомните дом – что, ценят там таких как вы? Нет – там всё по Дарвину: выживает сильнейший и подлейший! Мразь, мерзавец, или сука, готовые идти по трупам, чтобы пролезть! Хитрожопые льстецы и подлезшие под Босса шлюшки получают то, что хотят, а те, кто реально мог бы продвинуть *Дело!*.. – Аарон, наклонившийся к Алексею, и даже побелевший (Похоже, «дома» хлебнул и сам!) прервал фразу. Умерил пыл, и отдышался.

– Простите за чрезмерную эмоциональность, так сказать, выступления. Мне тоже сложно всё это. Напрягает. Особенно теперь, когда понимаю – от меня (И вас тоже, нравится

вам этот факт, или нет!) зависит выживание этой чёртовой Земли-два!

А на милой и родной Земле-один те, кто мечтают не о Карьере и деньгах как таковых, а собственно о Творчестве с большой буквы, которым некогда, да и стыдно тратить время и силы на все эти интриги и подсиживания, кто брезгует всей этой грязью, так и остаются не востребуемыми. Затёртыми. Оттеснёнными от работы более...

Наглыми и пробивными. И вовсе не талантливыми, а... беспринципными!

Или я не прав?!

Слова резали, словно бритвой по главному яблоку: легко и глубоко. Аарон и говорил с чувством. Видать, тоже болезненно переживал, когда столкнулся дома с...

А он – он сам, разве не столкнулся?.. И что он при своём «оттирании» испытывал?! О-о, он отлично это помнил... Резидент бьёт без промаха – здесь-то он прав на все сто.

Рана свежа, и ещё кровоточит. Крыть нечем.

Да, возможности для *творца* здесь – колоссальные.

И поэтому колоссален и крючок с наживкой...

Закрыв лицо руками, Алексей долго молчал. Не хотел, чтобы Аарон видел невольно снова выступившие слёзы. Хотя тот уже наверняка об этом догадался – читал же его досье.

Аарон не нарушал повисшей паузы, зная, что его собеседник всё вполне... Оценил. И этот самый крючок с наживкой. И кнут. И Пряник.

– Я согласен на ваши условия. – глаза Алексея покраснели, но слёз уже не было. – Но есть вопрос. Жить мне... После окончания Контракта – обязательно в БША?

– Вовсе нет. Вы можете жить где угодно. Честно говоря, многие ваши соотечественники, кто уже... удалился от дел – предпочитают Швацию или Норвегию. Или даже Новую Зеландию – там очень живописные места. И – тишина. Это – их формулировка.

– Хорошо. Я... Принимаю условия Корпорации. И – ещё просьба. Труди и ту, другую... горничных из моего Отеля, переведите куда-нибудь... – Аарон тактично кивнул, ничего не сказав, – А нам назначьте каких-нибудь... более пожилых.

Гудрун, конечно, заметила его покрасневшие глаза.

– Алексей! Это я виноват? Простить меня, я плохой девочка, да? – у неё самой глаза сразу стали на мокром месте. Ах ты глупая малышка! Алексея проняло.

Он прямо в одежде подлез к ней на постель, обнял сидящую девушку, и прижался к шелковистым волосам ртом:

– Нет! Нет, моя маленькая! Ты – мой ангел! И я вообще не плакал! Это просто ветром мне сейчас надуло – вон, посмотри в окно! Видишь, сколько пыли?

Пыли там, конечно, не было – вот и влажность, наконец, пригодилась хоть на что-то! – но ветер и правда дул – будь здоров: похоже, собирался ливень с грозой.

Прямо как в книгах: в момент «кульминации» погода все-

гда... Соответствует настрою главного героя.

Алексей ещё раз ободряюще улыбнулся, приобняв девушку, и пошёл в ванную – умыться. Из зеркала глянуло перекошенное, совершенно белое лицо.

Нет, так не пойдёт.

Он должен успокоиться.

Впрочем – несильно. Иначе не сможет «творить». Работать. Да и просто – ходить среди всех этих милых и безвредных как кролики, людей.

А вот интересно: повесился Моргант – один? Или оба? Или всё же тот, что прибыл сюда на «ПМЖ»? Впрочем, уточнять глупо. Вряд ли Аарон соврал. А ему глубоко наплевать, кто из Моргантов... Дело-то уже сделано.

Чёрное, гнусное. Что бы он там ни думал, насчёт «рая на земле», на самом-то деле это – не рай. Это самая банальная ферма. По разведению: с одной стороны – покорных молчаливых рабов. С другой – пожизненных надсмотрщиков и руководителей. Которые выбирают, куда стаду идти кормиться сегодня. А если «элита» задурит – то...

Аарон-то прав. Нравится это ему или не нравится, но и от него в том числе сейчас зависит, выживет ли это... Стадо.

Чёрт. Совсем как у Таталина в тридцатых. Только что без Гулаг-а.

И ведь только таких как он имеет смысл шантажировать судьбой детей.

«Бетризованным» на них глубоко... Наверняка вместе с

амбициями и агрессивностью пропала и обратная сторона всего этого «накала страстей» – обычная любовь. И любовь к детям. Своим детям. Так что отказ от Семьи – это не Причина всеобщего равнодушия. А как раз – его *следствие*. Чтоб не было тех же беспризорных...

Интересно – дадут ли ему встречаться со своими отпрысками в этих самых «элитных» Домах-интернатах?

Он приказал Совести заткнуться, и Мозгу – подумать о... хотя бы об ужине.

Это оказалось проще, чем он ожидал. В-смысле, договориться со своей совестью.

На ужин им принесли рыбу и морепродукты – Алексей заказал те, что так понравились Гудрун в кабачке «У Петра». Всё равно платит Корпорация. Ничего – не обеднеет.

Раз уж держит весь Мир в кулаке...

Ночью он для разнообразия спал. Наверное, «успокоила» гроза, которая действительно разразилась. Молнии и гром старались вовсю. Ну хоть погода на бедном шарике совсем не изменилась.

Утром Гудрун вдруг отказалась от завтрака. «Что-то равновато проявляется...» – подумалось Алексею, – «Разве что всё произошло ещё в самый первый раз».

Но на работу они пришли к половине девятого. Фру Магда уже не улыбалась, а имела сугубо деловой вид. Пока они сно-

ва прикладывали и прикалывали к Гудрун всё то, что надо было ещё проверить и подправить, речь вели только о конкретной работе.

В девять Алексея поразил странный звук: словно где-то загудели моторы, и начал о работу несколько десятков швей машин. Потом он вспомнил – к сегодняшнему дню Дитрих должен был «усадить» за машины чуть не полсотни швей, закройщиц и гладильщиц.

Ладно. Гул, собственно, не мешал ему.

К обеду Гудрун часто хваталась за голову и морщилась – похоже, у неё от этого самого «гула» разболелась голова. Или не от гула? Подгадав к положенному времени, Алексей закончил, и повёл своих на обед.

Вот сегодня повара еле справлялись с тяжеленными квадратноформенными кастрюлями из нержавеющей стали, а на кухне пар и запах пищи стояли коромыслом. Они поторопились поесть – персонал кухни даже посматривал на них нетерпеливо.

Наконец пришёл черёд и Софи с Мими – пришлось им вылезти из угла, где они очень даже тихо просматривали модные журнальчики из того же Париса, и поочередно залезать на тумбу.

Сегодня «хэрр Алексейс» колол всех нещадно. Но к вечеру всё оказалось подогнано и под «молодёжный» вариант. Подумав, Алексей велел залезть на тумбу и фру Магде.

Помощница подрастерялась. Алексей же, хитро прищу-

рившись, решил посвятить весь завтрашний день ей – он кое-что «увидел»...

Вечер, правда, посвятил Гудрун: потащил к примеченной ранее парикмахерской, и заставил понравившуюся мастерицу среднего возраста сделать укладку так, как хотелось *ему*. Расплатился. По дороге домой все встречные девицы, да и пожилые женщины удивлённо пялились. Алексей потирал руки: вот что значит приподнятые волосы! Сразу – другой вид, имидж, стиль. А для «показа» нужно будет повторить причёску.

Гудрун же шла явно на автопилоте – опиралась на его руку. Зато тримол, купленный в аптеке, к вечеру сработал, и милое личико перестало кривиться от боли, успокоив переживавшего Алексея – там, «дома», Лена часто устраивала ему такую показуху, как он теперь догадывался, но так и не... А вот Гудрун...

Не навредить бы!

Спали без увеселений. Зато тесно прижавшись друг к другу...

Назавтра к вечеру оказалось, что он не зря потратил весь рабочий день на «строгий консервативный вариант». Вишнёвый бархат придал абсолютно новый имидж фру Магде – когда Алексей предложил ей самой оценить посадку в огромных зеркалах, та только поохала. Впрочем, глаза её так и оставались удивлённо расширенными до конца работы.

Алексей хитро посмеивался в усы. А что – уж наверное, фру Магда заслужила, чтобы покрасоваться хоть разок перед «высокими» козлами из Комиссии...

После работы он лично повёл Помощницу в ту же парикмахерскую, занудно и долго объяснял мастерице, чего хочет. Гудрун не стала дожидаться результатов – ушла домой. Алексей терпел, потел, сердился, поправлял.

Часа через полтора фру Магда сердито хмурилась, и вертела головой во все стороны, придирчиво рассматривая себя в трёх зеркалах. Алексей оплатил стрижку. И улыбался ещё хитрей – то, что нужно!

Вся неделя до конца, и половина следующей ушла на обычную рутину: примерки за примерками. Переделки. Вариант каждого платья номер три, четыре и пять... В четверг закончили и компьютерный вариант, и рассчитали «оптимальный раскрой». Фру Хельга уже сидеть не могла – к вечеру буквально вываливалась из кресла у экрана. Алексей успевал везде. Гудрун он оставлял дома, хотя та, вроде, «чувствовать мой лучше».

В четверг после обеда Алексей повёл всё своё воинство «манекенщиц» в парикмахерскую – повторить укладки. На всех четверых ушло добрых четыре часа – но он остался доволен: мастерица-стилистка не зря практиковалась на его дамах заранее. Строго хмурясь, он приказал спать так, чтобы укладка сохранилась... Мими и Софи только моргали.

В пятницу Большие шишки заявили. Тут уж Гудрун

пришлось постараться – Алексей, решивший потряхнуть стариной, а заодно исключить привлечение посторонних, приобрёл большую косметичку.

Грим наносить он ещё не разучился: «агрессивный» у Гудрун, «освежающий» – для Мими и Софи, и «консервативный» для фру Магды. Причёски подправил лаком для волос.

Как ещё в самом начале понял Алексей, здесь раньше с такими сложными приготовлениями никто не заморачивался: сдали платье, и – порядок. Словом, лишние хлопоты Мастерам были нужны, как рыбке самовар... А зря. От причёски, макияжа, посадки головы и тела, и походки модели зависит буквально... *Всё!*

Если первые два варианта и три разнотканевые модели уже не вызвали видимого удивления, то при появлении фру Магды все зашевелились, переглядываясь – проняло!

Даже хэrr Ванавермайт погладил подбородок – видать, представил *такое* на своей жене... А что – Алексей делал упор именно на доступности трёх вариантов для любого возраста. Универсальности. В понедельник узнает – удачен ли выстрел...

Борзые ребята за видеокамерами даже попросили (Чего раньше уж точно никогда не делали!) фру Магду пройти ещё раз – помедленней, и покрутиться, приподняв руки...

Алексей подумал было, что возможно несколько... Переусердствовал в стремлении эпатировать солидных консерва-

торов. Может, стоило отказаться в этот раз хотя бы от макияжа?.. Но одного-то он точно добился: его Помощница теперь вовек момента своего звёздного триумфа на настоящем Подиуме не забудет!

Даже если эту модель и завернут.

Модель не завернули.

Хотя Алексей в кабинете, куда они все снова набились в ожидании вердикта, целый час ходил из угла в угол, уже не заботясь тем, что «вселяет панику в ряды...», потя ещё хуже, чем даже в первый раз, и отдавив несколько ног, запретил высказывать предположения, и «утешать» его.

Церемония «одобрения» и «благодарности» прошла штатно. После отбытия «Высоких Членов» женщины снова тискали и обнимали его. Он снова смеялся, как дурак. Благодарил. Когда все ушли, и он остался только с фру Магдой, Алексей позволил себе высморкаться и утереть полившиеся вдруг слёзы.

Что за чёрт... Что это с ним? Что с ним сделала чёртова Гелландия – он рыдает чуть ли не каждый день! Дома, даже после разносов матери, он себе такого... Нет – там он только сильнее стискивал зубы! Собирался – для новой борьбы. Никогда не позволял эмоциям – проявиться!..

А здесь – что? Может, это оттого, что он не чувствует... Давления?

И не нужно держать постоянную оборону?..

А, может, пробило на сантименты? Ностальгия одолела?..

– Хэrr Алексей. – во взгляде фру Магды сквозила неподдельная озабоченность, – Не смейте сдаваться! Я же вижу: вам хочется чего-то большего, а вы... Нельзя останавливаться! Стоит лишь замедлить шаг – и начнётся кризис. Я... наблюдала такое. Пять... или шесть раз.

Мастер добивается чего хочет, успокаивается, расслабляется. Хочет отдохнуть – дескать, честно заслужил... Берёт половину отпуска. Ищет подвигов себе на...

После этого он – дерьмо! Простите за гадкое слово. Но оно отражает то, что я думаю. Вы – не они! Поэтому для вас риск расслабиться и потерять... вот то, волшебное, неуловимое... Ещё больше!

А кроме этого хочу сказать...

Спасибо, что подарили мне...

Праздник!

Алексей не придумал ничего лучше, как снова обняться со вздрагивающей от рыданий женщиной, и нежно чмокнуть её в начинавшую покрываться морщинками шею. Про себя он...

Понимал, что лучшего совета ему ещё никто не давал!

В понедельник Гудрун с утра тошнило.

На действия Алексея это не повлияло – ему и фру Магде нужно было «получать то, что причиталось» от Начальства. Так что в наглаженной усилиями новой пожилой горничной

сорочке, и неизменном костюме, он в без трёх десятых вежливо приоткрывал дверь босса, пропуская вперёд фру Магду.

По тому, как встал им навстречу из-за стола хэrr Кит, и как плотоядно потёр холёные, не знавшие труда ручки, Алексей понял – порядок!..

Несмотря на напускной озабоченно-нахмуренный вид начальства, ему разрешили «сдать в производство» всё то, что их Ателье наворотило за эти недели. Алексей цвёл, как чёртов Рэу – ежеминутно ловил себя на необходимости убирать улыбку с лица. Спасала только фру Магда – она сердито пинала его под столом прямо по щиколотке. К концу «планёрки» там образовался настоящий синяк.

Неделя, пока «обрабатывали» крупные модели на Анни и Марго, пролетела незаметно: на автопилоте. К «пухляшкам» Алексай относился теперь гораздо теплей – да и те хлопали глазами, но уже не кидали на него возмущённых, как вначале, взоров.

Приёмка-сдача прошла гладко. Запомнилось лишь то, что старший у операторов наконец решил представиться:

– Я – Рихард. А... Где вы делаете девушкам причёски?..

Хм-м... Глядишь, из-за него тут появится реально новые стили. И не только в одежде. Ну и ладно: так им и надо. Сами же хотели «креатива»?..

Очередным заданием оказался кардиган Туфи Дуйк. Мо-

дель... Анна Зиммер, что ли?..

А, неважно. Важно, что фигура больше похожа на Софи. Словно тот, кто давал это задание, точно знал, что их модель «в теле» уже не слишком «в форме»... Впрочем, почему – «словно?..»

Его «персональная» девушка к этому времени уже покрылась интересной бледностью, и зависала над ванной буквально каждый час.

Алексей переговорил с Аароном. Тот считал, что если они хотят сохранить ребёнка, Гудрун нужно поместить в госпиталь – и взялся зарезервировать палату. Как заинтересованная сторона, Корпорация даже бралась оплатить расходы. Алексей порадовался – ведь и правда, паршивцы такие, заботятся. Честь им и хвала.

Он всё же попросил пару дней подождать – может, наладится, «пройти само», как заверяла Гудрун. Ага, «пройти» оно... Два раза.

Работать пришлось куда больше. А это оказалось сложней – Алексей не высыпался. Просыпался при каждом очередном «походе в ванну». Перевод в госпиталь они оба восприняли с облегчением – Гудрун «переживать», что она «мешать ему отдыхать и работа!»

На работе – нельзя сказать, что пошла рутина.

Алексей и сердился, когда не выходило, и радовался, как дитя, за что получал игривые, а иногда – и не очень, шлепки и тумаки от Помощницы... И наблюдал очередное прикусы-

вание губ художницей. Софи откровенно сердилась. Что он не оказывает ей такого «внимания», как «оказал» Гудрун.

Возможно, где-то она и была права. Алексей и сам понимал, что женщина... к которой он скорее равнодушен, чем заинтересован, не может «вдохновить» его «на все сто».

Ну вот нет стимула подчёркивать её сексуальность, гибкость, и живость натуры, если не изучил «более пристально», «в деталях» все особенности, пропорции и линии...

Поэтому в следующий понедельник, поняв, что Гудрун лучше всё же подольше полежать в госпитале на сохранении, он в светлой и просторной отдельной палате переговорил с ней. Сугубо по-деловому.

– Дорогая. Как ты посмотришь на то... Что моей Музой-вдохновительницей, пока тебя лечат, порботает... другая?

– Конечно. Я понимать, что это надо для... работа. – она даже не плакала! Алексей держал и покрывал поцелуями милые и такие полупрозрачные теперь тоненькие ручки, – Пожалуйста. Делать ты так, как надо для работа. Я... Пожалуйста, простить мой, я подвести тебя!..

Она разрыдалась. Чёрт возьми! Она, оказывается, лучше него понимает, что кутюрье нужны для такой бесплотной и таинственной штуки, как Вдохновение, сугубо земные, зримые и ощупываемые, стимулы! Для воплощения, так сказать... (Чёрт. Вот он и перенял у Аарона и прочего начальства эту дурацкую присказку!..)

– Гудрун. Я хочу, чтоб ты знала. Ты – моя единственная. Но – не муза. А... Постоянная Партнёрша. (Он не решился назвать её словом «жена». Во-первых – она может попросту не знать, что означает это понятие. А во-вторых – (Всё-таки!) – Контракт ему брак запрещает!) Ты знаешь, что это значит?.. – он испугался, что всё равно она не поймёт.

– Да, я знаю. Для меня это – честь. Это значить, ты все мои дети делать сам!

– Точно! Ах ты, моя умница!..

Софи в постели не выделялась. И инициативы не проявляла. Видать, всё ещё сердилась. Что он не сразу...

Да и ладно. Уж он-то всё, что ему оказалось нужно, изучил. Огладил, ощупал... И... Словом, «нагло воспользовался служебным положением».

Поэтому через три недели они выпустили снова только две модели: одну – общую для Софи и Мими, и одну – снова для фру Магды! Чёртовы «Высокие Члены» к последней опять проявили заметно больше энтузиазма, чем к «молодёжным».

И хотя «одобрено» оказалось снова всё, Алексей понял, что так не пойдёт.

Пока не было его новой «основной» модели, всё его внимание вновь доставалось Софи. Прикасался и оглаживал он теперь её слегка костлявое тело куда спокойней и уверенней. Фру Хельга и старшая закройщица, Криспин, только и успе-

вали подносить, подрезать, и подгонять его исправления. Но, разумеется, пол как всегда оказывался к концу рабочего дня усыпан кусками и кусочками красного и зелёного цветов... Но.

Но он знал, что, ну вот – не получается у Софи стать «штатной музой».

Переговорил с Аароном. И вот в очередной понедельник, в его кабинет робко входила, сжимая в руке документы, модель средних лет, даже внешне напоминая Гудрун.

Но – рыжая.

Этот цвет Алексей не любил. Слишком... Требователен к подбору цвета ткани. И причёска... Озадачив девушку хмыканием и молчаливым хождением вокруг неё, он вынес вердикт:

– Фру Магда. Огромная просьба. Отведите её к Ариадне, (ну, нашей стилистке) и пусть она ей сделает стрижку «Сэнсон по-Хамбурхски», ну, вы помните – мы ещё в прошлый раз с ней немного поспорили по этому поводу... Да! И волосы – в тёмно-русый!

– Ну, раз вы банальный скандал называете так скромно... То – да, помню. Значит, в тёмно-русый?

– Тёмно-русый. И – желательно, чтобы к обеду вы обе были здесь. Иначе наши любимые швеи всё съедят.

Это была банальная правда. То, что готовилось в столовой теперь, деловито-сосредоточенная толпа швей-гладильщиц-закройщиц съедала подчистую. Алексей поэтому ста-

рался не опаздывая водить на обед своих...

Неделя, снова посвящённая размерам сорок восемь и пятьдесят, пролетела быстро.

Как-то штатно прошло и получение очередного заклеенного пухлого конверта.

Алексей не успевал тратить деньги, и карман сумки изрядно распух.

Блин. В банк, что ли, сдать их?..

Высыпался он неплохо. И почти ежедневно навещал Гудрун в госпитале. (Уж Аарон постарался, чтобы тот оказался совсем рядом – пять минут пешком.) Через какое-то время выяснил, что хотя бы по вечерам его девушка уже может хоть что-то есть...

Правда, спал он снова один. Софи сердито выпячивала губки. Но – молчала.

Ещё бы ей выступать: Алексея теперь побаивалась и охрана – особенно после того, как он, уводя гвардию в рабочее время делать причёски, «решил» вопрос об их «выпуске с охраняемой территории» в это самое время. Теперь-то он мог бы привести и увести хоть коня – после личного распоряжения хэрра Ванавермайта!..

До новой модели – звали её Стефани – руки у Алексея дошли только через неделю. Когда он крутил её перед собой на вращающейся тумбе, главного – чтоб цепляло! – не ощу-

щал. Но фигура... Идеальна, чёрт её задери!

Решил поэтому оставить.

«Водрузив» на подставку, Стефани добросовестно ощупал со всех сторон.

Та молчала, только помаргивая на него огромными подслеповатыми зелёными глазами – как позже оказалось, к двадцати годам у неё проявилась близорукость, делавшая бедняжку почти совершенно слепой при ходьбе по улицам. Контактных линз здесь не было, (А вот чего в них-то опасного, Алексей так и не уразумел!) а очки абсолютно исключались. (Ну, ещё бы! Где вы видели модель – в очках!)

Так что как Стефани воспринимает окружающий мир со своими «минус пять», Алексей не представлял. Вернее, представлял, но начал реально опасаться за жизнь флоренцинки – Стефани оказалась оттуда.

Всё же здесь – каналы на каждом шагу. Хоть и обнесены, вроде, балюстрадами -неровен час...

Чтобы решить проблему с «цеплянием», пришлось, конечно, поулыбаться, и проводить. До своего номера.

Через три недели Комиссия снова признала, что первая, базовая, модель удалась на славу – но был вынесен вердикт, слегка (Да, только слегка!) расстроивший Алексея: молодёжный вариант на этот раз – завернуть.

Мими и Софи изволили плакать...

Утешали их всем Ателье – вот уж действительно, коллектив или сплотился, или...

Или так было всегда? Алексей постарался извиниться как можно честней, и всю вину за «несоответствующий дизайн» принять на свою широкую грудь. Девушек он, возможно, немного утешил, но фру-то Магда смотрела на него так, что...

А вот сама фру Магда снова прошла «на ура» – видать, прорняла чем-то пожилых мужчин.

Может, очередной причёской, которую ей сделали по новым указаниям Мастера?..

В пятницу вечером Алексей проводил Стефани к ней домой, и ночевал снова один.

Полил рэу, посмотрел телевизор. Книгу Аарона читать не хотелось. Поэтому просто лёг, закинул ногу на ногу, а руки – под голову.

Он как-то закрутился в последний месяц – некогда было даже спокойно подумать. О себе. И будущем.

Свет полной луны отбрасывал на стену узор стильных тюлевых занавесей. Чуть прохладный, словно осенний, ветерок ворошил эти узоры – тени будто бы жили самостоятельной и непонятной жизнью... Эк, куда его повело – в мистику, что ли?

Теперь Алексей лежал на боку, и пытался сосредоточиться.

Не думалось – ну вот абсолютно... Может, потому, что опять полностью отказался от алкоголя?.. Не-е-ет, к алкого-

лю он не прибежит! Эх, прадед...

Но разные мысли всё же проходили, словно сами по себе, сквозь его заторможено-отстранённое сознание.

Кто он?

Зачем он здесь?

Неужели всё обстоит именно так, как рассказывал резидент? И никаких надежд на возрождение его расы и нации не существует?

Вряд ли: наверняка кто-то до него пытался осуществить глупый «План номер один». То есть – побег в глубины тайги, и кочевно-собираТЕЛЬная жизнь в лесах с радиацией и бактериями тифа, туберкулёза и сибирской...

Наверняка ни к чему хорошему это не привело. Хотя и казалось вначале единственно возможным способом. Способом борьбы с Империей Моргантов.

Нет, не приспособлен человек двадцать первого века к жизни оленевода или охотника! Да и нехватишь с собой на долгие, долгие годы, пока подрастёт смена взрослых мужчин – ни патронов, ни соли, ни... Да что говорить – утопия.

Другое дело – попытка «взорвать» изрядно уже подгнившее сообщество изнутри...

Это займёт куда больше времени. Всю жизнь. Или даже больше. Потребуется, разумеется, куда большего терпения, самообладания, и мужества.

Да – именно мужества! Вынашивать коварные планы, годами никого в них не посвящая – да ещё в одиночку... Жутко

трудно. Особенно, если эти планы даже ещё не составлены.

Нужно узнать слабые стороны чёртовой Империи. И ударить именно туда. Но этого мало.

Мало – разгромить врага.

Нужно на обломках его мира построить свой! А это...

Да, это – тысячекратно трудней.

Он не политик. И не секретный агент. Он ничего в этом не понимает. Особенно трудно сообразить – как проделать всё так, чтоб не пострадали невинные. Оперированные. И – его дети. Да и дети остальных «заложников».

Вот! Аарон сам признался, что в БША много именно технических специалистов – «Не дают сдохнуть Промышленности!..» Вот туда, к ним, и надо попасть. Прощупать, посоветоваться. Подумать вместе. А вовсе не закрываться отшельником в красивых, но безлюдных шхерах Норвегии...

Ибо только у «пришлых» с Земли-один людей, в том числе и у отошедших уже от дел отшельников, можно хоть что-то конкретное выяснить.

А вдруг они уже пытались?..

И вдруг – что-то – получалось?..

Да.

Этому он и посвятит себя после завершения срока Контракта. Сбору информации. Выработке Плана. И – главное! – поиску соотечественников. Да и просто – понимающих, сочувствующих, несмирившихся, но затаившихся ввиду полной пока невозможности что-то реальное противопоставить

Системе, пришельцев *оттуда*. Быть может, годами всё обдумывавших, и уже готовых помочь...

Те, кто как он, прошли горнило перестройки и недоделанного Капитализма, не могут оставаться равнодушными к тому, что сделали с их Страной те, что сами ручек не пачкают, а только платят. Исполнителям. Загребают жар, «так сказать», чужими руками.

Крохотный, но неистребимый пыл угольков лютой ненависти и злости явно тлеет не только под пеплом его груди... Такое – не исчезает. И не забывается.

Но надо всё сделать так, чтобы не пострадали дети. Их дети.

Для начала, надо, как ни грубо звучит, наплодить их побольше...

Ну, погодите, бамерикосы – уж он доберётся до Страны Равных Возможностей!

Огонь потомка Чингиз-хана позволит ему долго... Работать.

Над повышением в крови Человечества-два доли коварных Скифов-Азиатов!

Но вот ещё что...

Пока осуществляется приток «свежей крови» через камеру Теслы, особого смысла кардинально менять что-то в работе неплохо отлаженного механизма этой реальности, нет. Вот если бы камера наконец сгорела...

Вдруг словно по заказу глаза резануло: во мраке ночи

он увидел, как странный фиолетово-голубой свет ярко высветил стену напротив окна, в которую он упорно впери́вал взор, обдумывая ситуацию.

Что за чёрт?!

Неужели – это – как раз то, что он подумал?! Сгорела?!

О-о! Последствия трудно... Вернее – совсем не трудно!!!

Ведь, если учесть, какая мощь аккумулирована за сутки всего в одном хронокванте, легко догадаться, что взрыв должен оказаться посильней, чем у любой водородной бомбы!

Значит, пипец чёртовым БША!!! (Вот хорошо, что ещё никуда не уехал!)

А сюда...

А сюда через какое-то время придёт ударная волна. И ещё кое-что.

Цунами!

А чёртова Гелландия – вся буквально состоит из чёртовых польдеров!..

Вскочив с постели, он, как был, в одном белье, ринулся вниз.

– Аарон! Вы видели вспышку?

– Нет. Но меня разбудили и рассказали.

– Вы знаете, *что* это означает?

– Да.

– Тогда как можно скорее организуйте все машины, которые у вас в Конторе есть. Мы должны вывезти подальше

вглубь континента всех наших, кого сможем!

– Алексей. – в голосе беспокойство, так непохожее на всегда спокойного и ироничного Аарона, – Почему вы думаете, что мы должны это сделать?

Алексей, прокусив губу до крови, чтоб сдержать крик ярости на промедление, и не желая показаться глупым паникёром, нарочито медленно и внятно сказал:

– Цунами.

Долгое молчание на том конце линии сказало ему больше, чем если бы он воочию, как нейрохирург, склонившийся над вскрытой черепной коробкой, наблюдал, какие процессы происходят в мозгу резидента.

Наконец он услышал ответ:

– Собирайте свои вещи, и – бегом в госпиталь к Гудрун. Через десять минут я пришлю за вами сааб.

– Понял. Успею.

Может, он и паникёр...

Или это – беспокойство за ещё нерождённого ребёнка и его мать так обострило его чувство опасности и логическое мышление?!

Неважно.

Важно лишь спасти Гудрун и её дитя.

А хорошо бы и фру Магду и всех остальных.

Но уж это – забота Корпорации!

А ещё он некстати подумал, что вряд ли в ближайшем будущем ему придётся много заниматься моделированием...

